

Дневник
протоиерея
Иоанна Андреевича
Серова

Житомир
2004

ББК 86.37-20

В дневнике воспитанника Глинской пустыни, репрессированного протоиерея Иоанна Андреевича Серова (1875-1959), содержатся описания монастырской жизни в крупнейших обителях дореволюционной России, а также картины гонений на Православную Церковь в годы богоотступничества. Настоящее издание дополнено подробными примечаниями, географическим и именным указателями и редкими фотографиями.

Описанные приснопоминаемым о. Иоанном события происходят на протяжении почти полувека, в период с 1890-х по 1930-е годы то в провинциальном городке Севске, Глинской и Площанской пустынях, Почаевской Лавре, Кременце, Житомире, Чернигове, то в убогом бараке для ссыльных на северной реке Шогле, то в беломорском городе Онеге, на завьюженных проселочных дорогах и в опечаленных деревнях Архангельской губернии – чуть ли не всей России содержит география дневника:

Написанный живо, простым и точным народным языком, дневник побуждает читателя к покаянию и молитве, жизни в мире с Церковью и с ближними. Дневник о. Иоанна Серова не может оставить равнодушным не только православного читателя, но и любого человека, в котором живет еще голос совести и чести. Пусть же сквозь десятилетия живое слово пастыря звучит для нас как звон будильный, призывающий всякую душу-христианку пробудиться от сна сего века и без страха и сомнений исполнить обращенные к ней слова Спасителя: “если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною” (Лк. 9;23).

*По благословению Преосвященнейшего Пантелеймона,
Епископа Васильковского, наместника Глинской
Рождества Пресвятой Богородицы пустыни.*

*Памяти новомучеников и исповедников,
за веру Христову пострадавших, посвящается*

О ДНЕВНИКЕ ИОАННА АНДРЕЕВИЧА СЕРОВА

Уважаемые читатели! Вашему вниманию представляется текст уникальной рукописи, составленной во времена небывалых гонений на церковь Христову в нашей стране. Это дневник, принадлежащий перу ныне покойного житомирского священника и поэта, протоиерея Иоанна Андреевича Серова. Ныне, милостью Божией, он издается в виде отдельной книги.

Первоначально публикуемый ниже текст дневника был восстановлен по рукописной копии, сделанной одной из духовных дочерей о. Иоанна, непосредственно с оригинала. В то время (предположительно, копия была снята при правящем епископе Житомирском Евмении) дневник хранился у Архимандрита Спиридона (в миру Кирилла Николаевича Лукича, в схиме Дионисия) (1), духовника Киево - Печерской Лавры после ее восстановления в 1988 году. Архимандриту Спиридону дневник передал, по-видимому, сам о. Иоанн или его близкие. Однако, в процессе работы, при содействии ныне покойного регента Житомирского кафедрального собора Геннадия Николаевича Сладкевича, был обнаружен и сам оригинал дневника, писанный собственноручно о. Иоанном Серовым. Сейчас оригинал находится у духовных чад о. Иоанна, а ксерокопия и электронная копия оригинала – в архивах издательской группы. При подготовке к печати дневник практически не подвергался исправлениям и изменениям, за исключением тех немногих мест, где требовалось согласовать падежи слов и знаки препинания, в соответствии с современными правилами русского языка. Порядок следования предложений не изменялся. Для удобства чтения весь дневник был разбит на главы, а главы – на разделы. В авторском тексте этого нет.

Прошло более шестидесяти лет со времени написания публикуемых ниже страниц дневника. Долгое время рукопись просто хранилась у духовных чад о. Иоанна, и для хранения ее в годы

атеизма требовалось немало отваги. Затем, уже после прекращения гонений на Православную церковь, было сделано несколько рукописных и самиздатовских копий, которые тотчас же разошлись по рукам и благоговейно передавались из рук в руки. Читали со слезами на глазах люди и лично знавшие о. Иоанна, и совсем молодые, юные, о годах репрессий и тотального страха знавшие лишь понаслышке. А один из самиздатовских экземпляров дневника в 1998 году чудесным образом попал в редакцию только что созданной епархиальной газеты "Православная Житомирщина". В течение почти двух лет все сохранившиеся листы дневника были постепенно опубликованы, и уже не десятки, но тысячи читателей получили возможность увидеть потрясающую картину жизни ушедшего ныне поколения русских православных людей, ярко и образно описанную пером священника и поэта о. Иоанна на примере своей судьбы.

Детство в патриархальной православной семье. Ранняя смерть отца. Скорби и невзгоды, приведшие отрока Иоанна в высшее духовное училище – Глинскую пустынь. Пребывание в Площанской пустыни, Почаевской Лавре, яркие, написанные глазами очевидца картины церковной жизни дореволюционной России конца 19 - начала 20 века – все это мы сопереживали вместе с автором, следя за невесомою нитью повествования. Затем – тридцатилетний перерыв (дневники этого периода обнаружить не удалось), и перед нами предстает жестокая реальность жизни православных христиан послереволюционной советской России 30-х годов. Аресты, допросы, теснота тюремного заключения, картины баражной жизни ни в чем не повинных людей, сосланных на северную реку Шоглу. Полный опасностей поход в Онегу за документом об освобождении из ссылки. Радость освобождения и возвращения в родной дом... Все это проходит в дневнике – день за днем – перед глазами тысяч читателей, чтобы они, вновь и вновь как бы становясь современниками тягостных дней давно минувших, познали и неизреченную радость истинного покаяния, смогли принять в сердце простые и мудрые слова батюшки Иоанна и в них услышать тихий, но неотступный голос неусыпающей совести и, не откладывая ни минуты, раз и навсегда сделать решительный шаг навстречу новой жизни – жизни во Христе.

Невольно обращает на себя внимание одна особенность дневника. Среди стремительного потока событий о. Иоанн порою вдруг останавливается и простым и ясным "некнижным" языком, из самого своего сердца, излагает глубочайшие святые истины христианства. Он пишет о свободе и совести, о вере и безбожии, о лютой ненависти и святой любви. Он, сам находясь в "центре циклона" оставившей Бога, но, к счастью, не оставленной Богом страны, дает поразительно точную и исчерпывающую оценку сил и методов, направленных на разрушение Православной веры в Сердце издревле православного русского народа. И эта оценка особенно актуальна сегодня, когда призывающая Благодать приводит в церковь миллионы людей самого различного духовного и интеллектуального уровня, и воцерковление происходит практически без старческого окормления, при отсутствии опытных наставников. Ведь многие страницы дневника как бы специально адресованы нам (об этом часто пишет сам автор) – тем, кто пришел после поколения о. Иоанна, и в живых почти никого из этого поколения уже, увы, не застал. И святой сыновний долг нас, читающих страницы дневника, состоит в том, чтобы, стараться быть достойными того великого духовного наследия, к которому приобщает нас о. Иоанн.

Воистину сегодня, в годы материального и духовного возрождения разрушенных некогда монастырей, бесценным является составленное о. Иоанном описание монастырской жизни на примере Глинской пустыни, где он был послушником в течение нескольких лет в конце прошлого века:

"... Особого внимания заслуживала внутренняя жизнь насельников общежития. Цель жизни каждого поступившего в общежитие была – спасение своей души и достижение Небесного Царства.

... Начало службы всегда в 12 часов ночи. Читались утренние молитвы, полунощница и утрени. Служба продолжалась до 4 часов утра, затем на 2 часа отдых. И в 6 ч. ночи начиналась ранняя литургия. Поздняя литургия начиналась не позже 9 ч. Певчие строго распределяются, кто на раннюю, а кто на позднюю литургию. В промежутках этого времени каждый занимается своим делом. В 12 ч. дня обед. После обеда разрешается час отдыха,

и потом каждый идет на свое послушание. В 4 часа - вечерня до 6 ч. 30 мин. В 7 ч. вечернее правило до 9 ч; после вечернего правила посещать кельи друг друга строго воспрещается. От 9 до 12 часов каждый брат предоставляет самому себе: или отдыхать, или совершать свое келейное правило.

В праздничные дни служба совершалась обычно с вечера. В 7 ч. начиналось всенощное бдение и продолжалось до 12 ч. и даже до 2 ч. ночи. Богослужение здесь поставлено на должную благоговейно-торжественную высоту - особенно кануны великих праздников. Пение по своей простоте и мелодичности способно вызывает охватывать молящегося и унести в превысеннюю высоту, где забывается все земное, его окружающее. Хор в общежитии состоит из одних мужских однородных голосов, включая одну альтовую партию, которую исполняют обычно канонархи.

От себя скажу: какими Вы красками не расписываете картину со всею точностью, она все же будет далека от настоящего оригинала; так точно и мое бедное описание жизни и порядков того общежития, в котором я прожил 6 лет. Это был поистине лучший рассадник православия, лучшая школа благочестия. Поживши в ней и поучившись неленостно, всякий ученик тем самым основывал прочный фундамент, на котором смело мог созидать свое жизненное здание. Сколько было бы можно представить отдельных эпизодов, поражающих яркостью жизни этих насельников общежительной обители, людей, руководствующихся не научными теориями и ни философскими идеями, а Божественными откровениями и Богом установленными законами, которые умиляющим образом отражались и влияли на всех людей, соприкасающихся с ними. Как они влияли умиротворяющим образом на отдельных лиц, иногда в высшей степени озлобленных, разочарованных и доходящих до отчаяния. Их поразительно кроткое и любвиальное обращение со всеми к ним приходящими невольно привлекало к ним. Какая-то неведомая сила, обитающая в этих, поистине скажу, Богом просвещенных Людях, которая была способна иногда в один момент превратить человека из самого жестокого в кроткого ягненка, была способна переродить человеческую душу, обновить мысли и укротить расслабленную волю.

Какая-то тайна окружала насельников общежития, тайна

духовной силы, которая совсем незнакома для светского ученого мира. Светская наука двигает умы всего ученого мира, изучает и разъясняет, производит анализы и исследования предметов видимости - так сказать, внешнюю сторону субъекта. А внутренняя сторона, духовная невидимая, остается как бы неисследованной. Не буду слишком углублять свои мысли на этот предмет, одно только могу сказать: светская, мирская наука, без участия моральных принципов христианской идеологии, не принесла человечеству на протяжении тысячелетий никакого счастья и радости.

И, перелистывая дневник, находим описание другой величайшей обители России - Почаевской Лавры:

"Почаевская Лавра! О, Лавра, Лавра! Кто о ней не слышал, не знает в нашей матушке России необъятной. Даже если он и живет в каком-нибудь захолустном уголке. Первое впечатление при входе в Лавру не особенно меня поразило. Храмы, корпуса и величественность только напоминали мне то, что я оставил: такие же храмы и корпуса были и в Глинской пустыни. Но внутренний распорядок Лавры во многом отличался от того, какой был в пустынях. Братии в Лавре немного, и все они предоставлены в духовном отношении каждый сам себе, подчиняясь лишь общему административному порядку, дисциплине. В нравственную сторону другого никто не вмешивался, хотя и был поставлен так называемый благочинный, но это было как бы для внешней формы, чтобы не проявлялись во внешнем виде какие-либо неприличия.

Хор в Лавре состоял из послушников, но не все носили монастырскую одежду, а ходили и в светской одежде. Партии сопрано и альтов исполняли мальчики - ученики второклассной школы при Лавре. Хор имел состав мощный - до 35 человек, но певцы были совершенно чужды монастырского духа, монашеского настроения, и в большинстве случаев временные, приходящие - поживают месяц - два, или, в крайности, полгода и уходят. О них я в предыдущем своем писании обещал кое-что разъяснить. Среди этих случайных певцов - посетителей мне приходилось встречать исключительно замечательных людей по своей талантливости, образованности и моральной благородезумности. С внешней стороны вы никогда не подумаете, что в этом человеке находится целый

клад человеческого достоинства. Это меня лично научило разбираться в людях и или сближаться с ними, или удаляться. Этим даром, опытом, приобретенным мною, я старался пользоваться в течение всей моей жизни, и никогда не был оставлен Высшим Промыслом".

Минуло сто лет, а слава Почаевской Лавры отнюдь неувядает, но все более и более приумножается, и все так же радостно, как и сто лет назад, отзывается сердце православного христианина на заветное слово "Почаев". Достаточно сказать, что многие раз и навсегда уверовали после одного единственного посещения Почаевской Лавры. А вот о Глинской пустыни мало кто из новообращенных ныне знает. Но ее новый расцвет, ее возрожденное старчество, явленные в ней чудеса милосердия и покаяния, по свидетельству старцев, еще впереди.

Ниже опубликована лишь сохранившаяся и дошедшая до нас часть дневника – остальное, по-видимому, безвозвратно утеряно. Поэтому, для тех читателей, кто более подробно заинтересовался жизнеописанием о. Иоанна Серова, предоставляем краткую биографическую справку за годы после Почаевской Лавры и до ареста в 1931 году, составленную на основании архивных документов:

1903 г. – регент г. Кременца, псаломщик церкви с. Лычевки Староконстантиновского уезда;

1907 г. – рукоположен во диакона;

1908 г. – архиереем Волынским Антонием переведен в Житомир и назначен диаконом Михайловской церкви;

1919 г. – священномучеником епископом Фаддеем (Успенским) (память 18/31 декабря) рукоположен в сан священника, но выполнял обязанности псаломщика. Беспрерывно прослужил в Михайловской церкви 14 лет;

1922 г. – назначен на приход в с. Волосов Житомирского уезда, где пробыл 8 месяцев и возвратился обратно в Житомир:

По возвращении в 1923 г. вступил в Свято-Николаевское братство при церкви св. Игнатья Богоносца (всего братство насчитывало около 100 человек). Служил священником в братской церкви. В 1927 г. Игнатьевская церковь была закрыта и передана в военное ведомство. Братство временно перешло в кладбищенскую церковь и возбудило ходатайство о предоставлении одной

из церквей. В ходатайстве было отказано, а братству предложено было ликвидироваться, поэтому многие прекратили связь с братством, а 10-15 человек, в том числе и о. Иоанн остались в братстве вплоть до ареста 1931 г.

О жизни о. Иоанна Серова в предвоенные и послевоенные годы известно мало. Мы будем признательны всем, кто что-либо расскажет или напишет об этом периоде. Особо мы обращаемся к тем, кто лично знал о. Иоанна, с просьбой поделиться своими воспоминаниями. Поверьте, это столь важно сегодня. Быть может, кто-то узнает себя или своих близких на публикуемых фотографиях.

В заключение, хочется с благодарностью помянуть имена тех людей, без скромного и бескорыстного труда которых публикация дневника была бы просто невозможной. Это:

монахиня Мария - ее стараниями, по благословению ныне покойного архимандрита Спиридона (Лукича), до нас дошла рукописная копия дневника, с которой, собственно, и началась публикация;

ныне покойный Геннадий Николаевич Сладкович (в течение более чем 30 лет он бессменно руководил верхним хором в Житомирском Преображенском кафедральном соборе и много лет бережно хранил оригинал дневника), любезно предоставивший текст в распоряжение редакции;

журналист Игорь Александров, проделавший большую поисковую работу и на свои скучные средства разославший копию дневника коллегам - исследователям во многие города и обители;

сотрудники областной типографии г. Житомира, оказавшие посильную помощь в наборе текста.

ответственный секретарь редколлегии книги "Реабілітовані історією. Житомирська область" Евгений Романович Тимиряев, который провел историко-биографический анализ рукописи и составил большую часть примечаний.

Благодарим и всех тех, кто просто помог полезным советом, добрым словом, своим бескорыстным трудом. И, конечно же, мы благодарим всех вас, уважаемые читатели, кто сердцем отозвался на дошедшее до нас сквозь десятилетия слово русского пастыря о. Иоанна Серова.

Думается, публикации дневника о. Иоанна Серова в виде от-

дельной книги станет лишь малой частью грандиозной исследовательской работы православных краеведов, которая откроет миру несправедливо позабытые имена лучших людей нашей земли, - тех, кто непоколебимо исповедовал веру Христову во времена почти тотального богоотступничества. Пусть мир узнает имена тех, кто в эти страшные годы не позволил себе потерять лик человеческий – подобие образа Божия. Ведь уже сейчас в газете “Православна Житомирщина” опубликован ряд материалов об удивительных, благородных людях Свято-Николаевского братства г. Житомира, существовавшего в 20-х – начале 30-х годов (о. Иоанн Серов – лишь один из этих достойнейших людей, воистину составляющих соль земли). Все они были репрессированы. Священномученики архиепископ Фаддей (Успенский) и епископ Аркадий (Остальский), священники о. Орест Бычковский (впоследствии – епископ Пермский и Соликамский), о. Илья Николаев, о. Александр Гаврилюк, о. Юlian Красицкий, о Иоанн Серов, монахини София Каррик и Хилония Ящинская, княгини Наталия Ивановна Оржевская и Наталия Сергеевна Шаховская, бывший подполковник Царской армии Станислав Лукич Туркевич, бывший поручик Леонтий Александрович Цитович, бывший земский начальник, благотворитель и поэт, Константин Константинович Роше и многие другие - это целое созвездие имен, в которых все ярче сияет неугасимая слава былой Православной России, а значит и вечно юной Святой Руси.

А от Свято-Николаевского братства потянулись нити ко многим и многим именам репрессированных за веру Христову – только по священнослужителям Житомирской епархии такой список составляет более пятисот имен. А ведь были еще учителя, врачи, учёные, общественные деятели, наконец, простые люди всех верований и сословий, те, кто в эти тяжкие годы нашел в себе мужество жить по закону совести, данному каждому человеку от Господа.

Иные спросят: “Зачем все это публиковать, зачем вспоминать темное прошлое?” А затем, что не разорвалась связь времен, затем, что наши предки, новомученики и исповедники, за веру Православную на земле Великой, Малой и Белой Руси пострадавшие, на всей Земле-матушке в этой вере твердо стоявшие, они Господом в Царствии Небесном прославлены, а значит и здесь, на бренной земле,

нами на языках земных должны быть хотя бы помянуты. Помянуты не для того, чтобы в бессильных рыданиях томиться воспоминаниями о прошлом, но чтобы найти в себе силы для покаяния и созидающего труда во имя будущего нашей прекрасной страны – Триединой Святой Руси. Это наш неоплатный сыновний долг перед теми, кто сохранил, сберег, через тьму неверия и страха донес до нас свет Православной веры. Это наш отцовский и материнский долг перед теми, кто будет исповедовать святую Православную веру после нас. И потому хочется предварить публикацию дневника дорогого нашего приснопоминаемого батюшки о. Иоанна Серова замечательными словами святителя Феофана Затворника, словно специально к нам сквозь столетие обращенными: “Сохраните, что Господом и святыми его апостолами передано Церкви и что одно поколение христиан передает другому. Вы только это соблюдите, а все прочее уже само приложится”.

За время, прошедшее после обретения дневника, многое сделано, многое изменилось к лучшему, но сделать предстоит значительно больше, потому что, сколько бы каждый из нас ни сделал во славу Божию работы внутренней и внешней, этого все равно будет недостаточно, по сравнению с тем, ЧТО упущено и искажено. Вот поэтому-то и надеемся, что вся работа по подготовке к публикации дневника, все эти нелегкие, скажем даже, отчаянные труды, предпринятые горсткой исследователей-энтузиастов, были не напрасными, и в будущем принесут небывалые плоды. И я верю, что к Православию - вере своих дедов и прадедов придут, по-настоящему придут в скором времени целые сонмы молодых парней и девчат. И они, внуки и правнуки жертв и палачей, рука об руку, не помня былого зла, станут исповедниками веры Христовой в грядущем веке, не дадут “заморским заморозкам”, а паче своим “русским морозам” остудить ее.

По поручению издательской группы
Александр РАТЫНЯ

12/25 сентября 2000 г.,
13/26 октября 2003 г.

От редакции: Всех желающих оказать посильную моральную и материальную помощь издающей группе, в частности, участием в сборе материалов о Свято-Николаевском братстве г. Житомира и в организации поисковой экспедиции в район ссылки И.А. Серова (Архангельская область) и другие места, связанные с его жизнью, просим звонить по телефонам:

(0412) 22-54-45 – Евгению Романовичу Тимиряеву
(0412) 25-74-33 – Тамаре Цезаревне Субботенко
или направить свои предложения электронной почтой:
ratunya@mail.ru (просматривается 1-2 раза в месяц)

4-17 марта 1931 года, на третий день
Недели в Воскресенский пост – прошёл
Богослужение в честь Богоявления Господня.
Доистория болезни Богоявления –
из советской распутницы, я думаю
зрелована. Процесс этого события
в то время так болезнен, что оно –
бракосочетание смерти. Казалось бы,
честное, то, что общежитие празднует.
Картины прошлого, неизменные
стало как-то ужаснуто.

В том году, как раз земля была су-
ровая, стога вспаханы горделиво.
Жили со своей супругой на дубах.
Эти дубы, довольно густоватые
и сильные. И вот в ночь, на Пасху,

ДНЕВНИК ПРОТОИЕРЕЯ ИОАННА АНДРЕЕВИЧА СЕРОВА

ГЛАВА 1

ДЕТСКИЕ И ЮНОШЕСКИЕ ГОДЫ.

МОЛОДОСТЬ (1875 - 1902 гг.)

1.1. ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Люблю я часто вспоминать
Родной свой уголок,
Когда меня ласкала мать,
Чтоб я учил урок...
В саду заглохшие тропинки
Так часто грезятся во сне...
А все домашния картишки
Как дороги мне...

18.05.1937 г.

О детство - детство, как оно прекрасно свою чистотою!.. Надо окончательно очерстветь и потерять облик человека как разумного существа, чтобы не вспомнить золотой поры юности. Немногие могут сказать, что их юность прошла безоблачно - да едва ли такие найдутся... Юность имеет свою эпоху!.. Она имеет свои желания, свои стремления, заботы и свои переживания. Напрасно мы, взрослые, думаем, что дети неспособны так чувствовать и переживать какое-либо событие, радостное или печальное, как его переживают взрослые. Переживания и чувствования между детьми и взрослыми разнятся только во внешних проявлениях, а эти внешние проявления бывают более естественны у юности, нежели у зрелости. А главное, что ценно у юности - это отсутствие лукавства. Если ребенок выражает свою любовь или радость, то выражает настолько, насколько она его затронула, насколько проникла в глубину его детского сознания.

Взрослый может что-либо прибавить к своему внутреннему переживанию или утаить настоящее состояние от присутствующих, а ребенок все это выражает открыто, не скрывая. В этих двух внутренних процессах - проявлениях взрослых и детей мож-

но ясно усматривать фальшь и искренность; эти два состояния человеческой души, которые действительно можно назвать ложью и истиной...

Но почему ребенок, не осознавший еще окружающую его обстановку и людей, не меняет, т.е. не скрывает своего внутреннего состояния? Потому что, по своему естеству, естественная чистота остается и должна бы оставаться чистою, невинною; но раз она соприкасается с миром, зараженным греховной нечистотою, естественно, начинает подражать этой же нечистоте, т.е. лукавить, льстить или лгать... Что, собственно, представляет из себя мир? Иисус Христос сказал, что "мир возлежит во зле", а самое горькое зло - это ложь. А ложь есть привнесенное в мир, не существующее от вечности. И с наступлением Истины - Правды ложь должна исчезнуть.

1.2. ПОЯВИЛОСЬ НА СВЕТ МАЛЕНЬКОЕ СУЩЕСТВО...

1875 года, 29 мая, появилось на свет маленькое существо мужского пола. На второй день над ним совершили обряд крещения и назвали именем Иоанн, в честь св. Иоанна юродивого, Устужского Чудотворца. Это событие случилось в городе Севске Орловской губернии, в семье обычных городских жителей Серовых. Семья Серовых в это время состояла из шести душ: дедушки Ивана Петровича, его сына Андрея Ивановича, его жены Федотьевны, двух дочерей - Акулины и Марии, и вновь появившегося члена семьи Иоанна, пишущего настоящие строки.

Первый период моей жизни - юности не много имеет в себе чего-либо выдающегося, но о семье, в которой я родился, считаю нужным сказать несколько слов, потому что тема эта заслуживает особого внимания.

В доме Серовых всегда строго соблюдались патриархальные традиции и хранился религиозно-христианский дух. Дедушка всегда пользовался большим уважением знающих его и почтением соседей, близких. Дедушка раньше занимался небольшой торговлей. Ко времени появления моего на свет он прекратил все это и жил совершенно свободным от всех житейских забот, но, тем не

менее, к его голосу прислушивались. О жизни дедушки можно подчеркнуть такую особенность: не будучи никогда в числе причта или клира, он за всю свою жизнь (прожил 96 лет) не пропустил ни одной службы, принимал участие и в пении, и в чтении. Мой отец, несмотря на свой почтенный возраст и положение, какое занимал в обществе, беспрекословно подчинялся воле дедушки, какая, безусловно, была всегда благоразумной.

Приведу маленький штрих из хозяйственной обстановки:

Во время самой жаркой летней работы, когда, кажется, каждый дорог час, особенно когда много рабочих, вдруг раздается вечерний звон колокола, призывающий к службе. И моментально все рабочие должны бросить работу по приказу дедушки. Вот его слова: "Дружки, дружки! Рабочий день кончен, наступил праздник...". Никакие резоны не убеждали его, что, мол, завтра может быть дождь и проч. Отвечал всегда: "Воля Божия на все".

Отец умер еще не в старом возрасте, когда мне было одиннадцать лет. Смерть отца отразилась и на моем образовании, которое пришлось ограничить земским двухклассным училищем.

Как при жизни отца, так и после его смерти, у нас дом и вообще все хозяйство были в образцовом состоянии, а потому особой нужды мне в юности испытать не пришлось. Но волнений и, так сказать, детских переживаний было немало. По смерти отца, хотя и были назначены опекуны над нашим домом и хозяйством ввиду моего малолетства как наследника, но, уважая маму мою, опекуны как бы стеснялись предлагать свои советы или что там было - я не вникал в это. Но нашим хозяйством стал управлять нашей сестры муж, человек во всех отношениях ограниченный.

Моя мать, память о которой для меня священна, была в высшей степени женщина кроткая, благочестивая, и по своему слабому характеру не могла особенно входить в пререкание со своим зятем, а потому и хозяйство наше в очень короткое время стало падать. Грубое отношение ко мне мужа моей сестры и его несправедливость с раннего моего возраста стали развивать в моем характере пылкость и замкнутость, и если бы на меня не оказывали другое влияние мои духовные родственники, то, возможно, что из меня вырос бы человек другого склада.

1.3. ГЛИНСКАЯ ПУСТЫНЬ

В своей семье жил я до 1892 года. Под влиянием духовной литературы, которой я увлекался в юности, и видя неприглядность жизни в среде, какая меня окружала: частые распри, грубые шутки, светские анекдоты с неприличным оттенком, ставшие для меня противными, я решил оставить отчий дом и поступить в духовную школу.

Духовная школа - это личное мое выражение, обозначающее закрытый институт нравственного и умственного воспитания. Духовной школой или институтом я назвал Монастырскую общежительную пустынь (Глинскую пустынь - прим. ред.) (2). Жизнь, цель жизни, порядок, устав и правила, какими руководствуется монастырское общежитие с оттенком пустынничества, т.е. единения, это поистине самая лучшая школа, школа универсальная в широком смысле этого слова.

С этого момента, мне кажется, начинается второй период моей жизни, период, можно сказать, самый главный и самый важный. Еще до своего поступления я иногда приходил в это общежитие. Хотя я еще был юн, но любознательность у меня была очень развита: я ко всему присматривался, делал то или другое сравнение, соразмерно своему юному кругозору, и решил.

В первый раз я тайно ушел из дома, чтобы приготовить себя к будущему решению, а вторично - открыто заявил о своем решении. Конечно, препятствий оказалось немало, но сила воли и Божия помочь все сделали!

И вот в 1892 году, в месяце ноябре, на собственных лошадях, я был отвезен на место моего жительства. Накануне Праздника Введения во храм Пресвятая Богородицы я был введен в это Духовное нравственно-практическое учреждение. В этом училище не было специальных классов, не было специальных уроков, а также не было специально изучаемых предметов. Но самая обстановка и, так сказать, атмосфера, создавшаяся веками, представляли собой как бы одну грандиозную комнату - аудиторию, в которой все видели и слышали одного, а равно и один видит и слышит всех. Всякое слово, кто какое говорит, все это всем слышно, и всякое дело, какое кто делает, все видят. Даже мысли и же-

ления не остаются в личном секрете, но открываются более опытными. Понятно, что при такой постановке жизни каждый из обитателей общины должен был строго следить за собой. За своими движениями, словами, обращениями и даже за своими мыслями.

Здесь прежде всего обращалось внимание на воспитание своей воли. Каждый из обитателей общежития должен подчинить свою волю кому-то из более опытных, но избирать этих опытных для своего же руководства представлялась полная свобода. Сам обитатель общины избирал для себя руководителя, который бы руководил им и разрешал для него все недоумения, вопросы и случаи, встречающиеся с ним. Особое внимание в этом общежитии обращалось на усмирение нрава - требовалось развивать в себе смиренение и покорность. Всякое грубое обращение к своему собрату или постороннему лицу осуждалось и подвергалось наказанию, включительно до изгнания из общежития. Все это относится к воспитанию и образованию внутреннего человека; к образованию и воспитанию человеческого сердца, его души, от чего зависит основа и благоденствие всей жизни человека.

Воспитывая нрав человека, который облагораживает его душу, в общежитии наравне с этим также большое внимание обращалось на физический труд. Опыт жизни ясно показал, что праздность есть самое благоприятствующее средство для заражения всякой страстью, гибельно действующей на душу, а следовательно и на жизнь человека. Поэтому в общежитии труд был поставлен на первое место.

Труд в общежитии распределялся в высшей степени целесообразно: каждому, сообразуясь с его физической силой, умением и способностью давалось дело.

Разнообразность специальностей была очень обширна: художественная живопись была на первом месте; затем резчицкая и позолотная, столярная, слесарная, портняжецкая, переплетная и др., затем ложечная, которая исполнялась художественно и пр. и пр. И из каждой мастерской выходили мастера - художники; причем практиковалось так, что из одной мастерской переводили в другую; следовательно один человек со временем мог изучить не одну специальность, а несколько. В каждой мастерской был старший, иногда даже не по специальности, а по опыту жизни. Послу-

шение старшему требовалось беспрекословное. Старший обязан был следить не только за работой, но и за поведением каждого. Слово "послушание" легло в основу всего воспитания. В обращениях между собою обитатели общежития должны были именовать: старших себя - отцами, а равных себе - братьями. Никто не говорил, что я на работе в такой-то мастерской, а обычно говорили: я на таком-то послушании. Послушания делились на тяжелые, средние и легкие. Тяжелыми считались: хлебопекарня, кухня и мойка белья. Все в общежитии исполнялось самими обитателями общежития - братией... Почетными послушаниями считались: пение и живопись; из этих послушаний в большинстве случаев готовились к принятию священнического сана, но на них назначали не раньше, как по прохождении более трудных послушаний. Музыкальное искусство в общежитии отсутствовало. При общежитии были и хозяйствственные службы: садоводство, огородничество, пчеловодство; и в каждом из этих хозяйственных учреждений был опытный руководитель - специалист. Как хозяйственная, так и другие отрасли общежитительного предприятия стояли на весьма высокой ступени культурного развития.

Особого внимания заслуживала внутренняя жизнь наследников общежития. Цель жизни каждого поступившего в общежитие была - спасение своей души и достижение Небесного Царствия.

Считаю обязательным отметить здесь распорядок ежедневной жизни живущих в общежитии. Пища употреблялась самая скромная, здоровая, чистая. Трапеза была общая, и все обязаны были ходить в трапезу. Пища приготовлялась по уставу, не отступая. Старший повар с помощником, а также и пекарь приходили к завутрени в 12 часов ночи. Слушали утренние молитвы, а затем брали от неугасимой лампады пред образом Богородицы огонь и шли на свое дело. В первую седмицу святой четыредесятницы до субботы трапезы не было - кухни ремонтировали и установлено сухождение; в страстную седмицу пищеварение не разрешалось. На трапезе во время еды читались повести из жизни святых, которых совершилась память в этот день; или описание события о празднике, если день был праздничный. Никаких разговоров во время принятия пищи не разрешалось; за нарушение этого правила полагалось наказание: или поклоны перед всей братией, или у виновника

отбирался обеденный прибор, и он должен был обедать после всех. Для одежды употреблялась самая простая черная материя. Головным убором для всех служила из простого черного сукна остроконечная шапочка (куколь), а для старших - мантайных и рясофорных, когда они идут в храм, были камилавки, покрытые крепом - это знак смирения.

Главное внимание в общежитии обращалось на неопустительное посещение церковной службы в храме. Для больных был отдельный больничный храм при больнице. Служба Божия начиналась обычно в 12 часов ночи ежедневно. Кроме звона в колокол, в будние дни ударяли в било - деревянную доску; еще были установлены будильники из братии, которые обязаны былиходить перед началом звона с будильным колокольчиком под двери каждого насельника и, при звоне колокольчика читать молитву: "Молитвами святых отец наших, Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас!" и ждать ответа изнутри комнаты - "Аминь" - и затем еще добавить: "пришло пению время, молитвы час". Если же почему-либо изнутри не было ответа "Аминь", то будильник должен молитву свою повторить до трех раз, и если после этого не получил ответного "Аминь", должен заявить благочинному.

Начало службы всегда в 12 часов ночи. Читались утренние молитвы, полунощница и утрена. Служба продолжалась до 4 часов утра, затем на 2 часа отдых. И в 6 ч. ночи начиналась ранняя литургия. Поздняя литургия начиналась не позже 9 ч. Певчие строго распределяются, кто на раннюю, а кто на позднюю литургию. В промежутках этого времени каждый занимается своим делом. В 12 ч. дня обед. После обеда разрешается час отдыха, и потом каждый идет на свое послушание. В 4 часа - вечерня до 6 ч. 30 мин. В 7 ч. вечернее правило до 9 ч; после вечернего правила посещать кельи друг друга строго воспрещается. От 9 до 12 часов каждый брат предоставляет самому себе: или отдыхать, или совершать свое келейное правило.

В праздничные дни служба совершалась обычно с вечера. В 7 ч. начиналось всенощное бдение и продолжалось до 12 ч. и даже до 2 ч. ночи. Богослужение здесь поставлено наенную благовейно-торжественную высоту - особенно кануны великих праздников. Пение по своей простоте и мелодичности способно

бывает охватывать молящегося и унести в превысеннюю высоту, где забывается все земное, его окружающее. Хор в общежитии состоит из одних мужских однородных голосов, включая одну альтовую партию, которую исполняют обычно канонахи.

Напевы самобытные, но основа Киево-Печерской Лавры. Много мне пришлось слышать разных хоров под управлением самих композиторов, в огромных составах смешанных голосов, но ни один из них не был в состоянии дать того благовейно-молитвенного настроения, какое получали молящиеся в этом общежитии. А ведь в числе молящихся были люди иногда очень широкого знания и высокого положения. Пение обычно совершалось на два клироса, состав которого был в 35 и более человек. Голоса выбирались, конечно, лучшие; и вот, когда эти два хора сойдутся на середину храма воедино, то думается, что небо и земля слились, чтобы прославить Величие Божие! Во время всенощных бдений на середине храма исполнялись совместно: "Свете тихий", Догматик и славник, "Ныне отпущаёши" и Великое славословие. И вот, когда эти песнопения исполнялись мощным и благовейно и молитвенно настроенным хором, то невольно вспоминается исторически известный факт о Владимирских посланниках в Царгороде, когда они мнили себе "ни на земли быти, а на небеси стоящими".

От себя скажу: какими Вы красками не расписывайте картину со всею точностию, она все же будет далека от настоящего оригинала; так точно и мое бедное описание жизни и порядков того общежития, в котором я прожил 6 лет. Это был поистине лучший рассадник православия, лучшая школа благочестия. Поживши в ней и поучившись неленостно, всякий ученик тем самым основывал прочный фундамент, на котором смело мог созидать свое жизненное здание. Сколько было бы можно представить отдельных эпизодов, поражающих яркостью жизни этих насельников общежительной обители, людей, руководствующихся не научными теориями и ни философскими идеями, а Божественными откровениями и Богом установленными законами, которые умиляющим образом отражались и влияли на всех людей, соприкасающихся с ними. Как они влияли умиротворяющим образом на отдельных лиц, иногда в высшей степени озлобленных, разочарованных и

доходящих до отчаяния. Их поразительно кроткое и любвиобильное обращение со всеми к ним приходящими невольно привлекало к ним. Какая-то неведомая сила, обитающая в этих, поистине сказку, Богом просвещенных Людях, которая была способна иногда в один момент превратить человека из самого жестокого в кроткого ягненка, была способна переродить человеческую душу, обновить мысли и укротить расслабленную волю.

Какая-то тайна окружала наследников общежития, тайна духовной силы, которая совсем незнакома для светского ученого мира. Светская наука, двигает умы всего ученого мира, изучает и разъясняет, производит анализы и исследования предметов видимости - так сказать, внешнюю сторону субъекта. А внутренняя сторона, духовная невидимая, остается как бы неисследованной. Не буду слишком углублять свои мысли на этот предмет, одно только могу сказать: светская, мирская наука, без участия моральных принципов христианской идеологии, не принесла человечеству на протяжении тысячелетий никакого счастья и радости.

...Немного уклонился от описания своей собственной биографии... Распространившись в описании жизни наследников упоминаемой мной общежительной пустыни, я обращался, прежде всего, к будущим читателям настоящего скромного повествования, если таковые окажутся...

1.4. ПРИЕОЙ ЖИТЕЙСКОГО ВОЛНИТЕЛЬНОГО МОРЯ

В 1898 году, волею судеб, я оставил это благодатное и Богом просвещенное учреждение своего воспитания. Можно ли было сказать, что воспитание закончено и получен аттестат? Конечно нет! Но все-таки приблизительно азбука пройдена, первоначальные уроки усвоены, и в дальнейшем их следует только развивать и усовершенствовать.

Трудно сказать причины, побудившие меня оставить эту благодатную обитель, как бы райское отображение мира, эту тихую пристань, чуждую всяких житейских невзгод и волнений. К этому времени в моей жизни произошли некоторые обстоятельства, которые нарушили покой моей души. Первая причина, и, может быть,

самая главная, это мой возраст. Я уже выходил из юношеского возраста. У меня развивалось желание к знанию, стремление к более широкому изучению музыки и пения, которые я любил больше всего. Этому как бы способствовал случай. Так как к этой обители принадлежали экономии пожертвования добрыми благодетелями, то и меня послали в одну из этих экономий (3), где был молитвенный дом, куда по праздникам съезжалось много молящихся и где надо было основать и упорядочить и службу и пение. Так произошло мое первое выступление на самостоятельное действие.

Потребовались некоторые теоретические пособники, знакомство со светскими людьми - иными словами, пришлось соприкоснуться с прибоем житейского, волнительного моря. Вот тут-то и началась духовная борьба, или, лучше сказать, война, и война не на жизнь, а на смерть... Вдали от обители, на очень большое расстояние - до тысячи верст, среди мира - вообразите огромную экономию в тысячу десятин... Сотни рабочих, десятки коммерсантов, контора, где я и должен был принимать участие, довели мою бедную душу до полного изнеможения. Старцев, какие были кормилом молодости, рядом нет... Масса родилось вопросов и недоумений, а разрешить помочь некому... И я обратился с просьбой взять меня обратно в обитель... Впервые почувствовал я духовное одиночество... А борьба плоти?! Сколько надо сил крепости... Не выдержал и заболел... Проболел месяца два, а диагноз посещавшие меня врачи так и не поставили; думали, что туберкулез. Но я, благодаря молитвам моего старца, с Божией помощью и сейчас живу со своими грехами.

Расскажу один случай из этого периода моей жизни. Уже я поправился и стал ходить, увлекаясь разными композиторами по пению и музыке, как однажды заходит в квартиру молодой человек лет 25 и просит разрешить ему перебыть день в экономии. Я первый принял в нем участие: накормили, чайком попоили. Прекрасный молодой человек, а еще и пение, говорит, немного знает. Я, конечно, после этого готов был и душу разделить. На второй день он уходит, и мне очень жаль его стало; проводить его пошел через гумно сам, чтобы было ближе к дороге... Там на прощанье

сели мы, разговорились по душам, как говорится. Он оказался уроженец Петрограда, окончил реальное училище, но нечаянная любовь, т.е. недозволенная женитьба, толкнула его на странствование. Тут мы как бы отдались друг другу... Помню, как под аккомпанемент нашей беседы запел прекрасным тенором, какого я еще не слышал: "Эй ты, Волга матушка, русская река! Пожалей, пожалей, кормилица сына бурлака и т. д.", и слезы горючие так и бежат по щекам... Об этих молодых странниках, или, как их называли в наше время, бродягах, я еще напишу кое-что, чтобы выявить истину.

После этого случая меня скоро забрали, и я оставил Екатериновскую губернию. Но скоро меня опять послали в другое место, в город Путивль (4), уезд, к которому приписана эта обитель, Курской Епархии. В Путивле я понадобился для той же цели – там была домовая церковь, и надо было ее обслуживать. Храм посещали исключительно горожане, и следовательно, трудно было обрести покой души. Положим, отсюда обитель была недалеко, и старцы время от времени навещали нас, но что с этого короткого посещения, какую можно извлечь духовную пользу, когда весь городской шум, с его мишурой и днем и ночью перед глазами; и опять борьба, опять угроза от потопления утлого моего членка в городских волнах.

В момент этой борьбы меня постигло большое испытание. В один прекрасный день приезжает мой старец, он же братский духовник, и привозит мне извещение о смерти моей матери... (5) Какого еще можно большего ждать удара?! Хотя я и не жил дома, но все-таки считался единственным наследником всего движимого и недвижимого... Волей-неволей, а я должен был ехать на родину в Севск для принятия наследства. Зачем утомлять и себя и читателя, описывая всякие мелкие случаи и происшествия, обычно сопровождавшие процесс этого дела... При оформлении наследства мне нужно было некоторое время пожить дома. Возобновилось прошлое знакомство, народилось и новое. Посещение знакомых, прием гостей и все проч. всколыхнули мою душу до самой глубины ее основания... Тут уже не только отдаленный прибой морской слышал мой слух, но и сокрушительные волны устремились на меня, на мой бедный и хилый член...

Но и в таком состоянии не был оставлен Божией помощью по молитвам моих руководителей духовных. Все благополучно оформил, наследственную часть всю передал сестрам, и с радостной быстротой возвратился опять в свою тихую обитель, как тихую пристань для приведения в должное состояние своего утлого членка...

Но увы! Слишком большую аварию потерпел он за время своего плавания по волнам житейского моря. Настоятелю обители показалось, что я слишком долго пробыл в городе, стал выставлять какие-то вины, будто бы... Конечно, вины никакой не было, а только это было, несомненно, своего рода испытание. Но я, как видно, многое приобретенное в обители растерял среди мира, а самое главное - смиление и терпение... Мне стало казаться, что меня напрасно обижают, проявилось какое-то саможаление... Напала на меня такая страшная скорбь! Ежеминутно вспоминалась потеря матери. Конечно, я не остался без врачей, мою душу и сердце лечили старцы своею любовью и ласкою. Говорили, что это наступление врага, а я и сам видел, что это так, следовательно надо сопротивляться. И возможно, что при помощи старцев и духовника я не был бы побежден и остался бы в обители, но к этому времени вдруг неожиданные на мое имя прислали деньги на дорогу в Казань. По представлении одного батюшки, о. Гелласия, архиепископ Казанский Серафим просит, чтобы я приехал в Казань: мне представлялась должность регента, представление на миссионерские курсы или что я пожелаю избрать для себя. Это обстоятельство окончательно решило мою судьбу об оставлении мною этой обители.

Трудно передать на бумаге процесс прощания моего со старцами и братией, а особенно с моим духовником - он же и братский духовник - иеромонахом Мартинианом, впоследствии иеросхимонахом. Сколько пролито слез!.. В момент прощания всякая мысленная энергия как бы атрофировалась; я как бы забыл себя и все, что со мной происходит. Но вот мне сказали, что лошади поданы, чтобы ехать на станцию. И сейчас не припомню, как я уехал из обители, только уже на станции мои проводники сказали спросили: куда брать билет? Лишь тут я только, как бы очнувшись, ска-

зал, что в Севск... Но вот, действительно, как промысл Божий управляет путями человеческого плавания по житейскому морю. Я сказал, что оставил обитель для переезда в г. Казань на жительство и уже рисовал в своем уме будущие перспективы моей жизни в г. Казань. Но увы! Для меня промыслом был назначен другой путь.

Я действительно приехал в Севск, в свой дом почти неожиданно.* Дома жила одна сестра. Опять встречи, радости... Опять старое и новое знакомство, участие в пении. Ибо мой сосед и дальний родственник был музыкант - дирижер - художник; он же и мой первый учитель по пению. С Казанью я отписался, что еду, но вот эти визиты задерживали. В Севске меня ничто не задержало, никакие предложения и обещания, чтобы изменить маршрут, но посоветовали заехать в Площансскую пустынь, отстоящую от Севска в 50 верстах. Особено на этом настаивала моя сестра. Она рисовала мне картину встречи с Площанскими батюшками - старцами, которые меня, будучи еще младенцем, на своих руках носили. Конечно, была и тут борьба, но борьба недолгая. Я согласился и поехал в эту пустынь увидеться с некоторыми батюшками, которых я хорошо знал.

1.5. ПЛОЩАНСКАЯ ПУСТЫНЬ

Эта пустынь стояла на пути, куда мне надлежало ехать (6), и я поехал. Не ожидал такой встречи. Моментально по обители пронесся слух, что приехал Ваня Севский, какой жил в Глинской пустыни. Сейчас же доложили игумену - он же Архимандрит Серафим. Повторяю, встреча, прием полны были любви и ласки. О. Архимандрит оставил меня дня на два-три погостить, отдохнуть.

Площанская пустынь, как и всякая пустынь, как и Глинская, окружена дремучим лесом, возле обители огромное озеро. Корпуса для насельников пустыни и другие службы хозяйственной потребности - все это в образцовом состоянии. А главное - тишина и отсутствие мирского шума. Все это чарует душу, настроенную к Небу, к Богу. Очаровала она и меня... Побыл день-

другой, ну надо же и к действительности возвращаться, надо ехать... Вот тут-то и посыпались всякие осторожные мне предложения. Сперва от старца иеромонаха о. Сморагда - духовника моей сестры: "Ваничка, и зачем тебе куда-то ехать! Это твоя обитель, как твоя родная мать. Наша Царица Небесная, еще когда ты был во чреве своей матери, осеняла тебя своею благодатию - ведь здесь, в обители Ее благодатная икона "Казанская". Ну и другие отцы то же самое говорили, а главная причина их просьбы заключалась в том, что не было регента. Молодой куда-то уехал, а другой, уже старец, иеромонах Рафаил по старости совсем отказался. Но я все же стоял на своем.

На третий день пришел прощаться с о. Архимандритом. Сели за чай, пока подадут лошадей, о. Архимандрит и говорит: "А почему бы, Ванюша, не остаться тебе у нас? И регента у нас нет. Обитель страдает этим, ты ведь понимаешь..." Я ему говорю: "Отец Архимандрит, ведь очень неудобно будет и о. Гелласию, рекомендовавшему меня, да и мне неудобно обманывать Владыку. И деньги на дорогу присланы..." Мы разговариваем, и вдруг вбегает келейник и говорит: "Такая туча надвигается и так быстро, что до станции до дождя доехать не успеете." Создалась маленькая пауза, и вдруг послышались отдаленные раскаты грома, а через четверть часа полил настоящий ливень. Когда перестал падать дождь, уже поздно было ехать к поезду - не успеем. Пришлось поездку отложить до следующего дня. Но дивны дела Твои, Господи! На следующий день получилось точь-в-точь, что и в прошедший... Тут уже и все старцы, и Архимандрит единогласно сказали: "Не надо, Ванечка, искушать Царицу Небесную, Хозяйку обители. Она хочет, чтобы ты остался у нас". Будучи еще чист душою, несмотря на возраст, я и сам действительно почувствовал в душе страх, а вдруг оскорблю Царицу Небесную! О, блажен тот человек, который еще не потерял страх Божий, он будет всегда огражден от всяких падений и неприятных случайностей. И я остался в Площанской обители. Деньги, конечно, пришлось возвратить со всякими извинениями. Это было в месяце мае 1899 года...

1.6. ПОЧАЕВСКАЯ ЛАВРА. КРЕМЕНЕЦ

А в 1900 году после Пасхи я был уже в Почаевской Лавре (7). Легкому челноку достаточно только сорваться с якоря, а тогда он попадает всецело во власть водной стихии. Аналогично случилось это и со мною и мне подобными. Не буду описывать подробно своей жизни в этой обители, скажу только, что мне многое не понравилось, в сравнении с Глинской пустынью. Я оставил некоторые подобны по напеву Глинской пустыни, немного упорядочил вообще пение, совещаясь с иеромонахом Рафаилом, большим знатоком церковного пения (он был в молодости регентом у графа Апраксина, который на пение тратил большие суммы).

Почаевская Лавра. Будучи еще ребенком, я слышал о ней. Ночующие иногда у нас странники и странницы много интересного, бывало, рассказывали о Почаевской Лавре. Рассказывали, как там явилась Царица Небесная в столпе огненном, как отпечаталась на камне стопа Царицы Небесной. А Главное, моему детскому воображению рисовалось, что эта чудная Лавра находится где-то далеко-далеко, возле Иерусалима, и когда начинают о ней говорить, то я забываю все окружающее и себя, боясь пропустить хоть слово, и весь обращаюсь в слух. Ввиду отдаленности, я никогда и не мечтал видеть Почаевскую Лавру, а тут вдруг являюсь одним из жительствующих членов сей обители. Как это случилось?

А случилось это так, как случился мой переезд в Казань. Когда я остался в Площанской пустыни, то сейчас начал урегулировать пение, ради которого, собственно, и остался. Хотя мое дело, по истине сказать, не имело особого значения, но о нем начали много говорить, а так как в Почаеве жили некоторые из братии, бывшие и жившие в Площанской пустыни, то донесли о том и наместнику Лавры Архимандриту Амвросию. Наместник, желая упорядочить внутреннюю жизнь Лавры, собирая подходящих к этому людей и, руководясь слухом, нашел, что для Лавры нужны именно такие люди. Началась переписка, переговоры, о которых нетрудно много распространяться. И кончилось тем, что я приехал в Лавру. Я уже упоминал, что челнок, сорвавшийся с якоря, - отдается во власть водной стихии. То же самое постигло и меня.

Почаевская Лавра! О, Лавра, Лавра! Кто о ней не слышал, не знает в нашей матушке России необъятной. Даже если он и живет в каком-нибудь захолустном уголке. Первое впечатление при входе в Лавру не особенно меня поразило. Храмы, корпуса и величественность только напоминали мне то, что я оставил: такие же храмы и корпуса были и в Глинской пустыни. Но внутренний распорядок Лавры во многом отличался от того, какой был в пустынях. Братии в Лавре немного, и все они предоставлены в духовном отношении каждый сам себе, подчиняясь лишь общему административному порядку, дисциплине. В нравственную сторону другого никто не вмешивался, хотя и был поставлен так называемый благочинный, но это было как бы для внешней формы, чтобы не проявлялись во внешнем виде какие-либо неприличия. Хор в Лавре состоял из послушников, но не все носили монастырскую одежду, а ходили и в светской одежде. Партии сопрано и альтов исполняли мальчики - ученики второклассной школы при Лавре. Хор имел состав мощный - до 35 человек, но певцы были совершенно чужды монастырского духа, монашеского настроения, и в большинстве случаев временные, приходящие - проживет месяц-два, или, в крайности, полгода и уходит. О них я в предыдущем своем писании обещал кое-что разъяснить. Среди этих случайных певцов - посетителей мне приходилось встречать исключительно замечательных людей по своей талантливости, образованности и моральной благородезумности. С внешней стороны вы никогда не подумаете, что в этом человеке находится целый клад человеческого достоинства. Это меня лично научило разбираться в людях и или сближаться с ними, или удаляться. Этим даром, опытом, приобретенным мною, я старался пользоваться в течение всей моей жизни, и никогда не был оставлен Высшим Промыслом.

В Лавру я приехал в 1900 году, в возрасте 24 лет и, конечно, был принят в числе субрегента. В Лавре мне пришлось познакомиться с совершенно новой обстановкой. Начало службы было в 4 часа утра. Благодаря некоторой разности напева служба сокращалась. Трапезы было две, т. е. для братии - постная - без мяса, а вторая для певчих - скромная. Братская трапеза считалась привилегированной, к ней причислен был и я. Так как настоятелем Лавры был правящий Архиепископ, то он в летнее время всегда

жил в Лавре, а потому в дни воскресные и праздничные служба совершалась архиерейским чином - торжественная; для меня это было ново и, конечно, занимало. При отсутствии регента приходилось и мне иногда управлять хором.

Затем и другая достопримечательность, бывшая в Лавре, поглотила мое внимание - это библиотека. А библиотека здесь была очень обширная. В летние каникулы в Лавру съезжались со всех академий духовных воспитанники для всяких исторических исследований. В свою очередь постарался и я воспользоваться этим богатством для пополнения своих знаний.

С внешней стороны моя жизнь в Лавре, казалось бы, обстояла благополучно, но, повторяю, сорвавшийся членок и при малейшем движении ветра не может устоять на месте. То же случилось и со мною. В Лавре прожил я два года. В этот период произошли некоторые перемены, близко касающиеся Лавры. Волынская духовная семинария, которая до настоящего времени была в г. Кременце, переводилась в г. Житомир, а это составляло целое событие (8). Вся корпорация: преподаватели и воспитанники должны были тоже уезжать, а следовательно, они должны были лишиться того теплого приюта и ласки, какой оказала им Лавра в лице своих обитателей. В Почаевской Лавре тоже были почтенные старцы, заслуживающие полного уважения и доверия. После перехода семинарии последовал перевод иерархический: Кременецкий викарий переводился в одну из Сибирских епархий, а в Кременец переводился Владимироволынский Паисий. Когда выезжала семинария, то с ней выехали и регент и управляющий хором викарного Епископа. В этот самый момент и я готовился уезжать в Петроград для поступления на трехгодичные регентские курсы при императорской певческой капелле.

Когда приехал Епископ в Кременец, то тотчас обнаружился недочет на клиросе. Ведь Лавра всегда имела достаточное количество приличных певцов, из которых многие могли быть и руководителями хора. В том числе и я, знакомый основательно с пением, мог свободно взять на себя и руководство хором (я был в то время субрегентом, и когда приехал новый Епископ в Лавру, то регент Лаврентий во время службы Епископа поручил управлять хором мне. Этот момент и решил мою судьбу в будущем. После

службы всенощной и литургии вдруг являлся ко мне келейник Епископа и говорит: "Вас просит к себе Владыка". Так как личных визитов мне не случалось иметь, то я, грешным делом, немножко смущался, но замечая очень почтенное его обращение ко мне, спросил: "Что такое нужно от меня Владыке?" Но он очень скромно сказал: "Я ничего не знаю".

Когда я пришел к Епископу и, взявши почтительно благословение, получил приглашение на стакан чаю. Вначале я был смущен, но, увидев ласковый прием и обращение, успокоился и ждал результата... Я чувствовал, что не напрасно меня позвали к чаю. Разговорились. Говорил, конечно, больше Владыка. Спрашивал меня, откуда, как познакомился с пением. Я, конечно, не преминул сказать, что собираюсь в Петроград для дальнейшего усовершенствования в пении. И вдруг он делает мне предложение поехать к нему: "Зачем Вам всякие дипломы! Ваше знание и опыт лучше всяких дипломов и проч.". Затем и говорит: "Я знаю, что Вы в Лавре получаете много, но я Вас не обижу". Я говорю: "Владыко, я не материалист, и еще молод гнаться за деньгами..." По этому поводу он много наговорил мне назидательного, и под впечатлением его слов, а, главное, под впечатлением ласки, я согласился поехать к нему в Кременец. Наконец, Владыка сказал, чтобы наше соглашение было в тайне, чтобы не было лишних разговоров. Эта фраза была вполне для меня приятна. Наместник Лавры не пожелал бы добровольно отпустить меня, имея в виду населить Лавру людьми, знакомыми с порядком общежития и монастырского духа. Но я был уже человек взрослый и взял на себя все устроить, не посвящая никого и не мешая во все это дело Епископа. Обсудив все обстоятельно, я дипломатически, написавши прошение Собору Лавры об увольнении меня, выставляя уважительные причины, наконец получил все необходимое. Здесь хочу оговориться. Дипломатически действуя, я получил увольнение из Лавры, говорю я. Но в это время, т.е. в момент моего желания уйти из Лавры, очевидно действовала какая-то другая таинственная дипломатия, способствующая именно к удалению меня из Лавры, чтобы лишить меня высшего покрова и защиты Царицы Небесной. Конечно, я уже не тот был, каким приехал в Лавру со дня выхода из Глинской пустыни! В начале сего повествования я

сказал, что членок, оторвавшийся от удерживающего якоря, отдается на волю волн, господствующих в море. То же случилось и со мною бедным...

Приехал я в Кременец, где жил Епископ. Приняли меня со всею ласкою и любовию. Архиерей был очень рад и доволен. Все необходимое было предоставлено мне: квартира, стол и т. д. Каждый вечер меня звал Епископ для разбора почты. Епископ полюбил меня, особенно после того, как он был приглашен на молебен и Литургию по случаю Корпусного военного праздника (9) с участием и его хора. Сколько было получено мною благодарностей и похвалы за пение; но это все не вскружило мою голову, а только пробудило во мне сожаление, что я не поехал в Петроград для получения полного музыкального образования. В домашней интимной беседе Епископ всегда говорил: тебе нужно знание, а не диплом!.. Это было в октябре 1902 года.

В декабре вдруг получает Епископ из святейшего синода известие, что он назначается в Ташкент правящим. К этому времени приехала ко мне родная сестра. И вдруг все изменилось. Устои жизни пошатнулись. Епископ просил, чтобы я ехал с ним в Ташкент. Сестру обещал устроить у своих знакомых. Многие просили остаться до приезда нового Епископа. Положение мое было воздушное. А главное, у меня была невеста, хотя Епископ не благословлял мне на ней жениться. Говорил: хоть на бедной женись, но духовного звания. И еще много раз прибавлял: "Останешься здесь, тебя попы съедят". Он к ним относился с большим предубеждением.

Да, много было в этот момент всевозможных рассуждений. Сколько было борьбы, душевых страданий. Не было у меня никого, с кем бы я мог поделиться своими мыслями... Недалекое прошлое: Глинская пустынь с ее старцами; стремление на курсы; поездка с Архиереем - все это давило мою душу, как безгранично тяжелым камнем... В этот момент вспомнилось мне о любящих меня... Ни один раз приходилось умываться слезами и вспоминать свою родную: "Мать, услыши мой голос, к сыну подойди, выплачу я горе на твоей груди". И вот я, в заключение всего, решил просить Архиерея назначить меня псаломщиком. Все будущие перспективы ушли в область предания; что-то даст настоящее?

Это период моей жизни с 1875 до 1901 г. А в 1902 году 20 декабря в г. Кременце Епископом Паисием, викарием Волынским, я был назначен псаломщиком в село Лычевку Староконстантиновского уезда Волынской епархии. Эта приписка может дать читателям массу размышлений. С 1902 года началась моя новая жизнь (10).

Сегодня, 9 июля 1957 года, мне исполнилось 82 года. До этого момента кое-что писал, а теперь - что написать?

*И мысли будто увядают,
И память стынет в голове
Пришла пора... все умирают
И о последнем мыслю дне...*

ГЛАВА 2

ПОСЛЕДНИЕ МЕСЯЦЫ ССЫЛКИ (1931 - 1933 гг.)

...Сегодня 24 ноября 1955 года. День памяти великомученицы Екатерины напомнил мне давно прошедшее, грустное, но не забываемое. В этот день 1933 года, будучи осужденным советским правительством на ссылку в Архангельскую губернию (11) как священник, я получил освобождение и документ с правом возвратиться на место своего жительства в г. Житомир. Со дня моего осуждения минуло двадцать четыре года. Сколько произошло перемен и событий за это время! Господь исчислит...

2.1. В БАРАКЕ НА РЕКЕ ШОГЛЕ

Суббота, 8/21 октября 1933 года, река Шогла.

Хочу запечатлеть в памяти особенно это число и день, считая его одним из выдающихся дней моей ссылки. Этот день особенно для меня памятен, потому что он стал началом новых для меня впечатлений. Живя в бараке на реке Шогле Онежского района Архангельской губернии, вот уже шесть месяцев я не испытывал таких новых для меня душевных ощущений, какие переживаю в данный момент. Среди нас пронеслась молва, что скоро будут высыланным давать свободу, особенно старикам - инвалидам. Все с напряженным вниманием ожидали, когда же молва окажется действительностью... И вот, наконец, настал день. Представитель сельсовета пришел к нам со списком лиц, которых вызывают в г. Онегу (12). Точно не было сказано, для чего вызывают, но всякий поименованный в списке желал себя уверить, что его вызывают именно для того, чтобы дать освобождение. Среди поименованных оказалась и моя фамилия.

Когда же мы поехали в г. Онегу, то узнали доподлинно, что освобождение дают только тем лицам, какие отбыли полные сроки, а иные и больше срока, а поэтому многим означенным в списке, в том числе и мне, пришлось возвратиться с некоторым разочарованием. Наконец наступил день знаменательный. Приезжает

к нам десятник, опять со списком, в котором вызывают лиц для получения освобождения, с разъяснением, что и какие требуются документы для получения освобождения.

Трудно представить себе, какое поднялось оживление в бараке среди нас, а особенно среди тех, какие значились в списке. И вот, со дня начала отпуска, барак наш начал пустеть и к дню, в который я делаю заметку, настолько опустел, что не только в бараке, но и во всей окружающей местности на реке Шогле осталось нас только два человека: я, да еще один глубокий старец Архимандрит Каллист, совершенно больной, 72 лет, и вдобавок, совершенно слепой. Сегодня ночью случился с ним какой-то физический припадок, и я думал, что он уже оставит сей мир лукавый и переселится в горные обители.

Всех нас в бараке осталось человек семь, но пять человек пошли в Онегу для получения освобождения и документов. Я же, как уже бывший в Онеге, но еще не отбывший всего срока, должен был остаться на р. Шогле в ожидании документов из дома. Я и остался в бараке для присмотра за вещами, которые оставили ушедшие, а главное, для присмотра за старцем Архимандритом Каллистом.

В стороне от дороги, вдали от жилья, среди тайги и дикого северного леса, как две песчинки на берегу морском остались мы вдвоем... Тихо-тихо кругом. Даже птички, которые раньше покрикивали, и те притихли, как бы стыдясь нарушить наш покой и мечты дедушки-леса. Эту торжественную тишину нарушаю только я, своим одиночным хождением возле барака: рублю дрова, разжигаю костер для варки пищи себе и старцу... Среди этой торжественной тишины какая-то непонятная волна внутренней торжественности возбуждает во мне желание петь. Среди этой мертвотишины, которая, кажется мне, сама с любовью будет слушать мой старческий голос и запечатывать на вечное время...

И я начинаю петь... Пою сначала тихо, про себя, а потом, забывая про окружающее, возвышаю свой голос... Я пою и знаю, что кроме старца меня никто не слышит, но мой голос, сплетаясь с моими мыслями, уносится куда-то далеко, в свои родные края, к своим дорогим и милым сердцу... Кто мог бы отгадать настроение и состояние моей души в такой момент? "Сколь славен наш

Господь, - сами собой выговаривают мои уста... - в былинках на земли Велик..." И смиряется души моей тревога, а мысли с благоговейным чувством погружаются в какой-то океан вечности, и сам превращаешься как бы в ничто, остаешься без мысли, без желаний, с одним только непонятным стремлением куда-то улететь, улететь...

Мой беспомощный сожитель был когда-то человеком видным. Был священником в Симбирске - в миру Константин Павлов. По смерти своей матушки, с которой прожил пять лет, принял монашество с именем Каллиста. Был личным секретарем у многих видных иерархов. По пению и музыке - ученик композитора Смоленского. Был около 30 лет настоятелем Жадовской пустыни Симбирского уезда. В данный момент он совершенно беспомощен, и что будет с ним, когда нас разъединят?.. Все мое внутреннее содрогается...

Пишу настоящие строки вечером при освещении маленькой коптилочки... Тишина мертвая. Старец покушал испеченные мной опалихи (картофель) и тихо лежит... На дворе погода сырая-сырая, наводящая уныние. Но мне почему-то не скучно, а как-то спокойно и довольно. Мысли мои ежеминутно улетают в родные края, к родным и близким. Вот если бы в эту тишину можно было перенести недавнее прошлое: братскую службу, храм и участников братской службы... Но нет, тогда не было бы на душе такого покойного мира, как сейчас... Как приятно испытать, так сказать, вкусить сладость уединения... Но ведь я переживаю это состояние моей души в уединении еще неумело, будучи малограмотным в духовной жизни, а что можно сказать о тех столпах сильного духа, для которых уединение было их стихией. Вот они-то: св. Серафим, Сергий, Антоний и другие - воспитанники уединения. Вот где они черпали ту духовную мудрость, которой желали научиться от них даже великие люди мира: цари, князья и бояре и другие знатные люди... Творец и Источник мудрости Господь наш Иисус Христос - и Он перед своим явлением миру, перед началом своего подвига проповеди, удалялся в уединенную необитаемую пустыню...

Возвращаюсь опять к своей барабанной жизни. После всех житейских хлопот начинаю заниматься корреспонденцией, т. е. на-

чинаю отвечать на полученные письма от своих близких, родных и знакомых: между прочим, пишу письмо моему милому другу во Христе о. Александру Гаврилюку... (13)

9/22 октября, воскресение.

За весь день, кроме писем ничего не писал. В начале дня немного взгрустнулось, вероятно, потому, что не был в храме. В храме я уже давно был - причина та, что не на кого оставить свою обязанность сторожа по охране вещей, находящихся в бараке, а главное - ухаживать за старцем. Утром я прочел канон Сладчайшему Иисусу с акафистом; старец остался очень доволен.

Днем обычное занятие высыльных: нарубить дров и приготовить что-либо покушать или, в крайнем случае, выпить кипятку без чая и без сахара. Первого, т. е. рубить дрова, я себе в воскресенье не позволял, а что касается приготовления пищи - этого не обойдешь и в воскресный день.

Упомянул я о кипятке, и хочу на этот счет распространиться поподробней. Кипяток без чая и без сахара, а почему? Дело в том, что высыльные, и я в частности, имели эти продукты, конечно в ограниченном количестве - нам высылали. Но мы скучились их расходовать для личного употребления, а на них старались приобрести продукты, более необходимые и существенные: хлеб, картофель и даже молочные. Обыватели здешнего края имеют особую наклонность к некоторым предметам, и как это бывает, вероятно, со всеми народностями, они особенно оказываются слабыми перед такими соблазнительными предметами удовольствия, как чай, сахар, ром, табак и водка. На эти продукты у них можно достать все, что у них найдется - они ничего не пожалеют. Вот причина, из-за которой я, грешным делом, иногда отказывал себе в лишнем стакане чая. Вечером заехали к нам ночлежане, едущие уже домой, получившие свободу мои сотрудники по работе. У них купил булку хлеба за 20 рублей. Слава Богу!.. А то давно не ел хлеба. С приездом ночлежан пришлось не спать почти всю ночь. Во-первых, за больным нужно присматривать, а во-вторых за чужими вещами. Появились в бараке чужие люди, приезжие, и смотри, чтобы что не пропало. Слишком уж стал склонен наш народ к чужому -

страшный порок и жестокий бич русского народа. Тайный вор и тайный убийца подобны клеветнику - диаволу, всегда могут оклеветать невинного.

10/23 октября, понедельник.

Сегодня решил натопить баню, чтобы и самому приготовиться, если Господь благословит, в путь на родину. О, родина - свобода, как о ней хочется мечтать и говорить ежеминутно... Явилось желание несколько распространиться о слове "свобода". Прошли тысячелетия жизни человечества, и о значении и достижениях свободы говорили, толковали на разные лады. Выносились разнообразные решения, заключения, предположения. Для проведения в жизнь решений о свободе употреблялись всевозможные средства, доводящие людей до абсурда, до безумия.

Понятия о свободе в мыслительном мире расходились на несколько путей, каждый отдельно разветвлялся в свою очередь, и не было конца всевозможным рассуждениям о свободе. Были и такие, и теперь есть, которые совершенно отрицали существование свободы. Если поставить вопрос о свободе конкретно и ответить на него тем же, то здравый рассудок, желая быть солидарным с высшим разумом, может только ответить: для человека на земле абсолютной свободы быть не может, если он желает ее ощутить или испытать телесно, т. е. использовать свободу для удовлетворения своего тела или для удовлетворения своего желания. Прежде всего, человек не свободен от смерти. Это самая главная и самая крепкая нить, связывающая человеческую свободу. Вторая нить слабейшая, но довольно прочная и тоже неумолимая - болезнь... Если мы будем добиваться свободы для отвлеченных внутренних элементов человеческой сущности, например, свободы мысли, совести, желаний и т. д., то опять-таки, является другой важный вопрос: знаем ли мы, т. е. люди, или лучше в широком масштабе: знает ли само человечество сущность свободы [того, к чему] оно стремится и [чего] желает? Из чего она состоит? Как проявляется или может проявляться? Ведь свобода, также, как и мысль, и желание, и совесть, существует в каждом человеке, она с ним живет и с ним умирает; почему же люди куда-то за ней гоняются, где-то ее ищут?

Но довольно! Возвращаюсь к барабанной жизни. Повторяю, купил булку хлеба у проезжающих, заплатил 20 рублей. Осталось всего капитала у меня 4 рубля. Почти всю эту ночь не спал. Все боялся за чужие вещи, а наш народ слишком стал склонен к чужому. Как раз в это время возвратился из Онеги один старик - наш сапожник. Он и согласился принять участие, натопить баню.

Вторник.

Весь день проходил в большой заботе о больном старце, его здоровье заметно падает.

Среда.

Возвратились из Онеги еще два человека, получившие освобождение: один - священник, а другой - светский.

Четверг и пятница.

Старец ничего не ел. Видно приближается развязка. В пятницу ночью старец два раза падал с кровати. Пришлось с большим трудом его поднимать - ведь и сам то я едва двигался. Насекомые больного буквально заедали.

Суббота.

Суббота прошла сравнительно спокойно... В одиннадцать часов вечера старец мирно и тихо скончался. Упокой, Господи, душу его с праведными. Я прочитал канон на исход души.

Воскресенье 16/29 октября.

Рано утром переодели старца в его подрясник - больше ничего не оказалось. Что я увидел в момент переодевания, того отроду еще не видел: он был обсыпан насекомыми густым слоем, как бы каким зерном.

Понедельник 17/30 октября.

Сегодня моя задача выкопать могилу и сделать ее в виде склепа, потому что гроба сделать не приходится. Рано в Воскресенье отслужил я панихиду. С погребением замедлили: ждали прихода еще двух батюшек.

Вторник, 18/31 октября.

Не дождавшись прихода батюшек, после обеда сделали отпевание приблизительно отпеванию мирских человек, насколько я мог знать на память. Втроем мы внесли тело и похоронили на общем кладбище, опустивши тело в могилу и отслуживши литию, чем и отдали последний христианский долг почившему рабу Божию Архимандриту Каллисту. Вечером возвратились (неразборчиво - прим. ред.) с дороги, уже не заставши старца.

Считаю нужным отметить один штрих из последних моментов жизни почившего о. Архимандрита Каллиста. Когда начались отпуска, барак наш как бы ожила, потом начал пустеть. Отец Архимандрит все это слышал, и когда я остался один с ним, он вдруг подзывает меня и говорит: о. Иоанн, когда вы получите из дома документы, дающие Вам право на освобождение, и когда будете отправляться в г. Онегу, закройте меня одеялом с головой, перекрестите и идите с Господом Богом. Т. е. о. Архимандрит как бы благословлял оставить его одного на неминуемую голодную смерть. Эти слова умирающего старца пронзили мое сердце как бы какою ужасною стрелою... Я упал к нему на груди и зарыдал, как ребенок, причем сказал, призвав Господа в свидетели: пока Вы живы, я не уйду из барака...

Последующее течение событий в нашей баражной жизни свидетельствует, что все совершается по воле Божией к нашему назиданию, спасению и благополучию.

После смерти и погребения о. Архимандрита началось однообразное ожидание лучшей дороги. Вот уже несколько дней падает снег и дождь; дорога сделалась совершенно непроездной, и всякое сообщение прекратилось.

Среда, 19.10/01.11.

Необходимость вынуждает меня отправиться в деревню Поле на почту и достать картофеля. На почте получил деньги, высланные из дома на дорогу, посылку от о. Василия Малахова (14) и два письма. Полон радости и надежды. Быть может, Господь даст, и я буду скоро свободен. Возвратился в барак хотя и до изнеможения усталым, но полным надежды на близкое лучшее.

Суббота, 22.10 ст. стиля.

Воскресенье и понедельник - достопамятные для меня дни. В субботу праздник Казанской иконы Божией Матери. В воскресенье храмовый праздник на Русском кладбище в городе Житомире - св. Апостола Иакова, брата Господня по плоти. В понедельник - празднование иконы Божией Матери "Всех скорбящих радосте" - чтимой иконы в Михайловской церкви г. Житомира. Все эти дни, по случаю дождя, пришлось сидеть в бараке.

25.10/07.11.

Выпал обильный снег, и немного подмерзло. Возможно, что скоро придется рас прощаться с бараком и Шоглой. Где придется мне доживать последние дни, и сам не знаю. Господь укажет...

28.10.

Терентия и Неонилы. День для меня достоин воспоминания.

2.2. ПОХОД В ОНЕГУ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕМ

1/14.11.

Вчера получил от своей матушки документ, в котором значится, что она берет меня на поруки. Этот документ я должен буду предоставить в Онежское ГПУ (15), чтобы получить освобождение.

Сегодня день прощания с Шоглой... Вещи сложены, и я сейчас иду на кладбище, чтобы отслужить последнюю прощальную панихиду по своим соузникам, почившим волею Вышнего на этом далеком севере... Картина достойна кисти художника. Господи, укрепи во мне память, чтобы сохранить эти минуты живыми до гроба.

Среда, 2/15.11.

Перешел на квартиру в деревне Поле и живу пока у старушки Колесовой Павлины Павловны. О ней много будет сказано потом. Это единственная, по-моему, в нашей местности женщина. Сегодня иду в село Большой Бор - там завтра праздник св. великомученика Георгия. Ночью у Бурлакова Михаила Степановича

ча. Это люди, которые заслуживают тоже большего внимания с моей стороны. Надо отметить, что они пользовались вниманием и уважением у всех высыльных, которым всегда оказывали радушный прием и сострадание.

Четверг, 3/17.11.

Рано утром пришел к о. Архимандриту Анатолию. Об о. Анатолии необходимо сказать несколько слов. Отец Архимандрит Анатолий - монах Соловецкой обители. Родина его - это же самое село Большой Бор. В молодости поступил по обету в Соловецкую обитель, до настоящего момента он был казначеем в Соловецкой обители. После ужасного переворота перешел на свою родину в село Большой Бор и в нем исполнял обязанности священника.

Отец Архимандрит, как воспитанник Соловецкой обители, полон духовной мудрости. У него я нашел теплый приют для моего слабого тела и еще теплейший приют для моей больной скорбящей души.

И вот рано утром пришел я к о. Архимандриту - давно уже у него не был. Отец Архимандрит встретил меня с радостью и радушием. Служба прошла хорошо, несмотря на холод в храме - запретили топить. После службы был по обыкновению у о. Архимандрита. Утешение было полное. В первый раз пробовал здешнего шикарного блюда: рыбник с треской. Рыба мне не понравилась. Имеет какой-то особенный вкус, чем здешние жители особенно дорожат. В день праздника о. Архимандрит ходил по селу с крестом (в храмовые праздники здесь так принято, такой обычай). А я зашел к нескольким бабушкам, которые меня угостили и дарили маленькими лепешками, обильно помазанными картофельным пюре. Ночевал у одной старушки - Ксении Зеновой. Ее хатка ниже моего роста. На другой день опять был у о. Архимандрита и получил большое утешение. В это время все мои мысли были полны предстоящим путешествием в г. Онегу. Что-то принесу из города?

4.11 старого стиля.

Возвратился в село Поле, где проживал, и стал готовиться в дорогу. Хозяйка, у которой я временно остановился, испекла мне несколько житничков (маленьких ячменных хлебчиков) на дорогу.

8.11 ст. стиля, в день св. Архистратига Михаила.

Сопровождаемый добрыми пожеланиями моих благодетелей старушек, вышел я из с. Поле по направлению к г. Онеге. А так как дорога в г. Онегу проходила через село Большой Бор, куда я обычно ходил в Церковь, то я и в этот раз зашел к своему духовнику получить напутственное благословение. Духовником был принят, по обыкновению, радушно и с любовью.

9.11 ст. стиля.

Утром, напившись чаю и получивши доброе пожелание своего благодетеля и духовника, я отправился в путь. Мороз был около 15 градусов, и снега насыпало порядочно. Проходя встречные села и деревни, я нигде не отдыхал - все думал о ночлеге. Здесь нашего брата ссыльного не особенно с охотой принимают, тем более на ночь. Положим, когда я собирался в дорогу, я кое о чём осведомлялся у знакомых относительно ночлега в дороге, в каких селах лучше принимают на ночь.

Первый мой ночлег выпал в деревне Усть-Кожа. Эта деревня расположена на левом берегу р. Онеги, деревня большая, когда-то была богатая, благодаря рыбным промыслам. Сейчас имеет вид заброшенного сада: много умерло, кое-что умирает, а остальное или умрет, или засохнет.

Наступил вечер. Мороз как бы ободрялся и напоминал о себе. Надо было искать место для ночлега. Вот тут-то мне и пришлось испытать всю действительность положения ссыльных. В какую избу я не входил с вопросом переночевать, везде слышал один ответ: "разве деревня малая, иди к другим, у нас негде." Прошел с десяток домов, и везде один и тот же ответ. Что делать? А вечер уже вступил в свои права, становилось темно. Здесь, на севере, вечер наступает очень быстро, особенно зимой, в три часа пополудни на дворе становится совсем темно. Прошел чуть не полдеревни, а ночлега все-таки нет - хоть на дворе nochай. Если бы было лето, а то зима самая настоящая! Для меня, конечно, был выход из положения: пойти в Сельсовет и дело с концом, но я думал найти приют христианским способом, а не современным.

В конце концов, я все-таки вынужден был обратиться в сельсовет, где, проверив мои документы, указали мне дом, где я могу

переночевать, дали записку для хозяев. Но и тут, несмотря на предъявленную мною записку, хозяева не хотели пускать, а ведь христиане: в квартире есть образа, а я, в свою очередь, говорил, что я высыльный православный священник, и вид мой о том свидетельствовал - длинные волосы... Но хозяева ничего не хотели слышать. Я умолял уговорами, давал деньги - ничего не помогало. Но когда, наконец, согласно записки сельсовета, я остался в квартире, то долго слышал раздраженный голос старушки, выражавшей свое неудовольствие.

Но удивительно, как скоро может меняться настроение людей! Эта же самая бабушка, которая не желала со мной разговаривать, не больше как через час после моего прихода совершенно изменила свое отношение ко мне. А виновником этому лучшему отношению был ребенок лет четырех: с ребенком, как видно, скрь можно договориться, нежели со старыми - взрослыми. Малыш посмотрел на меня несколько раз, как бы подозрительно, я ему ласково мигнул раза два, потом поманил его к себе... К счастью, у меня нашлись сладости, присланные из дома, и дело моментально уладилось. Через полчаса завязалась дружба, и малыш, сидя у меня на коленях, премило наслаждался гостинцами, обнимая меня за шею. Что можно было сказать хозяевам, смотря на такую картину...

Конечно, на ворчание бабушки я несколько раз говорил: "Бабушка, зачем ты так сердишься на меня? Ведь я тебе ничего плохого не сделал, смотри, чтобы ты не пожелала потом взять свои слова обратно!" Так оно и вышло. Когда она увидела своего внука, сидящего у меня на коленях и обнимающего мою шею, моментально утихла. Да мало того, тотчас же предложила чайку и даже сахару поставила. Потом появились соленые грибки, горячая картошка и проч. Когда пришло время укладываться на ночь, бабушка устроила для меня возле грубки постель, чтобы было для меня теплее.

Вставши рано утром, ни за что не хотела отпустить меня без чая и завтрака. Но когда я ей доказал, что мне необходимо спешить, наконец, уступила, но очень просила заходить на обратном пути. Вышел я рано, часов в пять утра.

10/23.11.

Было еще темно, морозец потрескивал приличный – градусов тридцать. Но я мало его ощущал. Вышел я, конечно, с молитвой и упновием. Ситуация была очень неблагоприятна. Во-первых, дорога совершенно мне незнакома, к тому же было еще темно, а главное – ветер совершенно засыпал снегом дорогу, и мне пришлось идти по указанию телеграфных столбов, копаясь в снегу. В этот день я прошел 41 версту, только один раз отдыхая на пути - в селе Карельском.

Случайно захожу в избу, казавшуюся для меня более приветливой, прошу позволения отдохнуть и согреться, на что получаю полное согласие. При разговоре выяснилось, что я попал в дом, хозяйка которого была родная племянница моей знакомой - бабушки Матроны Ф. Бурлаковой из села Коломинки. Конечно, излишним будет описывать ту Любовь и ласку, которую мне оказала хозяйка, когда я ей рассказал про здоровье и жизнь ее родной тетки. Здесь я согрелся, хозяйка накормила меня, напоила чайком и очень просила заходить на обратном пути.

Согревшись и хорошо подкрепившись, а также сердечно поблагодаривши хозяйку, вышел я в дальнейший путь. Следующее село было порожское - Пороги, на берегу реки Онеги. Село известно по своему исключительному обилию ценной рыбы семги. Люди этого села очень неприветливы, и ночлега в нем найти почти невозможно, о чем я уже был предупрежден. Поэтому я постарался дойти до следующего села Камениха, где жила моя знакомая старушка, приютившая меня в первое мое путешествие в г. Онегу. Усталость была невероятная, но, благодаря доброте и заботливости хозяйки - старушки, я отдохнул, согрелся и подкрепился бывшими со мной съестными припасами. На другой день утром 24.11 бабушка сварила картофеля, а я сварил суп из бывших со мной продуктов, и мы взаимно угощали друг друга. Хозяйка очень хвалила мой суп, приговаривая: "Какие у тебя, бабушка, хорошие щи вышли!"

От села Каменихи до г. Онеги оставалось 16 км, а потому спешить было нечего, и я, хорошо отдохнувши и подкрепившись и напутствуемый добрыми пожеланиями хозяйки, пошел в город Онегу.

О, Нега! Легендарное название этой реки, которое, будто бы, дал ей Петр Первый...

До города дошел благополучно в субботу. На ночь, с разрешения хозяев, остановился у одной монахини Дорофеи - высыльной из Кавказского монастыря. Вечером пошли в храм ко всенощной. Храм находится на кладбище... Остальные все разрушены. Батюшки еще не обновленцы... Познакомились с Епископом Вениамином, Викарием Уфимской Епархии. Старец семидесяти трех лет, из простых монахов. Не служит, как и все высыльное духовенство.

На постоянную квартиру я поселился у одной бедной женщины - вдовы с шестью детьми, у которой до моего прихода тоже жил высыльный священник. Рассчитывал скоро управиться с делами, но оказалось, что нет... Место коменданта занимает женщина. Прием у нее был очень корректный. Оказалось, что необходимо пройти врачебную комиссию для установления своей инвалидности. Прошло двое суток пока, наконец, получил сопроводительную справку к врачу, а он уже со своим отзывом направил к врачу в здравотдел, где назначили срок прохождения комиссии на 4 декабря нового стиля.

Ждать комиссии нужно было целую неделю. За это время пришлось немало испытать. С собой я не мог набрать продуктов на все время. Правда, хозяйка из любезности уступала мне карточку, по которой я мог получить суп в столовой. За это я ежедневно привозил ей дров из лесу. Не буду подробно распространяться о качестве и питательности супа, получаемого в столовке. Очень большую любезность оказала мне комендант, выдавши мне карточку на хлеб на декабрь месяца по 200 граммов в день. Это было для меня спасение.

Время ожидания комиссии пришлось проводить в исключительных условиях. У квартирной хозяйки было шесть душ детей. Старший 15 лет, а младшему 4 года. Крик, ругань, драки раздавались по целым дням, а иногда и ночью. Под такую симфонию не особенно усладишься сном, а к тому же, безо всякой подстилки, на грязном полу. А тут еще и дедушка мороз своей дани требует. И все это вместе взятое вытравляло все мирское пристрастие. И так, не спавши целыми сутками, на тще сердце (неразборчиво -

прим. ред.), выражаясь по-украински, о многом пришлось передумать. На четвертый день моего пребывания на этой квартире священник, который жил со мной, получил документы и собирался уезжать. При нем в квартире было тише. И я просил его прощать мне с кило муки. У него было с полпуда, он видел мою крайнюю нужду, но не продал. Господь с ним!

Приближался долгожданный момент - день комиссии. День этот выпал на понедельник, по старому стилю 21 ноября - в день праздника введения Пресвятой Богородицы. В субботу, 18 ноября, я пошел к всенощной. Пошел пораньше, чтобы избавиться квартирной "музыки". Как на беду в этот день служащий батюшка очень опоздал, и пришлось ждать начала службы часа два. Мороз был 40 градусов, в храме холодно, и я, видно, немного простудился. пришел я на квартиру, чувствуя себя хорошо, но вот с полночи почувствовал сильное повышение температуры. Начало меня ломать и трясти. Что делать, думаю, никакой помощи нет, да и ждать неоткуда. Один момент, и в душу проник какой-то страх. А вдруг хозяйка узнает, что я заболел, испугается - ведь я же не был прописан, а за это ее могут наказать. Мысли, как льдины Ледовитого океана, надвигались на меня, готовые раздавить, окончательно сломить мое самообладание...

Да, сила молитвы спасет болящего, сказал апостол Иаков (Послание Иакова, гл. 5, стих 15: И молитва веры исцелит болящего, и восставит его Господь; и если он соделал грехи, простятся ему). В эту ночь я положил более тысячи поклонов: падал, изнемогал, почти теряя сознание. И к семи или восьми утра я почувствовал прилив какой-то теплоты, мысли мои прояснились. Поблагодарив Бога, я невольно улыбнулся своему малодушию. Утром почувствовал, что температура установилась, только ощущал физическую слабость.

На литургию я уже не ходил, а ходил на всенощное бдение. В храме народу вообще бывает мало, а также и в день праздника Введения чувствовался какой-то религиозный холод. Когда я шел в г. Онегу, в моих мыслях воображалась другая картина, более светлая, но действительность оказалась совсем иной. Живущий в Онеге священник, высыльный конечно, говорит мне, что он здесь живет уже три года, всегда принимает участие в чтении и пении и

считается как бы псаломщиком, но никогда не получил от посетителей храма не то что какого пожертвования, но даже словесной благодарности.

И вот я вывел такое заключение из наблюдавшего факта, что мы, современные отцы и окружающие нас христиане, наши духовные дети, ничего общего как бы не имеем. Казалось бы, что достижение вечного спасения должно быть нашей общей целью, общим стремлением. Но ничего подобного между нами не заметно. Даже наоборот, наше отношение друг к другу выходит за всякие человеческие границы. Языческий период людей бледнеет перед современным христианством по своему нравственному расположению и религиозному безверию.

Во время литургии поднялась сильная вынуждающая вьюга. Снег сыпал весь день. Пришлось до 6 часов вечера сидеть в квартире, слушать ужасную симфонию, прерываемую иногда гастролями драматического характера, и ждать начала своей комиссии. Что-то скажет комиссия? Этот вопрос не выходил из головы. Волнение охватывало меня. А ведь в действительности я не особенно спешил на свободу, более хотел отаться воле Божией. Но дело начало, следовательно, надо закончить.

На комиссию собралось человек до шестидесяти, а обычно принимают не более сорока. Следовательно, кто-то должен остаться до следующей комиссии. А вдруг я попаду в число не дошедших. Придется тогда ждать следующей комиссии, а когда она будет? Этот вопрос был для меня очень важен. Ведь и так уже несколько дней сижу на положении отшельника. Просидевши до десяти часов в помещении, где была комиссия, в ожидании вызова, вдруг вижу: выходит сестра и читает фамилии лиц, которые остаются до следующей комиссии. В их числе оказалась и моя персона. К счастью, комиссия назначалась на следующий день - пришлось согласиться. Но удивительно, что я в этой ситуации оказался совершенно спокойным и пошел к себе на квартиру в самом нормальном душевном расположении, которое уже не оставляло меня до получения документов, т. е. до 7 декабря нового стиля. Комиссия состояла из двух молодых врачей и ассистента. Они отнеслись к нам, своим пациентам, очень снисходительно и вежливо. При свидетельствовании моей особы произошел малень-

кий инцидент юмористического характера. Когда я разделся, у меня на груди увидели крестик. И вдруг один из врачей делает мне вопросительное замечание: "Ты православный священник? А почему у тебя католический крест?" Пришлось с ним согласиться и объясниться... Этот крестик подарил мне один батюшка, о. Михаил Лярго, едущий со мной в одном этапе. Мой крестик сняли с меня в Житомирском ГПУ, он был золотой... (16)

На другой день, шестого, выходной, и в комиссию ГПУ сказали мне явиться седьмого. Какой отзыв дала комиссия о каждом из нас, никто не знал... Все узнается в ГПС.

24.11/7.12,

в день Великомученицы Екатерины.

Я отправился в учреждение ГПС. Тут меня встретила комендант - женщина очень любезно, сказала несколько ласковых замечаний в мой адрес, и как бы в доказательство своего доброго отношения, выписала мне за целый месяц хлеб, о котором я и не мечтал. Словом, я получил документы об освобождении и самые лучшие пожелания. И как бы в подтверждение всего этого она дала мне 15 рублей с предложением, чтобы я не шел пешком.

Невозможно изложить на бумаге то внутреннее состояние, которое я ощущал по получении документа, дающего мне право свободно возвратиться к своим родным... Да, я уже свободен! Как дорого это слово! И каким нежелательным преткновением может оно являться для тех людей, которые не могут правильно приложить его к человеческой жизни.

Теперь в г. Онеге меня уже ничто не удерживало, и я готов был тотчас же ехать. На возвратном путешествии из Онеги особых приключений не было. Оно было сравнительно удачно. Вышел я из города в пятницу 8 декабря нового стиля, и в Воскресенье, по моему расчету, я должен быть в с. Большой Бор, но мне очень хотелось побывать на Литургии в этом селе и помолиться в последний раз со своим духовником. Конечно, привести это желание в исполнение своими силами было невозможно; для этого надо пройти в два дня 98 верст, что было немыслимо: оставалось только положиться на волю Божию.

Вышел я из Онеги часов в двенадцать. Шел не особенно быст-

ро и рассчитывал ночевать в селе Камениха, что в 16 верстах от Онеги. Когда до села оставалось полверсты, вдруг неожиданно сорвалась страшная выюга. Небо покрылось каким-то мраком, снег буквально засыпал, вокруг образовалась сплошная белая пелена; в двух - трех шагах совершенно ничего не было видно. Дорога как бы ушла куда-то, ноги вязли в снегу. Ветер окончательно сбивал с ног. Начинись такое снежное волнение часом раньше, я ни за что не дешел бы до села.

Уже прия в село, я на самом малом расстоянии ничего не мог разглядеть. Бабушки своей я не застал дома, [где же теперь] искатьnochlega. Случись это в каком-либо другом селе, пришлось бы мне под чьим-нибудь порогом замерзнуть – таких случаев было немало с нашим братом - высыльным. Но видно Святой Великомученик Георгий, которого я всегда призываю на помощь, не оставил меня и теперь. Увидя огонек в избе, я пошел наугад к дому. Взошел на крылечко, двери оказались незаперты. Я вошел в сени и отряхнул, насколько мог, снег с себя и своей котомки, нашел ощупью лестницу наверх, на второй этаж, и взойдя на площадку, стал искать двери в избу.

Когда я вошел в избу, вблизи дверей стояла девочка 10 – 12 лет. Увидя меня, она мигом скрылась в другую комнату, а на ее место вышла мать хозяйка. По обычаю, перекрестившись и пожелавши доброго вечера, я стал просить хозяйку пустить меня переночевать и обогреться. И услышал ответ: "Да кто же, батюшка, в такую погоду не пустит крещенаго! Видишь вот какую погоду Господь посыпает!..“ И сейчас же помогла мне снять котомку, стряхнула с меня снег и предложила обогреться чайком.

Казалось мне, что я попал в райскую обитель: тепло, сухо, приятно, а самое главное, такая любовь и ласка. Моего хлебушка мне не позволили даже и вынимать из котомки. Самовар был готов, и предложили чайком согреться. Поставили сахар и все проще к чаю. Словом, самый настоящий христианский прием. Хозяин оказался очень добрый, по занятию - рыболов. Очень много интересного рассказывал вообще о рыбной ловле и особенно о ловле рыбы семги - самой ценной по своему качеству. Вечер прошел во взаимной беседе, очень интересной для меня. Хозяин оказался довольно развитым человеком, которого можно было слу-

шать с большим интересом. Пришлось и мне рассказать кое-что из жизни нашей Украины.

На другой день ни за что не хотели пустить меня без завтрака и чая. Распрощались очень мило и трогательно. В субботу, выйдя из села, я горячо поблагодарил Господа за Его ко мне милость и благодарил моего покровителя, великомученика Георгия. Мысль моя все же витала во св. храме села Большой Бор, где я часто молился во все времена моего пребывания на Севере. Хотелось бы еще раз помолиться в нем. Завтра, думаю, Воскресенье, а я буду все время в дороге...

С такими мыслями, полными сожаления, а также и с молитвой св. великомученику Георгию, я дешел до села Пороги. Милость Божия не замедлила явить себя моей худости. Какой-то человек ехал из Онеги в Чекуево за рабочими; у него было две подводы, и ему одному было трудно управляться с ними. Задняя лошадь шла, куда хотела, и я видел, как он мучился с ними и ничего не мог сделать. Когда я с ним поравнялся, то он, узнавши мое направление, сказал: "Дедушка, вот тебе вожжи. Сани полны сена, садись и только управляй!" Кто может понять мое удивление и радость! А ведь от села Пороги до Чекуево 60 километров.

Мы ехали и день и ночь не останавливаясь, разве что для небольшого отдыха лошадям, и в три часа ночи были уже в селе Чекуево, а от Чекуево до села Большого Бора оставалось 9 километров. Еще не было 6 часов, как я уже был в квартире моего дорогого старца. Удивление и радость выражались во всех движениях и взглядах о. Архимандрита. Когда прошел первый восторг встречи, старец и говорит: "Видно Сам Господь привел тебя сегодня ко мне, а я уже думал, что сегодня и служить не буду - не с кем..."

После Литургии о. Архимандрит отслужил для меня благодарственный молебен, и я горячо со слезами благодарил Господа за Его великую милость ко мне недостойному. Весь этот день провел я у старца, и наша беседа вечером длилась далеко за полночь. Сознавая, что настал последний момент нашего совместного общества, каждый из нас спешил излить свои душевые переживания. Переходили от прошедшего к наступающему времени, останавливались на каждом особо выдающемся событии, проводили сравнения и заключения, и все это покрывали своим тяжелым вздохом.

2.3. ПРОЩАНЬЕ С НОВЫМИ ДРУЗЬЯМИ

На другой день, 28 ноября старого стиля, пошел я прощаться с некоторыми старушками, исключительно ко мне относившимися; бедные и радовались моему освобождению, и тут же выражали свое искреннее сожаление: "Кто-то теперь будет служить с нашим батюшкой?!"

Картина моего прощания с новыми друзьями с далекого Севера была в высшей степени умильтельной. Мой дорогой батюшка с виду был как бы спокойный, но при всяком замечании с его стороны и разговора, если он касался моего отъезда, голос его заметно дрожал, и вот тогда-то в нем виделся духовный воин, закаленный в духовной борьбе. На таких духовных борцах и духовных столпах веры - зиждится и стоит Церковь Христова. Они с виду кажутся иногда строги и как бы суровы, но в действительности внутреннее состояние их духа всегда находится под влиянием духа Божия, любовью согревающего и расплывляющего их существо в нежную ласку, полную смиренния и кротости...

- Ну, батюшка, - сказал мне, наконец, старец перед прощанием, - вот ты и дождался того желанного момента, о котором думал и говорил не один раз. Хотя мне, одинокому старику, и жаль расставаться с тобой, но я очень рад твоей радости.

Трудно словами высказать то внутреннее состояние, которым была полна моя душа... Упал я в ноги старцу и говорю: "Батюшка, простите меня! Может я вас обидел чем во время моего посещения!.." Но на мой вопрос я не получил никакого ответа... Две старческих слезы скатились на его благообразную бороду... Упал я на грудь старцу, и несколько минут в комнате, кроме вздохов старца и моего всхлипывания была какая-то особо таинственная тишина...

Через год после моего возвращения я получил известие, что старец арестован приблизительно в 1935 году, а еще через год мне стало известно о его смерти в ссылке. Господи, упокой его блаженную душу в селениях праведных. Когда его высылали, ему было уже 75 лет...

Ну, пора сказать несколько слов о других памятных мне местах: селе Поле, где я больше всего жил, и селе Коломинка, где у меня тоже были добрые знакомые. Село Поле было центром моей

жизни на высылке. В это село я прибыл в самом начале своего срока. Отсюда я имел связь со своими домашними. В этом селе было отделение почты, и следовательно, вся моя корреспонденция сосредоточивалась здесь, поэтому в селе Поле было у меня и знакомых больше, были и близкие друзья...

В начале высылки я жил в этом селе на вольной квартире, да и многие из высылочных тоже. Казалось, что мы живем как вольные граждане в новой свободной республике. Тут есть почта – для высылочного лучшее утешение; и на почте нас бывает иногда сразу человек по нескольку: кому письмо, кому переводы, кому посылки, и все это встречается с каким-то Пасхальным торжеством. Тут же сейчас передаются и новости. Словом, почта для нас была лучшим местом и для обмена мыслями. Бывало так: если я не иду на почту, а мне что-либо пришло – посылка или деньги или письмо, то ко мне тотчас же приходит кто-либо из посетивших почту и сообщает: "Вам на почте есть то-то и то-то! Идите!" И так каждому.

Так вот, повторяю, село Поле было главным пульсом нашей жизни. Здесь были у меня хорошие знакомые, здесь я доживал свои последние дни перед освобождением. Здесь же сосредоточилось все мое хозяйство, отсюда я должен окончательно выбраться, чтобы отправиться в путь.

Моя хозяйка, где я жил, Колосова Павла Павловна, старушка 64 лет, вдова, в высшей степени интересный человек. О ней я еще в начале этого дневника обещал кое-что рассказать. Она по своему укладу жизни, характеру, взглядам и рассуждению совершенно не подходила под общий уровень местных женщин. Грамотная, религиозная, в высшей степени отзывчива, а самое главное – не болтливая. Этот порок особенно развит среди местных женщин. Познакомился я с ней с первым моим появлением в здешних краях, и даже сначала хотел у нее остановиться на квартиру, но у нее уже были квартиранты.

Познакомившись, мы как-то очень скоро поняли друг друга, и смотрели на совершившиеся события очень согласно. Она живет полузамкнуто, редко выходит из дома, кроме как в церковь да по хозяйству. Любит читать книги религиозного содержания, читает и таких [писателей], как Тургенев, Писемский и др. Чита-

ла много книг церковно - исторических. Знакома с историей нашего Отечества и династией его управления. С ней можно было интересно побеседовать, особенно на исторические темы. В последнее время я достал у одного селянина Библию, чему она была очень рада. Очень часто мы с ней читали эту священную книгу. Я читал, а она слушала. Конечно, чтение сопровождалось беседой и скромными христианскими рассуждениями.

Современная жизнь с ее событиями может служить теперь самой обширной темой для людей религиозного настроения. Когда нас загнали на реку Шоглу, то дали строжайший приказ жителям, чтобы высыльных никто в дом не принимал и не продавал никаких продуктов, и этим как бы осуждали нас, инвалидов, на голодную смерть. Тогда-то Павла Павловна показала себя истинною христианкою. Многие жители тогда от нас отказались, а она осталась верна своим убеждениям. Руководствуясь учением Христовым, она никому из ссыльных не отказалась в милости, и чем только могла помочь - помогала. Ей и угрожали, и проч., но все, слава Богу, обошлось благополучно. Меня она положительно спасла от голода. Сама питалась пайком, а паек, известно, ограниченный, но мне никогда не было отказано в куске хлеба и картофели, а иногда и молочком кормила. Я вменил себе в непременное обязательство молиться за нее и за ее детей до конца своей жизни.

Так вот, с этим центром я и пришел прощаться. Павла Павловна напекла мне на дорогу хлеба, насушила сухариков, пирожков и проч., так что путь мой, в смысле питания, был вполне обеспечен.

Сначала я решил выехать в пятницу 2 декабря старого стиля, но меня задерживал мой сотрудник, о. Леонид Корженевский, волынец, к несчастью, обновленец. Мы с ним говорились ехать до станции на своих парных - родных...

Саночки "чунки" мне подарили добрые бабушки, следовательно, все было в порядке. Вещей у меня со всеми продуктами собралось пуда четыре, но о. Леонид оказался еще не готов. Ждать его, когда было уже все готово, и когда вся душа и мысли неудержимо стремились к родному очагу, я был уже не в силах, и окончательно решил выехать в воскресенье, в день памяти св. великомученицы Варвары 4 декабря.

В субботу вечером был в селе Коломинки, прощался с Бурлаковыми. Бурлакова старушка Матрена Федоровна провожала меня со слезами и причитаниями: "Батюшка, кто-то теперь придет ко мне и расскажет что-либо хорошее! Остаюсь я одна, одна никому не нужная..." Эта Матрена Федоровна - человек в высшей степени добрый и отзывчивый. Она, бедная, плохо видит и плохо слышит. Ее дети погибли в гражданскую - это лишило ее и слуха и зрения.

Четвертого, в Воскресенье, в шесть часов утра у Павлы Павловны уже был готов самовар и горячая вареная картошка. Дочери не было дома - повезла почту. Хотя день был воскресный и праздник Великомученицы, и не следовало бы рано кушать, но случай был исключительный. Помолились и сели вдвоем за стол. Разговор как-то не клеился. Мои мысли сами собой невольно стали чаще улетать к югу, хотя рассудок и говорил мне, что эти последние минуты следует отдать этому человеку, добromу, отзывчивому и находящемуся тоже под влиянием грусти...

Вижу, что она смотрит на меня и как бы хочет что-то спросить, и говорю: "Павла Павловна, Вы меня извините, что я немнога как бы рассеян..." "Да, батюшка, - говорит она, - теперь твои мысли уже не здесь, а дома, я это чувствую! Но ведь это так естественно... Судьба тебя забросила к нам помимо твоего желания, и ничего хорошего ты здесь не видел. Да и что ты мог увидеть хорошего среди нас, темных людей!.." Конечно, много нужно было употребить искреннего красноречия, чтобы убедить ее в том, что я оставляю эти места с некоторой тяжестью и сердечною скорбью. Я, говорю, уже немного привык к Вам, искренне оценил Ваше ко мне отношение, и совсем не считаю за людей темных, а считаю Вас, наоборот, людьми в высшей степени порядочными и сердечными. "Последний раз, батюшка, смотрю я на Вас, - говорит она, - и с кем-то я поделюсь своими думами?.." Чай не пился, да и кушать не хотелось под этот минорный аккорд, а потому я предложил Павле Павловне лучше помолиться.

Об этом я еще раньше думал, а теперь надо было осуществить заветную мысль. Епитрахиль у меня была, подрясник тоже, а главное - была книга молебных пений. Начал служить напутственный молебен с припевом Великомученице. На молебне вспомнил о своих, о всех Житомирских, а также помянул и хозяйку с семейством.

После молебна Павла Петровна не выдержала, упала к моим ногам и со слезами просила не забывать ее в молитвах...

В последний раз осмотрев багаж и приведя его в порядок, я начал окончательно прощаться... Бедная старушка рыдала, как ребенок... А я разве мог быть спокоен... Эти минуты до смерти не забудутся...

На дворе стояла ясная погода, но дня два назад была метель, а потому дорога не могла быть особенно гладкой... Напутствуемый слезами и добрыми пожеланиями доброй старушки, наконец, я выехал из дома, так тепло приютившего меня...

2.4. ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

До железнодорожной станции "Обозерская" было 74 км. Расчитывал проходить по 25 километров в день. Оделся, конечно, потеплее, но впоследствии оказалось, что напрасно: когда я пришел в село Усолье, что в 5 км от Поля, то на мне не было нитки сухой от пота. Конечный пункт этого дня должен быть постоянный двор "Чуново". Почти не помню, как я до него добрался. Когда я отошел дальше от жилья в лес, то там дорога оказалась почти совсем занесена снегом. Саночки мои загрузали, то и дело приходилось их вытаскивать и поднимать. Нервы напряглись, силы слабели. Последние 2 - 3 километра пришлось отдыхать через каждые 5 - 10 минут. Ноги совсем отказывались идти, руки превратились в какие-то беспомощные пласти. Я уже стал сомневаться в том, дойду ли до Чунова, хотя сам прекрасно знал, что оно уже совсем рядом...

Переживать такие моменты, когда сознание ясно тебе говорит, что жизнь твоя на волоске, что ты смотришь прямо в глаза смерти, очень тяжело... Чтобы понять тяжесть таких моментов, их надо пережить - высказать их невозможно. Таких моментов пришлось мне испытать три в период моей высылки. В первый раз, когда мы пешком шли от станции Обозерской к дорожному строительству, второй момент, когда я упал с плота в трясину, и чуть не был ею засосан, и третий, последний, когда я возвращался домой. Все эти три случая я не могу принять иначе, как только за

промыщение Милости Божией о моем недостоинстве, особенно последних два. Это не то, что я болел тифом в тюрьме и готовился умереть. Болезнь настраивает дух человека иначе. А вот в таких случаях, когда человек чувствует, что здоров и что несколько часов назад у него были радужные мысли, предположительные и успокоительные, которые окрыляли его надежду, и вдруг перед глазами виднеется смерть... Как хотите, неприятно!.. Конечно, я был молитвенно настроен покориться воле Божией, но грязность, грязность души, прельщаемой миром, вот что именно меня страшило! Вспомнишь о вечности и подумаешь: что для нее сделано? Кажется, ничего!.. И невольно волос на голове зашевелится...

В Чунове добрые люди пособили внести в помещение мои вещи, да и меня тоже, ибо я сам почти не двигался. Все на мне было мокре от пота, мокре и полумерзлое, потому что на дворе порядком морозило... Первый этап моего пути пройден, а я жив, что же больше! Слава Богу, тридцать одну версту прошел, осталось 43 на два дня, следовательно, будет легче.

Следующая остановка - село "Большие Озерки" в 22 км. Прешел без особых приключений, но на что и на кого я был похож! Усталый, изможденный, с ноющими членами... При самом въезде в село неожиданно сорвалась страшная метель, но я был уже вне опасности... Хозяйка, к которой я зашел, оказалась очень добрая и предложила мне лечь на печи, чтобы согреться и обсохнуть, а для меня это было самым необходимым...

На третий день, 6 декабря старого стиля, в день Св. Николая, нашего всеобщего покровителя, была оттепель. Буря утихла, и хотя небо было серое и сумрачное, ноказалось, что падать ничего не будет. Однако, к полудню стал падать снег, сперва мелкий, реденький, а потом все крупнее и чаще, и в конце концов стал превращаться в туман и дождь.

Конечно, будь в здешней местности частые поселки, можно было бы переждать такую погоду, но так как здесь от последнего моего ночлега до следующего никаких поселков нет, то в силу необходимости пришлось продолжать свой путь до конца под сеющим, как из сита, дождем. Эта последняя остановка, село Малые Озерки, отстоит от станции Обозерской в 2 -х км, а от Больших Озерок - в 20 км. Казалось бы, переход небольшой, но из-за неблагоприятной по-

годы и, принимая во внимание страшную усталость, идти пришлось до позднего вечера. Когда я бывал в селе Большой Бор, то там пришлось познакомиться с одной женщиной, Александрой Андреевной Ивановой, брат которой жил в селе Малые Озерки. Она-то и дала мне письмо к брату, в котором и просила за меня. Этот брат ее, Иван Андреевич, а также его супруга Марья Васильевна, оказались люди в высшей степени религиозные - истинные христиане. Они приняли меня, как ангела Божия.

Боже, Боже! Я никогда не испытывал и не видел такого благоговейного и полного любви отношения, какое было оказано ими мне... Мне, такому мокрому, грязному было оказано самое горячее радушие. Сейчас же согрета была вода для умывальника, дано было чистое белье. Мой полушибок, который был совершенно мокрым, был выскошен, вычищен. Кровать была приготовлена в таком виде, что я стыдился даже подойти к ней. Словом, мне казалось, что я только что родился в каком-то новом мире, о котором что-то смутно припоминаю из неведомо когда бывшего... Чай, сахар, а также все прочее к чаю. Затем ужин: рыба, грибы, молоко, булка - все что-то сказочное, а, главное, теплая, чистая комната. Все это казалось мне каким-то раю Божиим... Когда я немного пришел в себя, то и тогда не знал, как благодарить добрых хозяев за их любовь и христианское отношение.

Нужным считаю отметить случай, произошедший со мной при входе моем в означенное село Малые Озерки. Было уже совсем темно, и мне надо было найти квартиру Ивановых. Пришлось спросить несколько встречных людей, повернуть из одной улицы в другую. В избах горели огни. Вдруг на одном из перекрестков встретился с целой толпой современных учеников - школьников. Боже, я не успел опомниться, как на меня посыпалась градом комья снега. С криком: "Бей его! Глуши его!" толпа надвигалась на меня со всех сторон. Я упрашивал, усовещал, стыдил - ничего не помогало! Если бы не подвернулся какой-то мужик, разогнавший толпу, не знаю, чем бы все это кончилось. А ведь вся эта звероподобная орава совершенно меня не знала. Не знала, кто я. Внешность моя ничем не отличалась от других. Если бы я был в подряснике или в рясе, то тогда можно было бы не особенно удивляться, потому что в школе внушают детям, что священники - попы - самые

ужасные люди. Почему ужасные - о том не объясняется. Вид священника, если он в рясе, делает безбожников невменяемыми. Они становятся подобны бесноватым: у них сердце закипает неограниченной злобой, лицо искается, и они положительно теряют самообладание - верный признак беснования.

Так вот, после этого случая я, наконец, попал к людям, которые по своему внутреннему содержанию и внешнему обращению являли собой истинных последователей Христова учения. Этот факт я хотел особенно подчеркнуть, чтобы заставить тех, кто будет читать сии строки, задуматься о том будущем поколении людей нашей Родины, которое воспитывается в богоотступническом духе. Оно необходимо должно дойти до такого состояния разложения и извращения, до которого дошли содомляне, с добавлением к тому неограниченной злобы. Житомирское людоедство 33 года служит подтверждением тому. Сохрани и заступи нас, Царица Небесная, от такого ужаса!

В среду, 11/24 декабря, в 12 часов ночи я уже сидел в вагоне поезда, мчавшегося в Москву. Теснота, духота, а также давка пассажиров совершенно мною как бы не замечались. Моя мысль была полна прошлыми и настоящими моментами. Чайник, подаренный мне доброй Павлой Павловной, оказался очень нужным, и благодаря ему я приобрел некоторое внимание пассажиров. Но главное - я был свободен. Мне не нужно было бояться ни прораба, ни десятника Шарапова, ни Усольского милиционера, который любил называться комендантом. Хочу сказать несколько слов о прорабе. Если его называть зверем, то это будет обидно для зверей, у которых есть какой-то инстинкт страха и сытости. Но это был человек - подобие самого демона, исполненный адской злобы и ненависти. Уму непостижимо, что он выделявал с людьми...

В вагоне происходил спор, препирательства из-за мест, но я о месте почти не думал, я готов был все время стоять - ведь я стал свободен!

По приезде в Москву первым делом было купить кило белого хлеба. Ни о чем я так не скучал, как о белом хлебе. Из Москвы ехать было много лучше. Тут мне пришлось встретиться с женщинами из Житомира, начались спросы - вопросы и проч.

В Киеве пришлось ждать недолго. Вот, наконец, тронулся и киевский поезд. Мысли стали как-то невольно все чаще и чаще устремляться к Житомиру. Вот и Коростень! Суeta вокруг - обычна при остановках поезда. Какое-то передвижение пассажиров. Но мне все это как бы чуждо... Тронулись. Между пассажирами в разговорах слышны знакомые названия сел, местечек... Горбаси! Слышу выкрики, значит скоро Житомир! Мне казалось что в этот момент он мне действительно был очень дорог... Через час или больше поезд стал замедлять свой ход. Еще через некоторый промежуток времени начали раздаваться свистки - все признаки приближения к вокзалу...

Толчок, маленькое сотрясение, и поезд остановился... Обычная суетолока, шум... И сердце у меня почему-то застучало громко-громко... Выхожу на перрон, читаю: Житомир! Полминуты какого-то столбняка, наконец, очнувшись, ринулся вслед за пассажирами в вокзал. Вхожу, а сердце так вот и колотится... Что такое, думаю, за малодушие!.. А вдруг кого встречу? И опять не могу никак совладать с собой... Проходит минут пять - десять, морозец заставил очнуться и подумать о подвode. Мой внешний вид был довольно непрезентабельный, и если бы кто из знакомых меня и встретил, то едва ли узнал бы.

Нашел какого-то возничу с одной кляченкой, и он за три рубля согласился доставить мою персону до места. Было часов шесть утра. После трехлетнего отсутствия город как будто изменился. Вот и Каретный переулок, место обиталища моих родных и дорогих... Жена моя со средним сыном Алексеем... Когда остановилась моя подвода, в груди что-то как бы сдавило, и на мгновение я готов был потеряться... Но Боже, прости мою слабость!

Дверь открыла супруга... Сын, бедный, болел ангиной... Что подробно описывать встречу! Она может быть понятна тому, кто сам испытал подобные переживания...

Итак, закончился один период моих жизненных испытаний, которые мною здесь записаны приблизительно. Но это, думается мне, еще не конец; конец еще впереди, а может и не в далеком будущем.

1935 год, г. Житомир. Иоанн Андреевич Серов.

ГЛАВА 3 В ЖИТОМИРЕ ПОСЛЕ ССЫЛКИ (1934 - 1938 гг.)

3.1. ПЕРВЫЕ МЕСЯЦЫ ПОСЛЕ ВОЗВРАЩЕНИЯ

Хочу продолжить, приблизительно, рассказ о дальнейшем своем пребывании в Житомире после моего возвращения из ссылки. Хотя я уже свыкся со всякими неожиданностями и нервы мои, как говорят, порядком притупились, побывши в барабанной атмосфере, но все же кое-что осталось для восприятия новых впечатлений. Сейчас же пришлось мне слиться в одну благовейно радостную гармонию (предложение не окончено - прим. ред.). Начались свидания, встречи со знакомыми и близкими по духу мне людьми, и эти встречи и свидания, тоже носили характер праздников.

И я с таким настроением прожил с месяц, пока не стряслась со мной другая катастрофа. Несмотря на мое праздничное настроение, по случаю приятных и радостных встреч, меня кое-кто из близких предупреждал, чтобы я не старался утомлять себя всякими хождениями и разговорами, а отдохнуть после всех волнений, да и внешний вид мой был подозрителен - брюзгость лица и непонятная тяжесть во всем теле. Мне говорили, что должна наступить реакция, она и наступила, но совсем с неожиданной стороны. Вдруг я заболеваю воспалением кишечника. Болезнь самая, что называется покладистая, и я был почти уверен, что она меня уложит в могилу: Но, "милости Твоей, Господи, исполнь земля", не оставил Он и меня Свою милостью, и еще продлил дни моей жизни для покаяния. Аз же яко свиния во гнусе валяюсь "...Господи, не затвори щедрость Твоя мне!" С месяц провался, ко второй неделе Св. Великого поста начал посещать храм Божий.

Теперь началась для меня как бы прошлая жизнь, но с некоторыми новыми оттенками. Богослужение тоже до некоторой степени касается меня, так как [должно быть] служащие в сем храме не особенно интересуются этим вопросом, распределяя и руководи как хочешь службой, лишь бы было основное...

Не забыть надо еще упомянуть о том, что по возвращении из Севера надо было явиться в НКВД и вручить там свою справку, на основании которой адресный стол и прописал меня. Но это еще

не все: так как я священник, то надо еще зарегистрироваться в отделе культов, а для этого надо иметь справку от Епископа. Не только для регистрации, но надо было приписаться к какому-нибудь храму, чтобы иметь возможность когда-либо и совершить Божественную службу. Это было главной причиной, побудившей меня обратиться к Епископу. Это было первое с ним знакомство.

3.2. ЕПИСКОП ВЯЧЕСЛАВ И ЕПИСКОП ФИЛАРЕТ

Епископ принял меня очень любезно и сейчас же прикомандировал к Кладбищенскому храму. Когда все это было оформлено, тогда и вступил в отправление своих обязанностей, вроде регента. Самостоятельного прихода я не просил, а пока был доволен своим положением. У Епископа я часто не бывал, а приходил к нему изредка. Не скажу что я сразу отдался ему, хотя, его отношение ко мне было самое милое. Иногда он своим обращением ставил меня в растерянное состояние. Например, пригласит пить чай или обедать, и тут же вдруг, подымается, зовет келейника и говорит: батюшке о.Иоанну многая лета! И поет сам... Так длилось [некоторое] время.

Он служил часто в кладбищенском храме. В момент богослужения Епископ Вячеслав невольно обращал на себя внимание молящихся своим [благоговением]. Служба его была без торопливости, выговор ясный и приятная дикция. Проповеди его были очень удачны: кратки, понятны, просты и иногда очень красивы. Такое его отношение к службе подкупило и меня, и я стал относиться к нему с большим доверием.

Жалею и краснею сам за себя, что пишу это про своего христианского Епископа. Что делать, больно это. Но люди сами виноваты! Те люди, которые должны были являться оплотом и примером для других в сохранении веры, сами лично потеряли веру и потеряли к себе доверие. Так вот, говорю, я стал питать к нему большое доверие и относиться с искренним уважением. Я видел в нем действительного Епископа, которым и должен был он быть. Религиозно строг, как монах, не человекоугодник; затем, серьёзный

партий, а не овца, которым управляют овцы, и которые теперь так в моде. Многие современные пастиры не управляют лично сами своей паствой, а сами иногда управляются своими овцами, от которых они пользуются скверными прибытками. Ради таких лиц все идут на уступки. Им все разрешается, во всем снисходит-ся, все извиняется и все прощается.

Епископ Вячеслав не был лицеприятен, он не любил ходить в гости, никаких приглашений [не принимал], а потому многим не угодил. Бедные христиане! Да и пастиры тоже, возлюбили ласкальство, которое льстило бы их самолюбию. Горе, горе наше! Христиане мы только по имени, а жизнь наша отличается от иноверных лишь тем, что они иноверцы. Но иноверцы, например, татары и др. сектанты, они живут между собой согласно, а православные, возбуждаемые диаволом, живут, как псы, желающие пожрать друг друга. Войдите вы в христианскую семью, что вы там увидите, услышите? Брань, проклятие, ненависть, недовольство один другим. Где там эта умиротворяющая кротость, теплая искренняя любовь, приветливость и то христианское все-прощение, какое заповедал нам Христос, пред которым преклонился в прах языческий мир.

18.09.35 г.

Много времени прошло с тех пор, как ничего не писал, а событий произошло за это время немало, и некоторые заслуживают особого внимания. Епископа Вячеслава перевели в г. Сумы Харьковской Епархии по проискам близко стоящих к храму, "ихже телеса падоша в пустыни". Вместо Вячеслава назначили Епископа Филарета изprotoиереев Киевской Епархии. Что можно сказать о новом Епископе? "Да не возглаголют мои уста дел человеческих".

Богоявленская община приняла Епископа с торжеством. Храм этой общины являлся ведь, как кафедра. С приездом нового Епископа сейчас же началась раздача своего рода дипломатических портфелей. Первый получил Бурчак-Абрамович (17), второй - ставленник Филарета, которого он привез с собою из Киева. Тотчас же пошла ужасная травля на тех священников, которые были близки к Епископу Вячеславу и близко причастны к этому храму.

По проискам Бурчака и его сотрудника Филарет издал распоряжение о том, чтобы никто из священников, не состоящих в штате этой общины, не имел права исповедывать в храме. Раньше, при других Епископах - Аверкий, Леонтий, Вячеславе исповедывали почти все священники города Житомира, оставшиеся без приходов. Это так естественно, потому что каждый из городских священников имел своих прихожан, своих духовных чад, которые должны были поддерживать своего священника, оставшегося при закрытии храма без всяких средств к существованию. Казалось бы, что Епископ первым должен был обратить самое серьезное внимание на такое бедственное положение своих сослужителей. Но Епископ Филарет со своими двумя фаворитами одним взмахом пера лишил последних средств батюшек. Поступок вполне достоин архиерея, но только не христианского, а какого-либо Анны и Каиафы...

Все подробности поступков, распоряжений и событий данного времени нельзя пересказать, чтобы не впасть в грех осуждения. Куда девалось то благовейное настроение, которое создавала служба Епископа Вячеслава!.. Алтарь кощунственно игнорировался; в нем происходили всякого рода грубые замечания, укоры, перебранки, доходящие до последней непристойности. Я совершенно перестал посещать этот храм, чтобы не волновать мысли и избегать греха осуждения.

Особо выдающийся случай был в этом храме в месяце июне. В одну ночь был убит злоумышленниками иеромонах Емилиан, который служил в этом храме и исполнял обязанность ночного сторожа. Царство ему Небесное! Не буду его судить, но скажу, что он много зла сделал Епископу Вячеславу своим неповиновением. Из-за него началась самая ожесточенная война между Епископом Вячеславом и общиной. Если бы Епископ хотел наказать Емилиана, то на то были самые основательные причины, о которых я лично знал достоверно, живя с ним почти в одной квартире. Жаль было о Емилиана до боли! Зачем, зачем было зажигать пожар! Зачем было принимать сторону мирян и отходить от Епископа! Ну, да это уже кануло в вечность. Скажем о другом...

6 декабря 1935 г., ровно через год с месяцем после того, как происходила эта недостойная война Христианского Епископа со

своими пасомыми, следовательно, тоже христианами, храм Богоявленский по распоряжению властей закрыли (18). Что может быть печальней такого события! Не нужно глубоко вдумываться, чтобы составить для себя самую печальную картину из жизни христианской церкви в данное время... Господи, порази жестокое сердце мое, да слезами моими омью грехи моя!

Кто даст мне источники и реки слез, чтобы я мог оплакать скорбь души моей! Ниспровергнута, осквернена Величайшая Святыня страны нашей. Храмы разрушаются и оскверняются. Божественные законы осмеиваются, и самое Имя Божие, Великое Святейшее хулится... Хула Господа Бога уже превосходит облака и доходит до небес!.. Хула, какая не была от начала мира... И время близко! Время, вот-вот и отмщение Божие за человеческое падение падет на главы наша... Кто может утолить огонь скорби моей, паливший душу мою!.. А в храме та же кощунственная небрежность.

Суббота, 8.12.

На всенощное бдение пришли в Кладбищенский храм потерявшие свой храм Бурчак и Иваницкий (19). Им не особенно жаль своего храма, но они лишились дохода. Большинство священников во все времена, а в данное - особенно, служили в храмах скверного ради прибытка, а не ради приношения жертвы о себе и людских невежествах. Они ревновали за чины и награды, а потому и довели себя до невероятной глубины позора и нищеты.

3.3. ДА БУДЕТ ТВОЯ, ГОСПОДИ, ВОЛЯ...

24.06.36 г.

Более полугода не писал я в эту тетрадку ни одного слова, а за это время масса картин из современной жизни пронеслась перед моим взором. Да что же и написать! Может ли маленькое русло затерявшейся в речной чаше речки вместить в себя морское существо вод. Может ли бедное человеческое сердце вместить в себя и объять собой ту пучину горя и страданий, постигших мою бедную Родину! Тем паче эта жалкая тетрадка не может вместить

и одну тысячную долю того, что произошло пред моими очами за это время.

С декабря прошлого года я лишился письменной связи с одним из моих духовных друзей... Вторично он был арестован и отправлен в Вологодскую губернию вместе с женой. Малаховы. Жаль их.. Сердце разрывается от боли, но так нужно. Сведения о них удовлетворительные. Они вполне примирились со своими, и с благодарностью несут посланные на их долю испытания... Но ни единые вины не обретеся в них. Друзья Божии считаются врагами мира, но не они себя считают врагами мира, а мир их считает своими врагами. Они только бывают молитвенниками за мир.

Когда злонамеренные люди, находясь среди какого-либо общества, захотят произвести какой-либо неприличный дебош, они прежде всего стараются затушить свет, и присутствующие как бы парализуются темнотой. Качество дел всегда узнается при свете. При слабом свете и худые предметы можно принять за добрые. Добросовестный человек не стесняется показать свое дело при свете. Злодей делает свое дело во мгле, скрываясь от света. Но мало того, он ненавидит и тех, кто является собой свет, т.е. добрые дела ненавидит, потому что добродетельный человек своим обращением и отношением и делами, как светом, разнится злого человека. И, естественно, от него (злого человека - прим. ред.) начинают сторониться все любящие свет - добродетель. Видя это, злой человек распаляется завистью и злобой на все доброе, и что называют светом. А потому большое горе бывает в стране, когда во главе правления станет злой человек.

От начала существования человека на земле история человечества отметила особенно, что человек, не признающий высшего существа - Бога и как бы противящийся этому, добродетельным быть не может. Красной нитью пронизывает эта мысль нашу современную жизнь. Страна управляет людьми безбожными, абсолютно затопляется бушующею волною зла в безмерной силе. У нас, в когда-то бывшей благодатной стране, теперь злоба поставлена как идеал, и ей приносятся кровавые жертвы на виду у всего мира. Да если бы в кровавую жертву приносились животные, а то ведь приносятся человеческие жертвы. И ведь тех же людей приносят в жертву, которые считаются родными сынами своей стра-

ны. Как когда-то приносили евреи и язычники своих детей в жертву молоху (языческому божеству - прим. ред.). И мир языком своего ученого класса, этой рати князя мира сего, кричит о высоте культуры, прогрессе и прочих современных достижениях... О, если бы Господь дал мне слезы ветхозаветного пророка Иеремии, чтобы я мог оплакать свою погибающую Родину!..

22.02.37 г.

Завтра - сырный понедельник. Мысли улетают далеко - далеко в прошлое. Начато приготовление к Великому посту, этой духовной пучине воздержания и покаяния. Бывало, в эти дни чувствуешь какое-то особое душевное состояние... Теперь же все как-то застыло, как будто отрафировалось, какой-то паралич поразил духовную сторону человека. Бывало, каждый день слышишь звук пробуждающейся души... Чего стоил звон колокола? Колокол будил спящую душу и как бы окрылял своим звуком, уносил в надзвездную высоту, к небу... Теперь нет будильника, и души наши спят.

16.04.37 г. Великий четверток.

В этот день, день великих страстей Господних, совершилось событие, которое до основания потрясло христианскую верующую душу. В этот день наш православный храм кладбищенский, единственный на весь город, передается обновленцам. Этот случай не единственный в нашей стране, и слух наш уже привык к таким известиям. Но так как этот удар был слишком близок к нам, то его не только услышал наш слух, но почувствовало и сердце...

Здесь много надо было бы сказать кое о чем, чтобы ясно осветить совершившийся факт для уразумения подобных явлений, предшествующих этому акту. Основная цель современной руководящей власти - отрицание Бога и борьба против всего того, что напоминает о Боге. Так как Церковь Христова есть установление Божественное, которое содержит в себе идею Божества, то, понятно, она является большой горошиной в глазах слепого безбожия, а поэтому ее стараются всеми силами вынуть совсем или дать ей такую приправу, которая бы не резала так глаза своюю

внешностью. Ведь всем мало-мальски известно, что посредством внешних предметов человек наполняет свое внутреннее содержание как физически, так и психически. Когда человек не видит чего или не слышит, внутреннее его состояние бывает спокойно. Когда же увидит или услышит, то должен обязательно так или иначе воспринять и своим внутренним существом. Церковь или, вернее, храм, в который собирается общество верующих, составляющих собою церковь, слишком большая горошина для богоборцев - безбожников в их слепых глазах. А потому они всеми силами стараются ее изгладить, изъять из своего зрения. И не так им режет зрение само здание храма, как тот символ - крест, которым храм украшается.

Я сам лично слышал от одного видного деятеля безбожия и коммунизма фразу, сказанную в присутствии приличного общества: не с церковью мы боремся, а с тем, что в церкви. Доказательством этому служат многие храмы, еще существующие, но лишенные своего украшения - главы креста.

Для чего правительству отбирать храмы у так называемых "Тихоновцев" и отдавать их обновленцам? Этот вопрос заслуживает очень большого внимания, большого психологического рассуждения и религиозного анализа. Обновленчество, выродившееся из чрева живизма, есть самый верный авангард безбожия. Этую миссию взяли на себя те же апостолы, которые должны знать тайное местопребывание Христа, заключившееся в Его святом учении - Евангелии, чтобы не кого иного продавать, а именно Христа, Его учение. Иуда [был] между апостолами до последнего момента: он был так же близок ко Христу, как и прочие апостолы. Следовательно, и обновленцы мало отличаются от истинных священников, и должны быть участниками вечери Господней, чтобы исполнилось непреложимое слово Господа Иисуса Христа: "И никто от них не погибет, токмо сын погибельный". Да будет Твоя, Господи, воля!

12.05. 37 г.

Был в Борисоглебской церкви в Борисоглебской деревне. Видел, что кресты сняты с колокольни и с храма. Видел, что кресты сняты с колокольни и с храма. Видел, что кресты сняты с колокольни и с храма. Видел, что кресты сняты с колокольни и с храма.

ГЛАВА 4 В ДЕСЯТИДНЕВНЫЙ СРОК ВЫЕХАТЬ ИЗ ЖИТОМИРА...

1938 г., месяц февраль.

Описывая свое возвращение из высылки с Севера в 1934 – 35 гг., я в конце своего описания, между прочим, сказал: думается мне, что это еще не конец моим испытаниям. Сказанное точно исполняется.

1938 г., месяц февраль.

Мне предложили явиться в милицию с документами. Прихожу, предъявляю паспорт, и мне говорят, чтобы в десятидневный срок я обязательно выехал из Житомира. Куда ехать? Где искать приюта? Но решение бесповоротное. Надо собираться. Как раз наступила сырная неделя. И вот 22 февраля 1938 года, в воскресенье - прощальный день, когда, по обычаю наших православных предков, у нас в России совершается прощание друг с другом, собрались и ко мне в квартиру мои духовные дети. В храме не было службы, чтобы попрощаться со мной. Прощание это было особенное: мы прощаались не на один только пост, а прощались навсегда, по случаю моего выезда из Житомира. Прощание было торжественно-скорбное. Сердце каждого присутствующего было наполнено слезами скорби. После молебна для путешествующих, который я сам служил, стали по очереди подходить ко мне мои гости со слезами и земными поклонами. много надо было иметь силы воли, чтобы не выдать слабости и не разрыдаться.

После прощания, по моей просьбе, спели Пасхальные ирмосы. Затем я сказал краткое слово наставления и утешения и отпустил дорогих мне, любящих и любимых людей... До самой могилы этот момент ярким сохранится в моей памяти... О, Боже, Боже! Не остави нас, сирых и беззащитных. Выслан я из насиженного места - 30 лет прожил в Житомире. Куда ехать, где искать пристанища? На первых порах знакомые снабдили меня рекомендательными письмами к своим знакомым и родным в г. Ромны Полтавской губернии. Чужд был я всякой политической мысли, и вдруг оказываюсь жертвой политики.

7.03. нового стиля.

В понедельник выехал я в г. Ромны, как мне посоветовали. В Ромны приехал в 10 часов утра. Мокро, грязно. Сдавши чемодан на хранение, пошел в город по указанному адресу. Оказалась полная неудача. Прекрасные люди, с любовью приняли, но навсегда оставаться нельзя... Переночевал у доброй хозяйки. Напоила чайком с вечера, побеседовали, поплакали, и я уехал из Ромен в Чернигов во вторник в 2 часа ночи.

В Чернигов приехал в 8 часов вечера в среду. [Весь день] в четверг был в Чернигове. Дождь, слякоть весь день. Сдавши вещи на хранение, пошел в город. О, Чернигов! Вся история древности припомнилась. Было 8 часов утра, пришел на площадь, все пусто, тихо, не похоже на город. Увидел недалеко храм - как не зайти. Подхожу ближе, вижу, храм еще закрыт, а дождь моросит все чаще и чаще. Узнал, что недалеко от храма живет священник. Подхожу, звоню - выходит молодая особа. Говорю, кто я, и прошу, чтобы обогреться. Смерила меня глазами и сказала: "Нельзя, батюшка нездоров..." Потом узнаю, что там живет епископ - обновленец, - который и служит в том же храме. Все делается к лучшему. Нечего было делать в Чернигове. После узнал, что в городе нет ни одной Православной церкви. Возвратился на вокзал, и тут встретился со знакомым священником, о. Феодором Формазюком. Он мне описал все подробности Черниговской жизни. Ясно стало, что для меня здесь места нет.

По совету о. Феодора я решил ехать в город Лубны Полтавской губернии. Выехал в четверг, в 5 часов вечера. В Лубны приехал ночью. В пятницу утром, сдавши вещи на хранение, пошел в город искать приюта. Назвали мне фамилию одного священника, думаю, может быть, посредством его что найду. Пришлось долго путаться по окраине города, ведь весна, грязь непролазная... Ходил, ходил, наконец нашел. Но, о горе! Священник - старичек моих лет - живет со своей матушкой больной в условиях жутких. Не то, что рассчитывать можно на его помощь в поисках квартиры, он сам испугался моего посещения. А матушка так громко начала высказывать свой ропот и недовольство жизнью, что я осмелился только спросить, нет ли кипяточку. К моему счастью, моя просьба оказалась исполнена, и я выпил стакан чаю, а то был пост насто-

ящий. Угостил и я хозяев своими постными коржичками и, поблагодаривши, вышел, чтобы не приводить в совершенный страх хозяина.

Иду обратно в город, а мысли абсолютно остановились, совершенно ничего не думаю, как будет. Подхожу уже почти к центру, встречаю женщин, едущих с базара, спрашиваю: где бы я мог найти квартиру. Говорю, кто я такой - священника же не всякий примет. Женщины начали о чем-то совещаться, и потом одна из них обращается ко мне и говорит: "Я бы приняла Вас, да не знаю, что муж скажет". Я ее попросил, чтобы она меня познакомила с мужем. Она согласилась, и когда мы пришли к ним, то, после небольшого объяснения с хозяином, я остался у них на квартире. Вероятно, судил Господь мне жить в Лубнах. Квартира оказалась очень бедная - под стать своим хозяевам. Хозяин, Александр Платонович Малик, совершенно без ног. Обе ноги ампутированы до колен. Хозяйка тоже бедная и страдающая малярией. Но эти бедные люди относились ко мне очень благородно...

Сегодня пятница, неделя, как я в Лубнах. На дворе во всей силе завывает ветер, и наш домик это чувствует. Он стоит на самом верху верхнего вала - так и место называется - Верхний Вал. За эти дни выхожу в город только на почту, да купить каких продуктов для питания. Все мысли заняты молитвой, да и о своей бедной одинокой старушке, и о своих близких друзьях. На днях с нетерпением жду письма из дома.

Вчера и сегодня болею гриппом - большая головная боль и недомогание всего организма. В город ходить - очень грязно. Тяжело и грустно, потому что нет храма... Сижу перед окном, и перед глазами видна далекая даль - на десятки верст. Написал стихотворение "Созерцание". На реке Суле вот-вот пойдет лед.

18.03, пятница.

Вечером, наконец, получил из дома коротенькое письмо - боялись писать, не поняли хорошо моего адреса. Послал домой письмо.

19.03, суббота.

Получил письмо от Сони Каррик (20) из Курска. Письмо

очень милое и очень меня обрадовало. Соня ищет для меня уголок в Курске, хотя и там такая же атмосфера. О, Боже! Призри на мое смиренение.

В субботу отслужил панихиду и помолился за своих родителей и всех тех, кто вверил мне свои грамотки.

20.03, воскресение.

В квартире очень холодно. Грипп мучит, голова как свинцовая. С большим трудом помолился и прочитал акафист Иисусу Сладчайшему. На предложение хозяйки идти в город, отказался. Боже, как скучно без храма, да еще в такие дни! Хотя солнце ярко светит, на дворе дует ветер и наводит непонятное уныние... Когда-то мы тяготились божественной службой, и все старались ее сокращать по своему произволу. А теперь Господь Правосудный сам сократил ее для нас... Слава, Господи, праведному Суду Твоему! Вот вам и одиночество среди людей!.. В былое время не верилось бы этому, а сейчас приходится испытывать самому. День прошел однообразно. Евангелие и Псалтирь - вот мое чтение.

21.03, понедельник.

Встал раньше обычного времени. После утренней молитвы ходил с хозяйкой в город. Послал две открытки - в Житомир и в Курск. В чайной выпил два стакана чаю - здесь чай всегда бывает. Физическое и душевное состояние - удовлетворительно. Грипп проходит, голова тоже в порядке. Настроение бодрое и отрадное, вся мысль в покорности Господу. Все повторяю стихотворение из поэмы "Гефсиманская ночь". Часа в два получил от своей старушки письмо, которое отрадно приподняло душевное настроение. Письмо было не одно, а с приложением других: от Славы и Раисы с Толей.

Письма были самого милого содержания. Не умею, окаянный, благодарить Господа Бога за Его ко мне милость.

Пускай весь мир возненавидит
Меня за Господа Христа,
Я буду рад, меня он этим не обидит,
Ведь я носитель есть Креста.

1

22.03, вторник.

Прекрасное утро. Сегодня, по-старому 9 марта, память святых сорока мучеников. Был морозец. Солнышко во всей своей красоте и ясности. Настоящий весенний день. Ходил в город на почту, сдал письмо в Минск и открытку маме. День проходит скучно и однообразно. Читать не имею что, кроме Евангелия и Псалтыри.

23.03, среда.

Сегодня ходил на базар и сдал письмо Наталии Ивановне (21). Бедный Лубенский базар. Картофель и капуста, капуста и картофель, словом, все то же, что и в Житомире. День проходит слишком однообразно. Написал сегодня письмо Василию Кондратовичу. Сам все же не ожидаю писем. Вспоминаю Андрея Фаддеевича. Жаль, очень жаль. Когда лес предназначен к порубке, то, хотя и видишь еще стоящие деревья, все же знай, что они или сегодня, или завтра обязательно должны будут упасть. Аналогично и в нашей жизни и смерти, о чем человеку не мешало бы чаще помышлять.

Когда я мысль свою глубоко
Во внутрь души препровождаю,
Тогда совсем не так далеко
Господь со мной, я это знаю.
Господь от тех лишь так далек
И ими он совсем не виден,
Кто слишком мыслию высок
И самомнением обилен.

24.03, четверг.

Утром очень холодно. Препровождение дня обычное. После 12 часов ходил в очередь по керосин. Очередь - это есть первое уравнение гражданское. В какой бы город кто не приехал, даже совсем ему незнакомый, он совершенно будет обрадован, когда станет в очередь. Эта картина для него самая знакомая - родная. Простоял часов около четырех, продрог до костей.

25.03, пятница.

Ходил с хозяйкой на базар, купил картофеля, огурцов и хлеба. Беру всегда черный, по 45 коп. Сегодня видел удивительную

картину, как-то: чистокровная собака породы лягавых - просит пропитания. На углу площади, где обыкновенно отдыхают люди, городские и сельские, остановила меня хозяйка, чтобы посидел и подождал ее. Сел я со своей корзинкой, и рядом со мной сидела дама, прилично одетая, и писала открытку. Вдруг подбегает пес - внушительного роста и садится напротив дамы. Минуты две - три проходят во взаимном молчании - дама его не замечает - занята. Вдруг пес поднимает лапу и начинает даму трогать. Та посмотрела на него и говорит: "У меня ничего нет, иди..." Пес через полминуты опять трогает ее лапой, и так до тех пор, пока дама все-таки не дала ему кусочек хлеба. От дамы собака обошла ряд сидящих, и опять перед кем-то то же самое проделала, и тоже получила кусочек хлеба. Но ни ко мне, ни к другим она не подходила и не просила, она, видно, обращалась только к знакомым. А нам приходиться обращаться ко всем, без разбору...

*Какой удел подчас нас постигает,
Что просто трудно, трудно и понять:
Разумный человек, как будто смысл теряет,
И смысл утерянный не может он поднять.
Умом своим безмерно он кичится
И равных для себя уж не находит он,
В неведомую даль безумно мчится,
С желаньем изменить естественный закон.*

26.03, суббота.

Вчера вечером помолился за всех покойников. Сегодня утром сделал то же. Днем ходил в город, купил хлеба себе и хозяевам. Из города пришел, застал письмо - прислали свое и Славино: конечно, настроение хорошее. Хозяйка лежит, ее мучит малярия. Это для нас с хозяином большое лишение. Сегодня послал открытку М.К. Малаховой.

27.03, воскресение.

Утром прочитал акафист Иисусу сладчайшему и канон Животворящему Кресту. Весь день никуда не ходил, размышлял больше о себе. Началась неделя крестопоклонная.

28.03, понедельник.

Сегодня первый день работал у соседа, копал огород. Заработал 3 рубля, и кормили день. Начало труда. Если будет работа, буду работать, пока Господь даст силы.

29.03, вторник.

Из-за ужасного холодного ветра никуда не ходил. Написал письмо Соне и Адаму. В комнате становится опять холодно. Холодный ветер, это для нас ужасный бич, в комнате бывает невыносимо холодно.

30.03, среда.

Сегодня день святого Алексея, Человека Божия. Именины нашего среднего сына. В город ходил, сдал письма и купил угля.

31.03, четверг.

Все дни проходят однообразно.

1.04, пятница.

Сегодня, после прихода из города, получил сразу три письма. Настроение приподнятое. Как Господь ко мне милостив! Скорблю, что не пришлось помолиться за умерших так, как хотелось. Перед вечером написал письмо Славе.

2.04, суббота.

Сдал письмо Славе. Ходил по керосин, но не получил.

3.04, воскресение.

Был в очереди за газетой. Написал домой открытку. Какая скорбь без храма. День прошел грустно и однообразно. Читаю Евангелие от Иоанна.

4.04, понедельник.

Сегодня приглашали на работу, но отказался. Цена дневная 6 - 7 рублей, и кормят. А мне платят три рубля. Ясная цель, чтобы меня использовать. Буду работать там, где будет видна бедность.

5.04, вторник.

Погода ужасная, ветер подобен буре и снег. Холодно и не-приветливо. А ведь сегодня по старому стилю 23.03, но что-то по погоде не похоже. Еще такого марта не помню - очень холодный. Получил из дома письмо, не особенно утешительное. Осложняется моя поездка домой, хотя я ко всему приготовлен. Современные люди - подобны мартовской погоде, непостоянны. Завтра - канун Благовещения, следовательно, сегодня вечером читается канон Андрея Критского, кладутся поклоны...

6.04, среда.

Ходил в город и простоял почти целый день в очередях, купил только масла и угля. Благодатная наступала жизнь. Получил письмо от свахи.

7.04, четверг.

Праздник Благовещения. Грустно прошел этот когда-то радостный день. Целый день не находил места. Вот оно, то приближение страшного последнего дня Христова...

Все шире, шире распахнулись
У князя адского врата,
Как море, люди всколыхнулись...
В душах их видна пустота...

8.04, пятница.

Сегодня начал копать огород у своих хозяев, но все еще холодно. Завтра похвала Богородицы.

9.04, суббота.

Послал письмо тете Наде. Утром прочитал акафист Богородице с каноном. Вспомнил прошлый год. В кладбищенском храме служил архиерей Филарет, и я в последний раз управлял хором. Очень торжественно спели "Взбранной воеводе победительная" Азеева. А теперь все как бы умерло и кануло в вечность.

Замолкли колоколов звуки,
Будящие души людей,

И привычные сторожа руки
Не откроют у храма дверей.
Храм разрушен, раскопан
Алтарь приношений,
Даниила сбылися слова.
И у святости мерзость.
Не стало молений.
Все поглотила кощунства волна.

10.04, воскресение.

Обычное однообразие. Утром читаю канон с акафистом Иисусу Сладчайшему неотменно. Получил сразу три письма из дома, от тети Нади и Раи. Настроение очень приподнятое.

11.04, понедельник.

Целый день копал огород у соседей. Платят 4 рубля и корымят. Завтра надо опять идти. Вечером отнес письмо домой. Весь день дул ужасный северо-западный холодный ветер. За время копания нельзя было постоять одной минуты - такой был холод. Прошел месяц март, и не было не одного теплого дня.

12.04, вторник.

Ночью сорвалась страшная буря со снегом. Утром настоящий холод. В квартире нашей - северный полюс. Всю свою одежду ношу на себе и не могу согреться. Хозяин с хозяйкой с печи не слазят, просят и меня тоже... Солнце на полуденной высоте, а снег лежит и не тает. Утром, пока принес воды, промерз, как зимой. Вот темные разгулялись! Ходил в город, купил хлеба, без этого еще холодней может быть.

13.04, среда.

День прошел с некоторыми развлечениями. Ходил в город с возиком - по найму, привозил ящики. Дорогой встретил одного батюшку о. Сергея Мильницкого (22), который пробыл у меня целый день допоздна. Мало что узнал я о Житомирской жизни. День серый с дождем.

14.04, четверг.

Утро совершенно теплое. Можно сказать, первый весенний день. Днем занимался очисткою хозяйствского огорода от всякого мусора, подготавливая его к копанью.

15.04, пятница.

Начал копать в хозяйствском огороде. Вечером чувствовал большую усталость и недомогание. Под конец дня было почему-то очень грустно.

16.04, суббота.

Лазарева. День копал огород у одних интересных стариков. Кормили и дали 4 рубля. Получил письмо от мамы, просит привезти. Вечером ходил часа полтора возле дома, и мысли витали в далеком прошлом.

17.04, Вербное Воскресение.

Лишь только мысленно могу я себе представить, что вербная неделя прошла.

Понедельник, вторник, среда - все эти дни работал в огороде хозяев. Получил много тревожных писем из дома; предполагаемая моя поездка домой, по всему видно, не состоится. Получил от мамы телеграмму, чтобы ожидать посылку.

20.04, Пятница страстная.

Получил открытку, которой мне извещают, что посылку кто-то привезет. Но кто? предположения без конца. Непонятное нервное ожидание.

Великая суббота.

Вечером иду на вокзал.

8/21.05, суббота.

Апостола Иоанна Богослова. За этот промежуток времени ничего не писал. Много, много пережито. Посылку, ожидаемую к Пасхе, привезла сама мама. Пробыла только один день, а вечером я ее проводил на вокзал... Сказывается мое немощное есте-

ство. Все как бы из рук вываливается. Господи, помоги и укрепи... Жаль Николая З. Стариk больной, кому он сделал зло? И кому это нужно? Только верующий человек может ответить на эти вопросы.

Прошел месяц май. Вот уже и июнь, по-новому, минул.

2.07.

За это время - никаких записей не сделал. Немного жалею, а вообще, вероятно, так надо. Труды мои на огороде видны. Все хорошо, только дождя нет. В середине июля прошел только один раз дождь. Можно опасаться за некоторые овощи: огурцы, помидоры и проч., которые слабые и боятся жары. Из дома пишут, что там частые дожди выпадают, а здесь так сухо. По обычаю получаю письма от родных и близких. Очень нежные письма получаю от своей дочери и сыновей. Это и услаждает горечь настоящей моей жизни.

23.07, суббота.

Получил очень печальное уведомление из дома. Супруга моя, будучи больная, подвергается изгнанию. Господи, укрепи! Господи, помоги!!!

*Сижу под окном на чужой стороне
В неприглядной холодной квартире,
А вдали предо мной - лишь лачужки одне,
Поразбросаны вдоль по долине.
Солнце ярко светлеет с небесных высот,
Теплотою нас всех согревает;
А с меня на душе словно кровь кто сосет!
Вот-вот сердце сейчас зарыдает.
И зачем эта грусть теребит всей душой,
Словно червь нас, людей, заедает,
Но когда же придет к нам желанный покой, -
Ведь его вся земля ожидает...*

15.03 38 г., город Лубны.

ГЛАВА 5 ВОСПОМИНАНИЯ ОБ АРЕСТЕ (1931 г.)

4/17 марта 1931 года.

На третьей неделе святого Великого Поста пришло время и мне выполнить свой гражданский долг, как верноподданного советской республики. В этот день я был арестован (23). Арест в то время был так обычен, что подробности и писать, казалось бы, не стоит. Но для общей наглядной картины прошлого не лишним считаю кое о чем упомянуть. В этом году как раз зима была суровая. Снега выпало породично. Жили мы со своей супругой на Дубенской улице, довольно глуховатом месте. И вот, в ночь на 17 марта, во втором часу ночи раздается вдруг сильный стук в ставню до трех раз. От стука мы, конечно, моментально пробудились, но свет не зажигали. В то время много было случайных нападений. Выхожу я в сени, спрашиваю: "Кто?" Он отвечает: "Милиция." Я говорю, что ночью никому не открываю, а милиция может и днем прийти. На мои ответы послышалось требование открыть, а то будут ломать дверь. Что ж, ломайте, говорю, это ясно покажет, кто стучит.

Так продолжалось с полчаса или больше, и я все-таки не хотел открыть, пока не привели они соседа, тоже священнослужителя, жившего в другой половине дома. Он подтвердил, что это сотрудники милиции, и я, конечно, открыл. Когда они вошли в комнату, то сейчас же ясно для нас стало, какие пожаловали гости. Моя матушка так и осталась на кровати. Вошедших было трое: два сотрудника ГПУ и секундант - милиционер. Конечно, сейчас же начался обыск и продолжался часов до пяти утра. Все бумаги и тетрадки, писанные моей рукой, были забраны. По окончании обыска пригласили меня пожаловать с ними. Во время обыска никаких грубостей и насилия не было учинено, только милиционер очень упрашивал жену не беспокоиться, наготовить обед, к которому я возвращусь обязательно.

Биржевой извозчик стоял подле дверей квартиры. Сотрудники сели рядом, как господа, а я с кучером - на облучке, изображая как бы фалетера, но я был в рясе. Приехали на Николаевскую. Ввели меня в комендатуру, сделали обыск самый тщательный,

сняли с меня нательный крест - золотой - с вежливым замечанием: "Когда будете идти обратно, то возвратим" (24). После обыска приказали мне идти вперед, а за мной шел конвойный и командовал: направо, налево, по сторонам не смотреть. И ввели меня в здание, называемое "общественное охранение", т.е. ГПУ. Когда же я вошел в коридор здания, то возле пред назначенной мне камеры еще раз сделали самый тщательный обыск, и затем уже раздался железный визг дверного засова, отворилась подвальная дверь, и я оказался в комнате.

Мое самочувствие за этот промежуток времени менялось несколько раз: то какое-то волнение, то какое-то щемящее ощущение сердца... Но мысли были сосредоточены к Высшему Промыслу. И как только вступил в камеру и увидел людей себе подобных, сейчас же совершенно успокоился. Много оказалось знакомых, даже близких. Начались спросы - расспросы, знакомства. И в этот момент родилась мысль: "Вероятно я поступил в приготовительный класс высшего учреждения". Сейчас, много лет спустя, мне кажется, моя мысль меня не обманула.

И вот началась жизнь новая, совершенно не похожая на ту, среди которой прожил более 60 лет. Первый день жизни в камере нечем отметить. Всеказалось каким-то кошмарным сном, и все хотелось как бы проснуться, но сознание указывало на действительное и реальное ощущение, а не сон. При своей исключительной склонности к наблюдениям, первый день занимался я тем, что прислушивался к разговору моих новых сожителей, к ихзамечаниям, предположениям, словом, приблизительно познакомился с их внутренней жизнью. И вот, когда около часа ночи (конечно, я не мог спать) услышал я громко произносимую свою фамилию: "Серов, к допросу!", то я уже ждал этого момента. Но только не знал, какое он произведет на меня впечатление, и, скажу искренне, очень смущился... Смущение и сердечное волнение продолжалось около часу.

Допрос был обставлен со всеми тонкостями инквизиторской и политической мудрости. Ночь. Вокруг - тишина. Разговора с вами - никакого. Сзади вас - конвойный во всем вооружении. При всяком повороте коридора вас встречает часовой, у которого винтовка наготове. Никаких посторонних слов, вы не знаете, куда

вас ведут при такой таинственности. Этот момент первого допроса очень дорого стоит для того, кто [оказался] объектом следствия. Ведь я прекрасно знал, что являюсь политическим преступником советской власти, а это было очень серьезно: это был вопрос жизни и смерти, даже независимо от вашей жизни и вашего отношения к советской власти... И еще раз повторю, что момент этот стоит не одного года жизни.

Вот вводят вас в комнату, убранную по всем традициям подобных учреждений: стол покрыт красным сукном, по стенкам висят портреты великих людей, два - три стула, на столе, в стороне, - листы белой бумаги, тут же и карандаш, чернила, ручки... Вооруженный часовой приводит вас в комнату, указывает вам место, где стать, и за вашей спиной по-военному проделывает военные приемы ружьем и громко ставит его на пол - на караул... Наступает тишина, и вы отчетливо слышите биение вашего сердца.

Так проходит несколько минут, и вдруг сбоку отворяются двери, и выходит с важною осанкою, ни на кого не смотря, в полном молчании, следователь... Медленно поправляет за столом свое кресло, медленно садится, ленивым взглядом награждает подсудимого, медленно начинает рассматривать лежащие на столе бумаги, и этот шелест бумаг среди гробовой тишины производит какое-то угнетающее впечатление. Когда следователь совершил все эти следовательские, вероятно, навсегда установленные манипуляции, вдруг обращается к часовому, командует, конечно, тихо: "Вольно!" Часовой делает салют ружьем и уходит...

Остаемся вдвоем в комнате. В это время следователь вынимает револьвер из кобуры и ложит на стол. Проходит еще минут десять, в течение которых следователь рассматривает бегло бумаги, время от времени бросает на подсудимого испытующие взгляды. Потом, когда все пересмотревши, бумаги отодвигает в сторону, отбрасывает себя на спинку кресла, принимая удобное положение, и обращается к подсудимому: "Садитесь!" (До этого времени подсудимый должен чинно стоять). И начинает допрос...

Содержание допроса, его подробности писать нет надобности. Это, сказал бы я, сплошная галиматья, в которой я не нашел ни смысла, ни логичности. Но цель верная - чтобы помучить подсудимого. Допросы иногда продолжались по нескольку часов, при-

чем задавались самые бессмысленные вопросы. Это я говорю в отношении себя. Надо мной было произведено одиннадцать допросов (25): семь в камере ГПУ и четыре - в камере тюрьмы. Во время допросов с подсудимыми проделываются всякие операции, о которых рассказывают сами подсудимые. Лично надо мной никаких насилий не было, кроме непристойных выражений, на которые советские следователи не склоняются, что вполне доказывает их культурность.

В камере ГПУ я просидел недели три, и тут впервые только узнал, как может обезличиваться человек. В этой же камере я встречал и Великий день Св. Пасхи 1931 года. Что можно сказать об этом Великом дне, проведенном в заключении. По моему наблюдению, мне казалось, что среди участников едва ли кто думал об этом празднике, но это, по-моему, объяснить просто. Публика, со мной сидящая, были все люди военные, несомненно уже давно отказавшиеся от всяких религиозных традиций. В этом я убеждался из их разговоров и рассуждений. Вот и пришлось мне одному встречать этот Великий день. Как встречать? О, трудно это выразить на бумаге... Ведь я прекрасно знал, что наступила страстная седмица, следовательно, такие дни, которые особенно отмечаются и порядком службы в храме и отношением каждого верующего к самому себе, к пище - словом, все делается для того, чтобы настроить свои мысли и сердце на должную высоту, соответствующую значению дней, напоминающих о великих событиях. Под предлогом нездоровья я отказался от пищи, какую нам давали, и пользовался больше кипятком. Передачу из дома в эти дни присыпали очень скромную, а что касается своего поведения, то я по большей части предавался молчанию, а мой вид и звание сами собою отделяли от меня моих соседей, кроме, разве, тех служащих, когда я делился с ними своей передачей. Пятницу и субботу позволил себе прихворнуть, конечно не сильно, чтобы не вызывать врача - и тем оградить себя от всяких обращений с соседями. В субботу, под Великий день всю ночь провел без сна, отдаваясь молитвенному сосредоточению. На душе была большая - большая тяжесть. Временами мысли как бы совершенно умирали, оставался без мыслей.

Наступил Великий день. Утром стали все пробуждаться,

обычная суета, но никто из присутствующих не вспомнил, КАКОЙ сегодня день: или не хотелось, или боялись. Но мне казалось, что многие совсем о нем не думали; они о нем, об этом дне позабыли. Часов в одиннадцать вдруг получаю я передачу, скромную, но Пасхальную: яички крашеные и пасха и еще кое-что. Только хотел было, по обычай, поделиться передачею со своими соузниками, вдруг открывается дверь и раздается голос конвоира: "Серов, собирайся с вещами! Конечно, тут уже некогда медлить, надо все забирать скоро, чтобы не услышать неприятного оклика, а это бывает в порядке вещей в данное время, особенно это популярно при тюрьмах. Ведь с заключенными не церемонятся, да и конвоиры ГПУ были народ исключительный по своему необузданному нраву. Конечно, вещей у меня не было много, но я был тяжело одет: теплая ряса, а из вещей - одеяло и подушка только. Но вот, как на грех, передачу надо было взять, как существенный предмет. Торопливо собравшись, выхожу в коридор, а там уже стоит масса народа: оказывается, нас переводят в допр - тюрьму.

В этом году Пасха была 30 марта, а потому, когда мы вышли на улицу, то вид был совершенно не пасхальный. Кругом лежал еще снег, дорога мостовая была перемешана с грязным снегом и водой. Идти было очень неудобно и тяжело. Я был в теплой рясе, вдобавок еще и вещи - баул большой, а тут еще и передачу получил. При нашем шествии городская публика останавливалась и, по обыкновению, рассматривала арестованных. Нам строжайший был приказ: ни с кем не разговаривать, не смотреть по сторонам. В данном случае приказ мало меня беспокоил, и я сам не имел желания вступать в разговор с кем-нибудь, да и смотреть по сторонам не было желания. Несомненно, что многие из проходящей публики меня видели, но я, как будто не видел никого. И только когда стали поворачивать с Киевской улицы к тюрьме, я увидел своего прихожанина Феодора Созонова, который смотрел на меня и плакал.

Подойдя к тюрьме, слышим команду: стой, не шевелись!.. В таком положении пробыли минут двадцать, пока не отворились железные ворота, и мы рядами, как гладиаторы в колизей, вошли в тюремный двор. Тут уже не так строго смотрели за нами, и между нами послышались тихие переговоры. Но вот тут началась ка-

кая-то сортировка, и нас по партиям отводили к разным отдельным корпусам. Когда нас стало меньше в партии, то уже можно было разглядеть и узнать знакомых, и я, между прочим, увидел мою духовную dochь, а теперь соузницу, Соню Каррик. Она меня еще раньше заметила. Когда я ее увидел, то в моей груди что-то как бы загорелось, и сердце наполнилось какою-то непонятною радостью. Я не выдержал и полугромко крикнул: "Сонечка, Христос Воскресе!" Она, как серна, сорвалась с места, подбежала ко мне с ответом: "Воистину воскресе!" и обняла мою шею со слезами и со словами: "Батюшка, как Ваше здоровье?.." Но тут же сейчас явилась корпорация, нас ввели в здание тюрьмы, и мы с Соней расстались. Это была наша последняя с ней встреча.

Когда мы вступили в коридор здания, то тут же началась перекличка и размещение по камерам. После я узнал, что мы, как политические подсудимые, помещены в так называемый железный корпус. Когда назвали мою фамилию, то меня повели в камеру 37. Трудно дать отчет о своем состоянии в тот момент. Помню, стал я перед дверью, стою и жду, когда она отворится. Через несколько минут подходит дежурный со связкой ключей, спрашивает, как фамилия? Говорю... Вкладывает ключ в замок... Не приятный взгл отворившейся двери, и меня вталкивают в камеру.

Было уже совсем темно, но в камере под сводом потолка горела маленькая лампочка. Когда я переступил порог камеры и вошел к ее обитателям, моим будущим соузникам, то мое первое им было: "Христос Воскресе!" И получил самый дружный и громкий ответ: "Воистину воскресе!.."

Началась опять новая жизнь. Немного упомяну об обстановке и хочу обрисовать поподробнее тюрьму при главном ГПУ г. Житомира. Временные, так называемые пересыльные, камеры: небольшие подвальные комнаты, в которых иногда бывает по 25 и более человек, а когда и меньше. Здесь нар нет, вместо них скамейки, на которых спят. А так как заключенных бывает больше, то остальные располагаются просто на полу. В одном углу в этой же комнате помещается уборная, называемая "параша", она остается и днем и ночью. В камере ГПУ порядок такой: утром в 8 часов всех выводят на двор оправиться и в 4 часа вечера для естественной надобности, оправиться. На это полагается время пять

минут. Точно такой же порядок и в допре - тюрьме. Слово "допр" в расшифровке означает: дом принудительных работ, а ГПУ означает: государственное политическое управление. Железный корпус, куда меня поместили, специально предназначен для политических, а в дореволюционное время в нем помещались уголовные преступники, и каждая камера предназначалась для одного, называлось это одиночным заключением.

Вот в такую-то камеру поместили и меня, но не одного, а в ней в это время помещалось сколько можно - от одного до 15 и 17 и больше. Оно и понятно, что вся тюрьма была рассчитана в мирное время на 600 или 800 человек, не больше. А в момент революции она вынуждена была вмещать семь и больше тысяч. Можно себе представить, какая теснота была в камерах. Находясь в одиночных камерах, мы считались еще подследственными, т. е. о нас производилось следствие, насколько кто в чем виновен. Время от времени нас вызывали к следователю для допроса.

Считаю особенно нужным отметить процесс допроса. Меня в течение месяца вызывали одиннадцать раз. К допросу принято было обычно вызывать ночью, часов в двенадцать - час. Обстановка этого акта в высшей степени таинственно наводящая как бы страх и неприятные ощущения. Когда я сидел в ГПУ, за две недели меня вызывали пять раз, а когда перевели в тюрьму, то здесь вызывали еще шесть раз. Когда допросы прекратились, я был подвергнут изоляции, т. е. меня лишили прогулки, передачи, и я не имел права выходить из камеры. Изоляция продолжалась полтора месяца. Это было первое испытание репрессии, ко мне проявленной.

В этот момент в камере, где я помещался, со мной сидели еще два молодых парня. Они были не Житомирские, без родных и ни от кого передачи не получали, а пользовались подкреплением от моих передач. Но когда меня лишили передачи, то и они, бедные, тоже лишились подкрепления. Кто был знаком с изоляцией, то может знать ее результат. В тюрьме пробыть полтора месяца без белья и без посторонних продуктов - испытание большое... Борьба с голодом, борьба с насекомыми - дело трудное.

Хочу отметить один или два случая, произошедших со мною во время изоляции. О моей изоляции моментально узнали сосед-

ние камеры; сейчас же пошли в ход секретные тайные тюремные телефонные аппараты. Верхняя над нами камера вдруг вызывает одного из моих сожителей, чтобы узнать точность. Вечером того же дня повторяется вызов, сопровождаемый передачей питательных продуктов - хлеба, коржиков, копченой рыбы и проч. с проводительской запиской от коллектива. Вообразить можно, какая радость! Получивши передачу на мое имя от неизвестного мне коллектива, я не хотел остаться неблагодарным и решил поблагодарить, не упоминая имен. Но, о моя неосторожность! Я забыл, что не на свободе, и все мои действия контролируются. Я взял себе лоскутик бумаги и начал писать...

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

... На этом дневник батюшки обрывается. Господь знает о том, сколько испытаний пришлось еще перенести о. Иоанну, чуткому, отзывчивому и все принимающему так близко к сердцу. Он скончался в Житомире, в 1959 году, на 84 году жизни. Жена его, Евпраксия, немногим пережила своего супруга и умерла в 1964 году. Они похоронены рядом, на Русском кладбище в городе Житомире, в двадцати шагах на северо-восток от алтаря столь любимой о. Иоанном церкви, освященной в честь апостола Иакова, брата Господня. Над могилой их установлено скульптурное изображение Спасителя, простирающего руки и как бы обнимающего горизонт. Внизу, у ног Спасителя, на черной мраморной плите золотом выгравировано по-церковнославянски:

“Приидите ко мне, все труждающиеся и обремененные, и я упокою вы”.

Отдельные страницы оригинала дневника И. А. Серова

это не омываетъ своего срока, а то въсе бывъе съмъ
но иль не въмѣщъю токумътъ въ дары, оставши въ
Барахъ тѣлъ пристраꙗ въздушъ котороъ съмъ
иуздѣни, а главы тѣлъ пристраꙗ снаружи
бѣгнущи въсю Каменію.

В зинории си Дороги, възни си искрѣ, спраги
майко и Дикою говържалъ ико, какъ ёхъ мочинашъ
на Дороги искрѣ, съмъ-десетъ ико възно.

Что, мало языка... Тамо погорел, котоюкое пад-
ше под присевшими, и то присевши, как бы сидя
наружной стороны, каки ноги и кисти держущие
тво. Ты же не сочувствуя тщущим наружною же-
ло в сбоях отваженное сознание будь барана:
убийца бобра разгневаною костью будь баран
неда и солнышку... А будь ты мой торжественном
члену, наезд-тии неровностей борца вытурниши
мопонеминавшиеся, без будущего ибо ище не настало наил,
преди твои изгризлы тщущим котоюкое, котоюкое суть,
кака с исподи пурпурин изгризлы мопонеминавшиеся
в занесенные сю в саде на берега брови...

У нас у нас не видят... Но то бывает не то у нас
а видят забытые нами оружиями и боевыми сна-
ряжениями... А это и здорово, что спасли от архива

“...вдали от жилья, среди тайги и дикого северного леса... осталась мы вдвоем” (8/21 октября 1933 года, река Шогла).

ничто не смыслил, но мои гоньбы, спасавшие с моими
последними усилами кудато далека, далека в свою род
ные края и своим дорогам и своим сердцем.

Кто мог бы отгадать настроение и состояние мои
дущие в такой момент?.. Кто, Сибирь! Наши Годы в
Сибири небывало, смили собой, выговариваят мои члены..
В боязниах на земле Великой... И смиряется Душа
моей тревога, смили с благородной пылью ветров
и пружиной в какой то окончаний величине, и сам пре-
вращается как бы в ничто, оставаясь без меня, без же-
лии, в один только напоминание спрятавшему пур-
пурный улей мой...

Мой беспомощный состоялся, был когда то гаевским
бесчленом. Был священником в г. Сибирске - Констан-
тина Григорьевича Гаврилов. По смерти своей штурмушки, с
которой прожил блгие, прими молчанием с именем
Константина. Был членом сократарем ученых видных
исследователей. По пению и музыке училишь многочленного
Сибирского, был около 30 лет наставником Мадовской
Купеческой Сибирской усадьбы, в данной момент совер-
шилъ благочестий, и что будет с ним когда падет
единиц?.. Всёное внутреннее содрогается!..

"И смиряется души моей тревога"
(8/21 октября 1933 года, река Шогла).

Прип. наставников Берегии, освещение - маленькая колес-
ница, Птичина мертвала.. Бтарец покусал члены
мои, миши опалихи-Карпогорки и опалихосыши не-
жит.. На Дворе погода отрада-серая, на воде дождь чист-
ый, но что-то похоже-то несущее, и как-то склоняющее голову
на... Исклучаю отмеченные устами в родном кра-
е родных и близких.. Вот если бы в эту тишину послал
было перенести недавно прошлое: Братскую службу бра-
тьев и участников в братской службе... Но нет, тогда бы был
бы на Дворе такого покоя на земле как сейчас.

Как приятно испытывать - там сладостное сча-
стие!.. Но ведь я перенесла это счастье иск-
вединения еще неумело, будучи мало-грамотной и
нечисты, а что можно сказать о тех великих
учениках церкви Григориевы, о тех страстотерпцах
Духа, для которых единение было их стихией?
Вот они-то, Св. Серафим, Верни, Антоний и Пр. Тихон
Сибирские ученики!.. Вот и я они германцы буду-
щую мудрость, которой могли изгнать от них дам-
башние люди мира: Чары, Кидул и Байре, и другие
знатные люди... Творец и Нескончимые руки
Господь Иисус Христос, и Он пред собою в
бесконечную пред наставниками. Всё это подвиги про-

"Уединение" (8/21 октября 1933 года, река Шогла).

что бы это не пропало. Всегда ум спасал сыновей
наших каров к гусеницам-стражам порок и несчастья
был русского народа. Тихий вор и тихий убийца
и подобны киевским дьяволам, всегда могут охле-
боянину навинчено.

10/10 Господь никого не рече честной воле,
никто и самому приготовленъ, если Господь дастъ
всемъ внуки на родину. О, родина свободы, како
же честной и честный и говорить ежеминутно....

Сущность желания истинного распространяется счи-
тий свободы. Просимъ то же честное, чтобы генерации
и поколения и поколения свободы, говорили, только
на разные языки. Вспомнилось разнообразное рож-
дение поколений, предположимъ. Для представлений вспоми-
нишь о свободе, упоминаяшь всемогущий сред-
ства для достижения этого? Для абсурда, для доказуемой?

Почему о свободе в мистическом мире расходились
на несколько путей; например отрывистый разрыв между
свободой и свободой, и не было конца всемогущим раз-
рушениям о свободе. Ты и твой и твой бывший,
которые совершили отрицание существование
свободы. Если поставлены вопрос о свободе консерва-
тизм и отвлечь на него то же, то здоровый

"О, родина, свобода, — как о ней хочется мечтать
и говорить ежеминутно" (10/23 октября 1933 года, река Шогла).

разрывок, который былъ соединенъ в высшем разумѣ
и который только отвѣтитъ: Родина-человека надежда в добре
и который свободы быть не можетъ, если онъ теряетъ ее
чувствомъ, или испытываетъ пассивно, т.е. используетъ ее
для удовлетворенія своего тела, или для удовлетворенія
своего желания. Противъ всего, человека не свободенъ
силой, самая главная и самая крепкая сила выра-
батывающая человеческую свободу. Вторая чисть свободы
по добровольно проявлену и тоже неуловима! — болезнь
всехъ мы будемъ добиваться свободы для отвѣтственныхъ
внушающихъ величественную человеческую сущность та-
кой свободы, величию, свободы, совести свободы желания и
такъ чисты-таки звезды. Другой важный вопросъ здеш-
ий, т.е. можемъ ли лучше в широкомъ масштабѣ устано-
вить само человечество сущность свободы, что можно
справедливъ египетъ? Изъ это она состоитъ? Какъ про-
звѣтъся, или можно противостоять? Всё свободы также
эти и иные, и желания, и совесть существующей в ход-
яще человеческе, она с ними живетъ и меняется; но если
же люди куда-то уходятъ, где-то исчезаютъ? Где же
вольно? Возбраняется и бирючий испугъ.
Но повторяю, лучше будетъ следуя природѣ, не
зрѣть. 20/10, состоялась всенародная

"...знает ли само человечество сущность свободы?"
(10/23 октября 1933 года, река Шогла).

щением ставил перед вратарским складом, например, пластины или глины, или бедро, и другое вдруг, поди
мается, забывает келейника и говорит: батюшке о чём
многая лета! И поет гам... Так было в время Он сущ
ним гостя в Клавдиевской браме, а мне пришло управление
пением. В то время богослужился еп. Вячеслав небольшой
обращал внимание ^{на себя} на молящихся в браме своих благоговей
и богослужением. Журавля ехала без торопливости, бы
говор лений и приятная физика. Проповеди его были очень
удачны: краткими пением, просты и иногда очень краски.
Такое его отношение к службе подкупило меня, и я стал
относиться к нему с большим доверием [таланту и краскам
изумлялся, что пишу это за своего христианского епископа
и то доволен, довольно это, но люди сажи виноваты]. Тогда
которые должны были быть знатными и привлекали
других в сокровища веры, сами лишились веры и
потому потеряли к себе доверие. Так вот, говорю, я стал
питать к нему большого доверия и относился к с искренним
уважением. Я видел в нем и действительного Епископа, ко
торым и должен был он быть. Радиоудио оторг, как можно
без келейного ухода, зато и северный паспорт — а не обиды,
которым управление общих и которые паспорт так в mode.
Многие современные пастыри, не управляют лично самим

"Я стал питать к нему (Епископу Вячеславу) большое доверие"
(1935 год, Житомир).

бес паспорта, а если когда управление своим обижает, он
того ради они подбрасывают свидетельства противника... Ради паспорта
и все этого наступают; или все разрешают, то есть сплошной
и извращенный и все прощается. Ближайший Вячеслав не был лицензирован
им, он не избирается в епископа, не назначал никаких приглашений
и потому многим не угодил. Где же христиане! Раньше при
этом, богослужили пасхальное богослужение, которое должно было из салона
на Гог. 17/22 Наше! Христоединение только по имени, и между ними
никакое отождествление не было так, чтобы они исповедали; тогда обра
щалось, папа, патриарх, евреи и др. еврейские, они требуют от него
единодушно; и православные, будущими святыми, требуют как
также пасхальное пасхальное богослужение. Всё это было в христианском
центре, что в таком виде идет и уничтожено! Быть, прославлено, канонизировано
один другим... Тогда там эта единодуховность проходит,
один изъединяет и другой, приводит свою в христианскую ве
рование, некто запрещает нам Пасху, пред Кафаром приводит
один город и другим! ит! 18/135. Это время пришло когда
хотят не пасх, а субботу праздновать за это время канонизацию.
Которые заслуживающим особого внимания. Ближайший Вячеслав
перевели в г. Сумы Кафар. Но это приводит богослужение в хри
стианство только народов в пустыни. Видите Вячеслава изгнан
и арестован из приватной Киевской Епархии. Что можно сказать
о новом Епископе? До неизвестных забытых дне членов

"Епископ Вячеслав не был лицеприятен ... а потому многим не угодил"
(1935 год, Житомир).

дёссы, эти претендуют на старательную работу и присутствующий как-бы парализуеть тоистом....
Насколько дол всегда умнается при свете. При слабом свете и худые предметы можно принять за добрые. Добросовестный человек не испытывает никакого вида свое дело при свете. Злодей делает свое дело во мраке скрываясь от света, но милотого, он ненавидит и тех, кто является собой светом, т.е. добрые дела; ненавидит потому, что добродетельный человек своим обращением и отношением и фразами, как светом различает от злого человека, и естественно от него начинают стараться все подиции света-добродетели. Видя это злое члены распадают ся в злостное и злодое на все доброе и это называется, зевкой. А потому, большее горе стихает в стране когда в главе правления станет злой человек. От начала существования человека на земле история человека отмечена особенно, что человек, неприменимый величие существа Бога, и как-бы противившийся этому, добродетельный быть не может.
Красной птицей подчеркнута наша совращенность, страна, управляемая злодьями безбожными, абсолютного же толкается душою изгнанной в бессмертный сонце.
У нас, когда-то бывшей благословенной страной, теперь, злодей, поставлена как идол, и ей принесли кровавые жертвы на лицо всего мира. Да если бы жертвы были кровавые живые.

“... большое горе бывает стране, когда во главе правления станет злой человек” (1936 год, Житомир).

ел, а то маловато, и метафорой присоединяется к жертве, второе склоняется перед теми сущими своей страны, как когда-то присоединяли евреи и язычники своих детей в жертву идолу. Там, Языком своего узкого класса, этой рати, ищущей мира или мирской безопасности культуры, прогресс и пр. современных добродетелей. Господь Господь даите слезы, Вам, изгнавшего пророка, Герильи, чтобы я мог описать свою покидающую родину.

22/II/37г. Завтра сырный понедельник. Мысли дремлют даже в прошлом. Наглое притопление Н. Вешенку под руководством духовной пурпуре поддерживалось и показано. Бывало в эти дни чувствующий на себе то особое духовное состояние... Теперь же не как-то заслышал, как будто астрономировалось, каким-то парящим поразил духовную сторону человека. Бывало как-то заслышал звук пробуждающей руши... Кто-то звонил колокола. Колокол будил священную душу и, как-бы скривляя ее своим звуком, проникал в наизвадную высоту к небу... Теперь нет будильника будущими нашими этапами.

16/IV/37г. Великий четверг. В этот день, день великих страстих Христовых, совершилось крестение, которое доказывает потерю христианскую Европающую душу. В этот день нам проводят крестный ход клаудиенский, единственный на весь город, передающий обновленца. Это служит ли единственный в нашей стране и служит нам утверждением и таким ударом, но так как этот

“Теперь нет будильника, и души наши спят”
(1937 год, Житомир).

здесь был слишком бледой и блеклой, то не только это заслуживало нашу любуху, но подкуповало и сердце.

Здесь много надо было бы сказать кое-что, чтобы яснее ослепить совершившийся акт, что уразуметь подобных явлений предшествующих этому явлению.

Основная цель, современной руководящей власти, отрицание Бога и борьба против всего того, что напоминает собой Бога. Так как церковь Христова есть устами обещанное до нас в Риме, которое содержит в себе идее доминиума, то поганство она является единой порочиной в глазах пленного буржуазии, а потому её старательно всякие силы выступают с её стороны, чтобы дать ей пакую приправу, которая бы не раздала так же своё пакунство. Всё в ней, начиная с самых грамотных известий, это посредством вносящих прелестей, людей напоминает о своём внутреннем содержании, как прилических так и нелических. Когда человек не видит его, и не воспитан, ему пренесено не вспоминать бывшей спокойности; но когда он это увидит или услышит, то лучше обрадаться не такими иначе воспринятими своим внутренним существом. Церковь, или верней храм, который собирается общество верующих христиан, состоит из собою церкви, слишком большая порочина для буржуазии-безбожников в их слоных глазах, а потому они всеми силами стараются ее изгнать, изгнать из своего зрения.

“Основная цель современной руководящей власти – отрицание Бога и борьба против всего того, что напоминает собой о Боге”
(1937 год, Житомир).

Чтобы им решить грехи само здание храма, или тем свинорем, которым украшается здание храма.

Я сам лично слышал от этого видного франклина Ф.Джонса и замужнику, скаженную им сразу в присутствии премьерского советника: не с церковью мы боремся, а с теми кто на церкви. Родоначальником тому служат имена храмов еще существующие, но лишённые своего украшения, Ильин, Покров.

Наконец целью правительства отбирая храмы, так называемые Тихоновцев, отдавать их обновленцам? Этот вопрос делает явившимся очень большим впечатлением, большую психологическую разницу и религиозную опаску. Обновленчество, выродив исход из греха тишины, есть самый верный авантюрист буржуазии. Он же не будет на себя теме апостолом, которое до конца имеет только несподобившегося Христа, запечатленное в Евангелии-Благословии, чтобы никому этого не говорить, а иначе Христа. Это узаконение. Где были между апостолами до последней момента; он тоже был бледок до Христа как и про апостолов бедоватство и обновленческое фальшиво иконостасом, то есть ими же священников, и учили были учащимися бояри Гомонией, чтобы запечатлеть непропонимаемого Господа Иисуса Христа: „и никто от них погиб, потому что погиб не им... Да будет имя Господне!“ 12/437.

“[Зачем нужно правительству], отбирая храмы у так называемых “Тихоновцев”, отдавать их обновленцам?”
(1937 год, Житомир).

Протоиерей Иоанн Андреевич Серов (1875-1959).

102

И. А Серов с семьей.

103

C. Konyuki

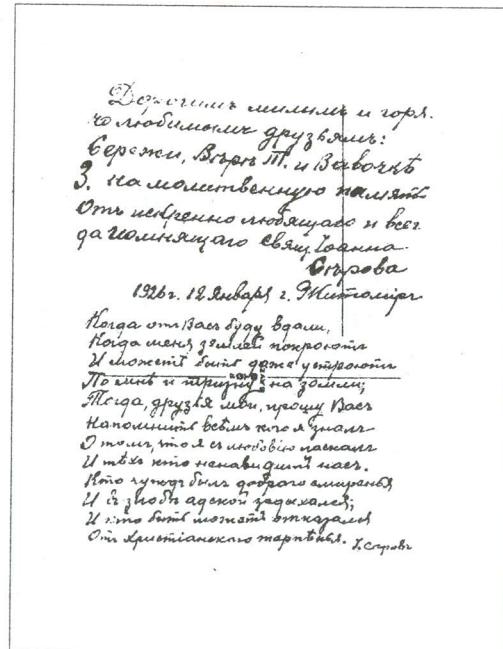
С. КОНЫУКИ
ХІТOMІВ

Протоиерей И. А. Серов.
Фотография была подарена о. Иоанном семье Зыковых 12 января 1926 г.

Обратная сторона фото с дарственной надписью и стихотворением.

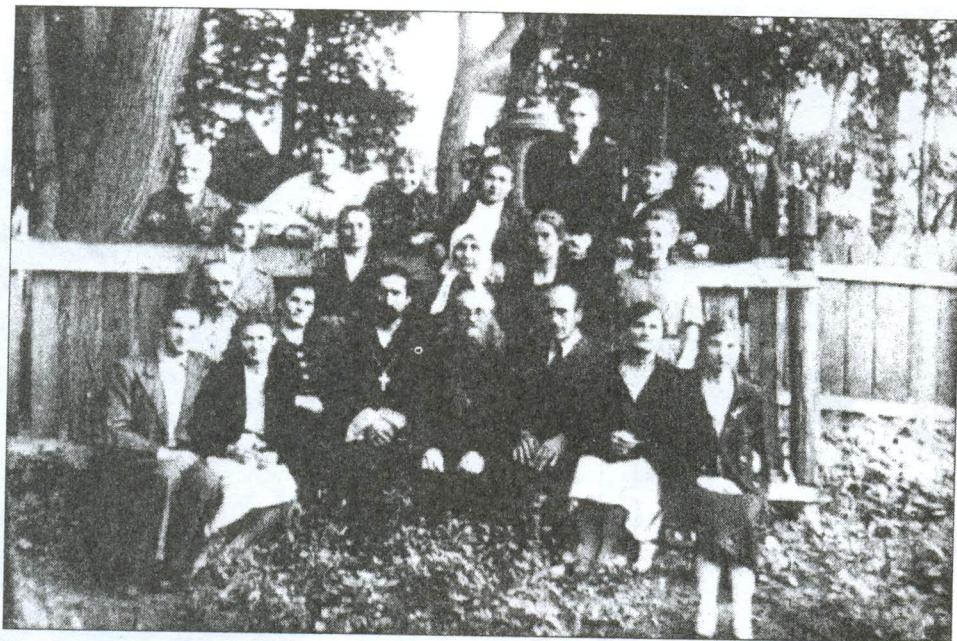
В дарственной надписи упомянуты: Сережа – Сергей Александрович Зыков, бывший штабс-капитан 5-й артиллерийской бригады до 1914 г., проходил военную службу в Житомире. Осужден Особым совещанием при коллегии ГПУ УССР 22 октября 1930 г. и выслан из Житомира на 3 года на Север; Вера Т. – Вера Тимофеевна Зыкова, урожденная Ляшкова, член Свято-Николаевского братства, пела в церковном хоре; Вавочка – Вера Глебовна Малевич, дочь Зыковой от первого брака. Малевич Глеб Михайлович погиб в 1919 г. при артобстреле города.

Архиепископ Евмений в своем рабочем кабинете.

О. Иоанн (второй слева) с близкими .

Протоиерей Иоанн Серов (в центре) с церковным причтом и хором Свято-Иаковской церкви
(Русское кладбище) г. Житомира (1942-43 гг.).

На фото: нижний ряд (на переднем плане) – Василий Теслюкович, Нина Стратюк-Чернухина; слева-направо – Иоанн Свербило, Анна Теслюкович, иерей Феодот Теслюкович, прот. Иоанн Серов, протодиакон Павел Фещенко, Любовь Крючковская, Агафия Бабкина.
Средний ряд: двое неизвестных, монахиня Олимпиада (Степанова), неизв. хористка, Кира (фамилия не установлена).
Верхний ряд: неизвестный, Юрий Громов, Тамара Балыкина, Галина Стратюк, Борис Громов, двое неизв. детей.

Фотограф Николай Щедров

Епископ Вл.-Волынский Фаддей (Успенский) (впоследствии священномученик Фаддей, архиепископ Тверской) с курсистками ежегодных курсов для учителей церковно-приходских школ Волынской епархии.

Фото из архивно-следственного
дела И. А. Серова.

Карта мест ссылки И.А. Серова
(пунктиром показан путь, пройденный пешком).

Архиепископ Евмений во время службы в царской армии .

Архимандрит Спиридон (в схиме Дионисий).

Преображенский собор в Житомире до и после строительства.

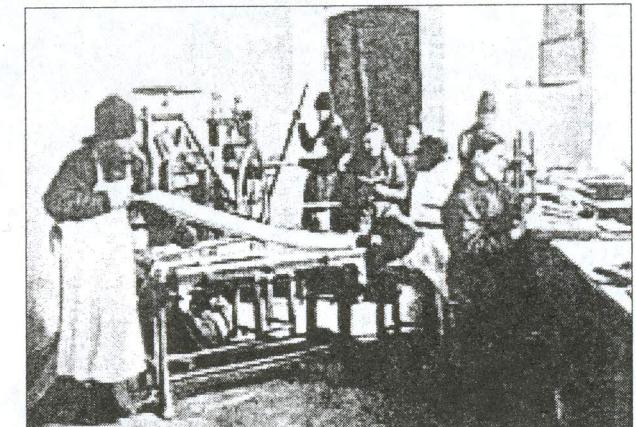

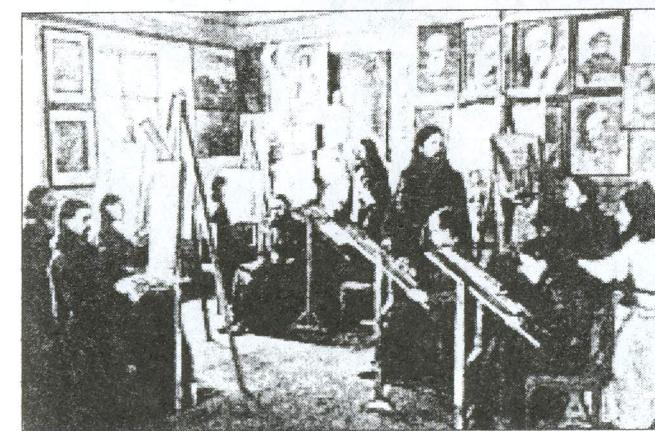
Копия Чудотворной иконы
Рождества Пресвятой Богородицы “Пустынно-Глинской”

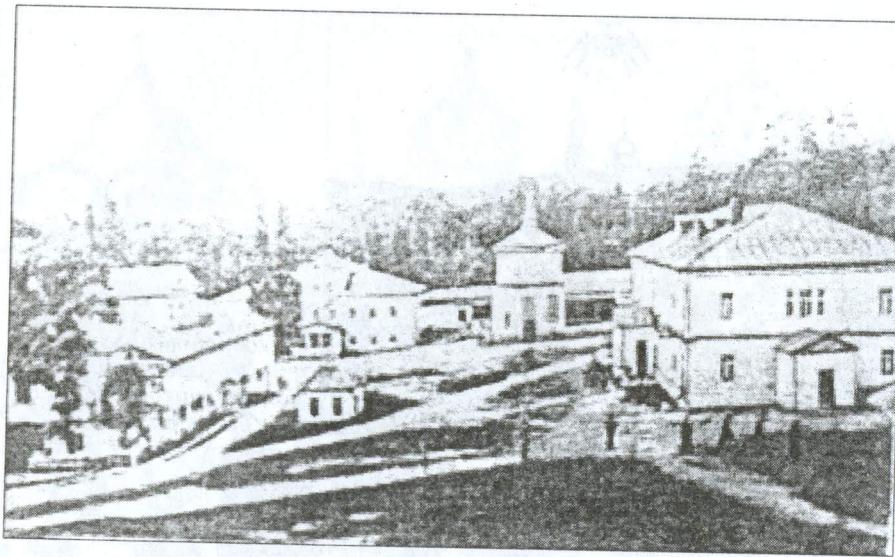
Общий вид Глинской
Рождество-
Богородицкой пустыни.
(Гравюра XIX в.).

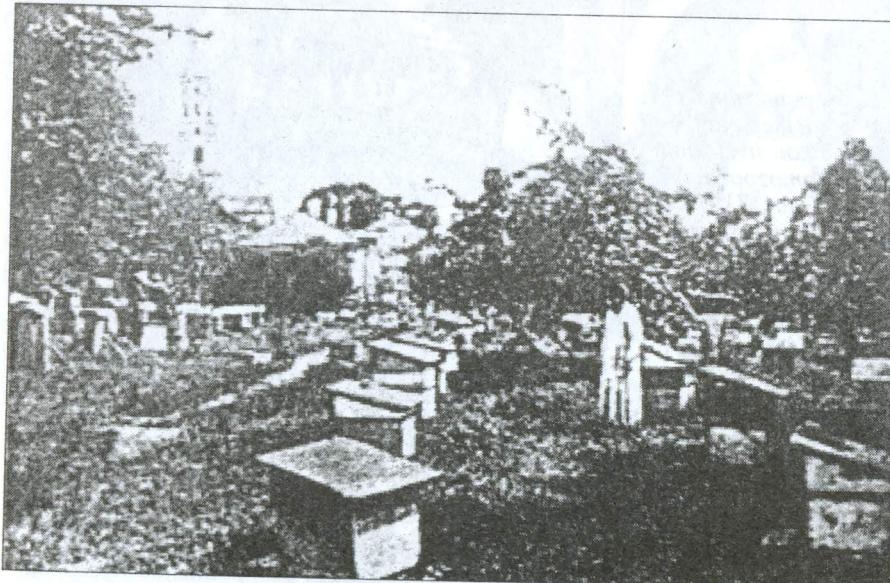
Переплетная
мастерская
Глинской пустыни.
(Фотография
начала XIX в.).

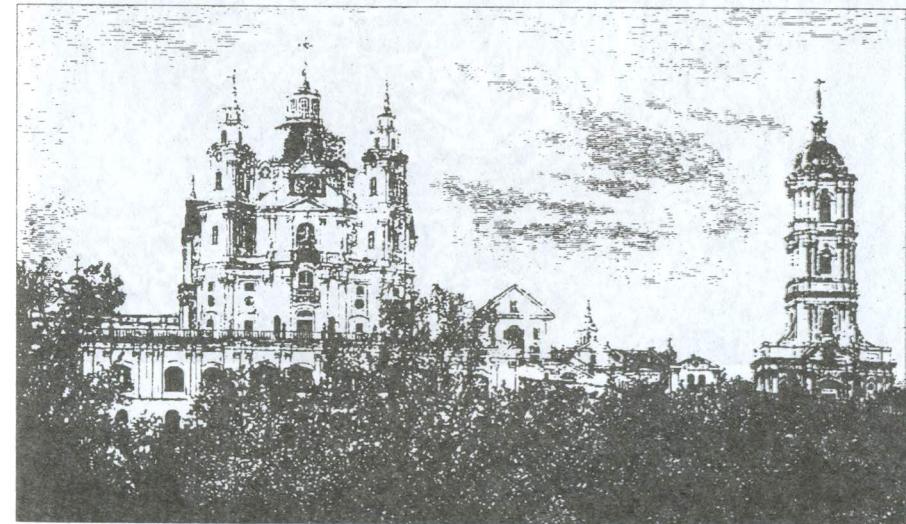
Живописная
мастерская
Глинской пустыни.
(Фотография
начала XX в.).

Двор монастырской гостиницы Глинской пустыни.
(Фотография начала XX в.).

Пасека Глинской пустыни. (Фотография начала XX в.).

Почаевская Лавра. (Виды с восточной (вверху) и южной (внизу) сторон).

Почаевская икона Божией Матери.

Снимок с изображения Почаевской стопы.

Могила протоиерея Иоанна Андреевича Серова
и его супруги Евпраксии Павловны в Житомире на Русском кладбище.

118

Вид со стороны алтаря.

119

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Архимандрит Спиридон (в миру Кирилл Николаевич Лукич, в схиме Дионисий) родился 30 июня 1908 года в Киеве, в дворянской семье, где издавна были сильны православные традиции. Отец его был генералом. В доме была хорошая библиотека - духовные книги, и светская литературная классика. С самого раннего возраста мальчик Кирилл много читал, и, очевидно, писания святых отцов начали привлекать его все более и более, так как, едва окончив третий класс гимназии, он поступил в Киевскую Свято-Троицкую Ионинскую общежительную пустынь послушником - эта обитель находилась здесь же, в Киеве. Это произошло Великим постом в 1921 году.

Стройный черноволосый отрок с великой радостью надел подрясник и с этих пор никогда ни на единый миг не усомнился в правильности своего пути. Господь даровал ему много талантов: он пел, имел музыкальный слух, способности к живописи. В Ионинской обители была иконописная школа, где он и стал учиться писать иконы. Вместе с тем он нес послушание на клиросе. Еще талант - великолепная память. Богослужебные тексты, песнопения - все помнил он, и в дальнейшем стал одним из редких знатоков православного богослужения - к нему всю его жизнь обращались в трудных и спорных случаях священники и архиереи со всех концов страны.

В 1926 году он перешел в Киево-Печерскую Лавру и там 17 июня 1929 года с настоятелем Лавры, архимандритом Ермогеном, был пострижен в монашество с именем Спиридон. В 1930 году его рукоположили во иеродиакона, а в апреле 1934-го - во иеромонаха. После захвата Лавры обновленцами он ушел в городскую церковь Святой Ольги и потом, снова и снова уходя от наступающих обновленцев, в Богоявленский собор, затем в Николаевскую церковь на Аскольдовой могиле.

В августе 1937 года иеромонах Спиридон был незаконно арестован и провел десять нечеловеческих трудных лет в Вятлаге. Эти годы сильно подорвали его здоровье, но духовно еще более укрепили. В декабре 1947 года он вернулся в Киев, получил отказ властей в прописке и отправился в Житомирскую епархию настоятелем Михайло - Архангельской церкви в селе Крыловка. В мае 1956 года иеромонах Спиридон был возведен в сан игумена, а в марте 1961 года - архимандрита. Были трудные для церкви "хрущевские" времена. Батюшку, не отличавшегося крепостью здоровья, переводили с места на место - в Чернигов, Тверь, Пензу...

Когда, наконец, в июне 1988 года была вновь открыта Киево-Печерская Лавра, наместник ее, архимандрит Ионафан, хотел все в ней устроить по-прежнему, благолепно и чинно. И тут нельзя было обойтись без архимандрита Спиридона, единственного в своем роде знатока лаврских традиций и служб. За всем обраща-

лись к нему. Он же с 1970 года жил на покое в Житомире в своем небольшом домике. Наместник Лавры призывал батюшку в духовники лаврской братии, но тот долго не соглашался, так как не верил советской власти, говорил, что как открыли Лавру, так и закроют, когда захотят... Однако, с начала 1990 года он - духовник Лавры, приезжает туда и подолгу живет, особенно в дни постов или праздников. Его любили и к нему стремились не только лаврские насельники, у него было огромное количество духовных чад. Он был строг, но милостив и даже ласков...

В время предсмертной болезни о. Спиридон был пострижен в схиму с именем Дионисий. День его смерти - 2 сентября 1991 года - отозвался глубокой скорбью во многих сердцах (по статье протоиерея Владимира Чувикина в Православном журнале "Глаголы жизни", № 2, 1992 г.).

Архиепископ Евмений (Евгений Николаевич Хорольский) был правящим архипастырем в Житомире с 1961 по 1967 г. Скончался в 1967 году. Похоронен в церкви на Русском кладбище под северо-восточной частью алтаря.

2. "Духовной школой или институтом я назвал монастырскую общежительную пустынь". Речь идет о Глинской пустыни. Рождества Божией Матери Глинская Пустынь - мужской монастырь, расположенный в с. Сосновке Глуховского р-на. северо-западнее Сум (94 км), юго-восточнее Глухова (12 км). В первой пол. XVI в. на одной из сосен стоявшего здесь дремучего леса явилась икона Божией Матери, к которой стали приходить миряне и иноки. Один пустынножитель поселился здесь и построил часовню. Желая перенести туда святыню, настоятель одного из близлежащих монастырей дважды снимал образ с сосны, но последний чудесно возвращался на прежнее место. Не уразумев воли Божией, настоятель велел спилить сосну, но в тот же день заболел и вскоре преставился. Матерь Божия не лишила притекавших сюда людей благодатной помощи, и когда слух о многих исцелениях по молитве перед иконой достиг Путивльского Молченского монастыря, некоторые тамошние иноки поселились около святыни. Их привлекал сюда еще и уединенный лесной массив, столь удобный для монашеских подвигов. Документально пустынь известна с 1648 г. Ее название, по одной гипотезе, связано с князьями Глинскими - владельцами соседних земель и благотворителями обители, а по другой - с якобы добывавшими здесь глину горшечниками. Особенно прославило обитель процветавшее в ней старчество, благодаря которому здесь воспитался целый сонм выдающихся подвижников, удостоенных дарований Святого Духа, в том числе прозорливости и исцелений. Устав пустыни полностью или частично заимствовали не менее 14 русских монастырей. Своей жизнью глинские старцы оказывали огромное влияние на все общество. Многочисленные паломники со всех концов Российской империи, а потом СССР, устремлялись к ним. Многие воспитанники пустыни за высоту духовной жизни избирались на начальственные должности в другие монастыри для утверждения там истинно монашеского жития. Из среды глинских иноков вышли и известные миссионеры. Высота нравственной жизни в Глинской пустыни изумляла современников. Старцы святой жизни, имевшие дары Святого Духа, жили в обители уже в кон. XVIII в. Начало особого подъема и расцвета духовной жизни в

пустыни связано с настоятельством игумена Филарета (преставился в 1841 г.), введшего здесь строгий общежительный устав по чиноположению Афона. Как великого подвижника о. Филарета знала вся Российская империя, чтили иерархи. Под его руководством в Глинскую пустынь многие старцы (в т.ч. Преп. Серафим Саровский) направляли желающих иночества. Переходили в пустынь и опытные подвижники. Велико было духовное единение Глинской пустыни с Оптиной. Старцы обеих обителей вступали в духовно-молитвенное общение, посещали друг друга, вели переписку, имели общих духовных чад. Преобразования о. Филарета положили начало систематической благотворительности монастыря, которая стала здесь непреложным законом. Обитель содержала несколько странноприимниц и больницу, Дом Трудолюбия для обучения ремеслам и грамоте крестьянских детей-сирот, щедро жертвовала на нужды народного образования. С 1891 г. монастырь издавал духовно-нравственную литературу, в 1908 г. открыл миссионерский кружок Св. Иоанна Богослова для борьбы с сектантством. В 1922 г. пустынь была закрыта. На этот момент здесь были храмы: престольный с колокольней (каменный, конца XVIII в., неоднократно перестраивался), Иверской иконы Божией Матери над Св. вратами (каменный, 1826-1831 гг.), Успенский (теплый каменный, 1843-1848 гг.), Кресто-воздвиженский в больнице (1896 г., в здании 1874-1877 гг.). Все кроме последнего были уничтожены в 1922-1927 гг. В 1942 г. обитель возродилась, ее духовные традиции были восстановлены. Ядро братии составляли жившие здесь до 1922 г. иноски. Посредством старческого окормления они воспитывали новое поколение подвижников. В 1961 г. пустынь была повторно закрыта, на что ее старцы сказали: "В обитель не все люди могли приехать по немощи, из-за далекого расстояния, недостатка денег. Богу угодно было, чтобы мы разъехались по всей стране, чтобы глинские иноски были для всех маяками духовной жизни". В 1994 г. монастырь возродился. Решением Священного Синода УПЦ от 12 сентября 1996 г. обители, ввиду ее особого исторического значения, дана Ставропигия. Добраться до обители: ст. "Глухов" (10 км на северо-запад), "Заруцкий" (ок. 9 км на север), пос. "Колюжный" (7 км на юго-запад, линия Глухов-Баничи). (Из книги В. Дятлова "Монастыри Украинской Православной Церкви", К.: 1997).

"Издавна пустынь славилась строгостью истинно подвижнического устава, высотой духовной жизни своих насельников, особой силой религиозно-нравственного воздействия на народ, для которого она всегда была идеалом христианского богослужения и местом духовного подвига. Это отмечали многие иерархи Русской Православной церкви, считая Глинскую пустынь "истинной школой монашеского делания, школой Христовой". В общежитии строго соблюдали устав, составленный по образу Афонского" (Схиархимандрит Иоанн (Маслов) Глинская пустынь, М.: 1992, с. 50). С октября 1888 г. по 1912 г. управлял обителюю настоятель Глинской пустыни игумен Исаия, впоследствии архимандрит Иоанникий, в миру Иоанн Гомолко.

3. "... меня послали в одну из этих экономий...". Экономия располагалась в Екатеринославской губернии.

4. "Но скоро меня опять послали в другое место, в город Путивль, уезд, к которому приписана эта обитель, Курской епархии." В настоящее время г. Путивль - районный центр Сумской обл. Украины.

5. "извещение о смерти моей матери..." Мать И.А. Серова умерла в 1899 г.

6. Площанская пустынь отстояла от Севска на 50 верст и принадлежала Курской епархии.

7. В 20 верстах от уездного города Кременца при местечке Почаев на высокой каменистой горе величественно возвышается святая обитель, известная под названием Почаевской Лавры и славящаяся среди всего Православного мира чудотворною иконою Божией Матери и святою стопою от ноги Богородицы (см. фотографии Почаевской Лавры). Успения Божией Матери Почаевская Лавра - мужской монастырь, расположенный в г. Почаев Кременецкого р-на (инд. 283290), ул. Воссоединения, 8, (03546) 6-12-44 (наместник), 6-12-18 (привратня). Севернее Тернополя (50), юго-западнее Кременца (18). Согласно польской рукописи "Монастырь-Скит", хранившейся в Лавре с 1732 г. на рубеже XII-XIII вв. недалеко от нынешней обители Преп. Мефодий (преставился в 1228 г.), греческий монах с Афона, основал по указанию свыше монастырь (теперь здесь лаврский Свято-Духовский скит). Узнав о подвигах Преподобного, к его ученикам присоединились и киевские иноски. На лаврской же горе подвижники обосновались, как сообщала документально упоминаемая под 1661 г. и не дошедшая до нас книга "Памятник монастыря Почаевского", в 1240 г. Считается, что тогда здесь могли поселиться иноски, оставшиеся в живых при монгольском разгроме Киева: почаевская земля была значительно удалена от павшего города и Орды, входила в состав более сильного Галицкого княжества и располагалась вблизи Кременца, который двинувшиеся из Киева на запад монголы взять не смогли. Книга "Гора Почаевская" (1772 г.), основанная на материалах более раннего произведения, повествует, что в том же 1240 г. на лаврской горе явилась в огненном столпе Божия Матерь и оставила там след Своей стопы, чему свидетелями стали здешние отшельники. В книге известного православного духовного писателя Иоанникия Галятовского "Небо новое с новыми звездами" (Львов, 1665 г.) это событие датируется 1261 г. и говорится, что из следа Стопы Божией Матери проторгся целебный источник. В грамоте польского короля Августа II 1700 г. Почаевский монастырь именуется древним, чудотворным и стоящим в Православии с незапамятных времен. Название "Почаев" происходит, по одной версии, от принесенного киевскими иносками имени р. Почайны, в которой Св. князь Владимир крестил в 988 г. киевлян, а по другой - от сократившегося в разговорной украинской речи выражения "Поча (по рус.: "стала") Дева творит чудеса". Документально известный с 1450 г. Почаев чтился с древности. Под 1527 г. в письменных источниках упоминаются здешние ярмарки, собирающие людей в Успение Божией Матери. Под 1557 г. в документах говорится, что ярмарки эти проводятся "издревле", а на нынешней лаврской (Почаевской) горе давно существует каменная Успен-

ская церковь. В 1559 г. в имении жившей неподалеку помещицы Анны Гойской по настойчивой просьбе хозяйки останавливался ехавший в Москву греческий митрополит Неофит. В благодарность за глубокое гостеприимство он оставил Гойской древнюю икону Божией Матери, которую вез с собой. Спустя 30 лет от образа стал исходить чудесный свет. Слепорожденный брат Гойской Филипп, приложившись к святыне, прозрел. Тогда, собрав православное духовенство и мирян, Гой-ская с крестным ходом и пением перенесла икону в Почаев, устроила в 1597 г. для рассеянных там по пещерам и лесам иноков общежительный монастырь при вышеуказанной Успенской церкви и снабдила последний всем необходимым.

Первым документально известным игуменом этой обители стал бежавший сюда в 1604 г. от мирской славы Преп. Иов (преставился в 1651 г.) - знаменитый к тому времени на Волыни подвижник, которого почаевская братия единодушно избрала своим аввой. Много сил отдал Преподобный благоустройству и защите монастыря от притеснений, писал полемические сочинения, был великим молитвенником и аскетом, подвизался в пещере (его первый биограф и преемник по игуменству Досифей однажды в течение двух часов созерцал дивный свет, исходивший из указанной пещеры во время молитвы там подвижника). Трудами Преп. Иова Почаев стал крепкой твердыней Православия в условиях противостояния католицизму. Через 7 лет после своей кончины Преподобный несколько раз явился во сне митрополиту Киевскому Дионисию Балабану и повелел открыть свои мощи. Обретенные в 1659 г., они стали последней из трех главных почаевских святынь (кроме следа Стопы Божией Матери и подаренной А. Гойской иконы Божией Матери), прославленных чудесами исцелений. Когда в 1675 г. окруженнную деревянной оградой (а не изображенными на поздних гравюрах крепостными стенами с башнями) обитель решили штурмовать шедшие на Польшу турки, беженцы-миряне и братия могли противопоставить оружью нападавших только веру и молитву - акафист к чудотворной Почаевской иконе. При пении "Взранной Воеводе" над монастырем явилась Сама Пречистая с распостертым омофором в руках, небесными ангелами и Преподобным Иовом, молящимся о спасении обители. Увидев небесное воинство, турки стали пускать в него стрелы, но те возвращались и поражали стрелков. Объятые ужасом иноземцы бежали. Некоторые из них были пленены православными. Несколько пленников приняли христианство и остались до конца дней своих на послушании в Почаеве. Между 1720 и 1730 гг. монастырь все же перешел в унию. Но и при униатах здесь произошли промыслительные события. Как-то в 1759 г. лошади ехавшего мимо Почаева графа-католика Николая Потоцкого перевернули коляску. В ярости граф выхватил пистолет чтобы убить не справившегося с управлением кучера. Поняв, что настал последний миг, тот повернулся в сторону видневшейся обители с молитвой к Божией Матери. Пистолет трижды дал осечку. Ошарашенный Потоцкий заметил в глазах кучера огонек какой-то безумной надежды и, выяснив, в чем дело, немедля отправился в монастырь. Увидев образ, который молитвенно вспоминал кучер, граф принес покаяние и все свои материальные средства направил на благоустройство обители (произвел здесь грандиозные перестройки) и прославление Почаевской иконы (добился признания ее в 1773 г. католичес-

кой церковью чудотворной с возложением на изображение Божией Матери корон). Крупнейший исследователь Почаевской Лавры протоиерей А. Хойнацкий (преставился в 1887) писал: "Быть может, Промыслу... нарочито благоугодно было прославить эту святую икону... на границе с западною Европою..., дабы некогда послужить для сей последней путеводною звездою к... единению, о котором... молит Св. Церковь наша Православная, и задатки которого так поразительно и поныне открываются на горе Почаевской - в общении с нами в молитвах перед чудотворною иконою... всех латинствующих... собратий наших, исповедающих ее воистину чудотворною". Потоцкий возбуждал дело и о канонизации католической церковью Преп. Иова, но она не состоялась. От мощей Преподобного чудеса совершились и при униатах, и последние тайно чтили его.

В 1831 г. монастырь вернулся в лоно Православия. Здесь обосновалась резиденция Волынского епархиального архиерея с Консисторией. В 1834 г. обитель "по многочисленности стекающихся в оную богомольцев, по великолепию ее церквей, обширности и огромности зданий" четвертой по счету среди русских монастырей получила титул Лавры. Название это утвердилось еще при униатах, и, вероятнее всего, издавна бытовало среди людей, считавших Почаевскую обитель Лаврой по важности ее святынь. В 1841 г. епархиальное управление перевели в Житомир, но монастырь остался под управлением Волынских владык, проводивших лето, как правило, в Почаеве. Во второй пол. XIX в. Лавра стала крупным религиозно-просветительным центром. Важное значение в этом отношении имели издания здешней типографии (по одним данным, унаследована от Гойской, по другим возникла не ранее 1720 г.; в 1921 г. вывезена в США, где действует при монастыре Преп. Иова Почаевского в Джорданвилле). С 1869 г. при Лавре действовало научно-ремесленное училище (в 80-х гг. XIX в. преобразовано в 2-классную церковно-приходскую школу), в 1890-1891 гг. - церковно-училищная школа. В 1951-1957 гг. в монастыре подвизался Преп. Кукша (Величко; преставился в 1964 г.), нес послушание киотного у чудотворной иконы, исповедовал людей, совершал раннюю Литургию в храме Преп. Иова, который сослужил подвижнику. С 1988 г., когда в СССР прекратились гонения на Церковь, часть лучшей братии Лавры принимала участие в возрождении других монастырей. В 1991 г. в обители открылась богословская школа для подготовки священнослужителей и псаломщиков в западноукраинские епархии (в 1994 г. преобразована в Почаевскую Духовную Семинарию). С 1996 г. Лавра имеет Ставропигию и управляет через наместника, носящего сан архимандрита. Почаевская гора возвышается над окрестностями на 60 м. Войти в Лавру можно с восточной (через Св. врата) или западной (от автостанции и монастырской гостиницы) сторон. Каменная стена вокруг обители с двухэтажным зданием Св. врат в стиле классицизма возведены в 30-х гг. XIX в. Престольный храм воздвигнут в 1771-1783 гг., сменил стоявшую на его месте с 1649 г. каменную Троицкую церковь и является ярчайшим произведением переходного периода от барокко к классицизму в Украине (архитекторы Г. Гофман и П. Полиевский; сооружался под наблюдением жившего в Почаеве безвыездно Н. Потоцкого; крестообразная трехнефная центральнокупольная базилика с удлиненным прямоугольным в плане алтарным объемом; к углам лицевого фаса-

да примыкают поставленные диагонально высокие четырехгранные башни; при учте местного рельефа и необходимости включить в свою площадь след Стопы Божией Матери храм направлен алтарем на север; существующее внутреннее восточноправославное убранство сложилось во второй пол. XIX в. и прекрасно гармонирует с западным архитектурным обликом собора). В склепе под храмом покоится Н. Потоцкий (преставился в 1782 г.). Ниже уровня пола собора находится камень со следом Стопы Божией Матери. Под камнем расположен грот, где набирается источаемая из следа вода. Над описанным камнем в соборе установлены ковчег и киот с барельефным изображением явления Божией Матери на Почаевской горе в XIII в. В определенное время богомольцы могут приложиться к ковчегу и получить здесь у дежурно-приобрести в запечатанных сосудах). На уровне 3-го яруса иконостаса в звездообразном киоте на двух шелковых лентах помещена чудотворная Почаевская икона Божией Матери (в установленное время образ опускают для лобзания молящимися). С Успенским собором и между собой связаны прямоугольные келейные корпуса, образующие замкнутую архитектурную композицию с внутренним двориком (Г. Гофман, К. Кульчицкий). В восточном крыле системы корпусов расположена теплая церковь Похвалы Пресвятой Богородицы (1862 г.) с приделом на хорах во имя Победы Божией Матери над турками в 1675 г. (1875 г.); такой престол существовал и до униатов, но при строительстве Потоцкого был упразднен). В западном крыле корпусов - трапезный храм Свв. Великомуч. Варвары и княгини Ольги (1888 г.). Во дворике между корпусами, против алтаря Успенского собора, находится часовня со списком Почаевской иконы Божией Матери (1888 г.). В северо-западном углу дворика возвышается вторая часовня - над колодцем 46-метровой глубины, ископанным по благословению Преп. Иова в годы, когда внук Гойской А. Фирлей, будучи лютеранином, запретил почаевским инокам брать воду на окружающих гору землях. На восточной стене часовни снаружи устроены краны, в которые колодезная вода поступает по установленной впоследствии насосной системе. Весь южный склон Почаевской горы укреплен высокой подпорной стеной. Обходя Успенский собор ломаной линией с юга, она об разует напротив лицевого фасада храма гигантский прямоугольный выступ, на вершине которого, перед парадным входом в собор, раскинулась широкая видовая площадка-гульбище. На выступе подпорная стена имеет два яруса окон. Благодаря этому собор кажется лишь верхней, более узкой частью огромного многоярусного сооружения, скрывшего под собой гору. Внутри выступа один над другим расположены два (соответственно ярусам окон) полуподземных храма, вытянутых с запада на восток в виде галерей: верхний - Преп. Иова Почаевского ("Пещерный"; 1774 г., перестраивался; первоначально во имя Св. Варвары; нынешнее название - с 1864 г.), нижний - Преп. Антония и Феодосия Печерских (1848-1860 гг.). В середине северной, глухой стены Пещерного храма - вход в естественный грот с серебрянной ракой мощей Преп. Иова (на месте церкви размещалось старинное кладбище, где и обрели нетленное тело праведника), пожертвованной в 1842 г. известной благотворительницей русских монастырей А. Орловой-Чесменской. В 1889 г. над ракой устроен современный балдахин из белого каррарского мрамора, привезенного из Италии (мастер Л. Менционе).

не). В том же гроте - вход в пещеру Преп. Иова. Она представляет собой сравнительно небольшую естественную пустоту с неправильными очертаниями, образовавшуюся в твердой горной породе под влиянием природных стихий. Здесь могут разместиться одновременно ок. 10 человек стоя, но и один не смог бы удобно сесть или лечь, вытянув ноги. В таких условиях совершал свою молитву Преп. Иов. Вход в пещеру похож на дупло и невелик в размерах. Преодолеть его можно только ползком. Края входа и внутренние стены пещеры до блеска отшлифованы руками огромного количества верующих, побывавших здесь. Северо-восточнее Успенского храма расположен Троицкий собор (1906-1912 гг.; проект А. В. Щусева; возведен в формах российского зодчества XV в.: одноглавый беленый куб; трехнефный, крестовокупольный, трехапсидный, с притвором, над северным членением которого возвышается круглая башня, служащая для входа на хоры; иконостас также спроектирован Щусевым). Храм строился в то время, когда образованные русские умы открыли для себя духовную красоту забытых зодчества и иконописи Древней Руси. Существенную роль в создании выразительного образа собора играют мозаичные панно и росписи на южном, западном и северном порталах (южное панно выполнено по эскизу художника Н. К. Рериха). Между Троицким и Успенским соборами возвышается четырехъярусная 65-метровая колокольня (1861-1869 гг.; третья из наиболее высоких монументальных сооружений Украины после Большой Киево-Печерской и Киево-Софийской колоколен; поздний классицизм; на 3-м ярусе находятся колокола, наибольший из которых весит 719 пуд. и отлит в 1886 г. в Москве; всего колоколов - 13; на 4-м ярусе - куранты с часами).

Богослужения: 5. 00 - полунощница в Успенском соборе; 5. 45 - акафист перед чудотворной Почаевской иконой (там же); 6. 00 - часы и ранняя Литургия в церкви Преп. Иова Почаевского; 9. 00 - поздняя Литургия; 17. 00 - вечерня с утрени; пн. и чт. - Соборование в храме Похвалы Пресвятой Богородицы; ср., после вечернего правила (начало в 21. 00) - братский акафист; пт., после утрени - соборная панихида.

На западной окраине Лавры, со стороны находящейся невдалеке автостанции, расположена монастырская гостиница. Прием в будни с 12. 00 до 22. 00, в воскресные и праздничные дни с 14. 00 до 23. 00 с перерывом с 16. 00 до конца вечернего богослужения. Места можно забронировать по тел. 6-12-18 за 1-2 суток (кроме дней перед большими местными праздниками: Почаевской иконы Божией Матери - 5 авг. н. ст., Успения - 28 авг. н. ст., Обретения мощей Преп. Иова Почаевского - 10 сент. н. ст., Преп. Иова Почаевского - 10 нояб. н. ст.). Возле гостиницы имеется место для парковки паломнических автобусов. В небольшой пристройке к зданию Св. врат Лавры, внутри монастырской ограды (справа для входящего) находится офис, где можно заказать экскурсии по обители (открыт с 11. 00 до 16. 00). Ближайшие станции: "Кременец" (ок. 20 км на северо-восток), Радивилов (в Ровенской обл., линия Дубно-Броды, ок. 21 км на северо-запад).

(Из книги В. Дятлова
"Монастыри Украинской Православной Церкви", К.: 1997).

8. "Волынская духовная семинария ... переводилась в Житомир". Это событие произошло осенью 1902 года.

9. "по слухам корпусного военного праздника". В Кременце располагалась Волынская бригада отдельного корпуса пограничной стражи, 31-й Рижский и 34-й Стародубский драгунские полки, 42-й Якутский пехотный и 12-й Донской казачий полки.

10. "С 1902 года началась моя новая жизнь" - см. краткую биографическую справку во введении.

11. "будучи осужденным советским правительством на ссылку в Архангельскую губернию". Серов И.А. был осужден по постановлению Особого совещания при коллегии ГПУ УССР от 13 ноября 1931 года к высылке через ПП ОГПУ в Северный край на 3 года. По административно-территориальной реформе 1925 года Архангельская губерния была преобразована в Северный край.

12. "вызывают в г. Онегу". Онега - центр округа, в настоящее время - районный центр Архангельской обл.

13. "... пишу письмо моему милому другу во Христе о. Александру Гаврилюку". Протоиерей Александр Васильевич Гаврилюк родился 24 марта 1881 года в м. Почаев в семье рабочего лаврской типографии. В 1903 году окончил Волынскую духовную семинарию, а в 1907 году - Московскую духовную академию. До революции работал учителем в Мариинской женской гимназии в г. Житомире. Был он человеком некрепкого здоровья и по этой причине вынужден был отказаться от рентгентского дела, что давало ему дополнительный заработка к его скромному окладу в Мариинской гимназии. Сан священника принял в годы гонений на Церковь - в 1922 году. Этим шагом он сознательно избрал исповеднический путь. В 1923 году становится членом Свято-Николаевского братства. Первый раз он претерпел узы в 1927 году. В этот год обновленцы при помощи властей пытались захватить епархию. Правящий владыка Аверкий был арестован, а епархиальное управление захватили обновленцы. Священники, выступившие против раскольников, тоже были арестованы. Среди них был и о. Александр. Второй раз его арестовали в ночь с 16 на 17 марта 1931 года по адресу Базарная площадь, 4. На следствии он показал: "Какие-либо особенные цели братства мне неизвестны. Знаю о благотворительной деятельности братской общины - бесплатные погребения, материальная помощь, оказывавшаяся нуждающимся публично в храме. Размеры этой помощи мне совершенно не известны". 13 ноября 1931 года его этапировали в ссылку сроком на три года в Архангельский край, где вместе с о. Юлианом Красицким находился на острове Соломба в деревне 1-я Соломбайская. В 1934 году о. Александр вернулся из ссылки и служил священником в Свято-Николаевском храме на Смолянке. Третий раз был арестован 29 ноября 1937 года по адресу Русская Слободка, 31. Постановлением

тройки при УНКВД по Житомирской обл. от 1-2 декабря 1937 года заключен в исправительно-трудовые лагеря сроком на 10 лет за призывы к организованным выступлениям против закрытия церкви. Ему шел 57 год, он был инвалидом третьей группы, страдал сердечной астмой, болезнью желудка, и имел физический недостаток руки. И, несмотря на слабость здоровья и преклонные лета, он нес крест исповедника, терпя все тяготы лишений в узах. В марте 1939 года о. Александра привезли в Житомир из Лебединской тюрьмы (Харьковская обл.). Здесь в Житомирской тюрьме он пробыл два месяца без допросов и объяснений, зачем привезли. Затем вновь вернули в Харьковскую тюрьму, а затем в сентябре отправлен в лагерь. Найдился он в Усольлаге НКВД г. Соликамск Молотовской области (ныне Пермская обл.), где и принял мученический венец.

14. "На почте получил деньги, высланные из дома на дорогу, посылку от о. Василия Малахова." Малахов Василий Яковлевич, 1872 г. р., уроженец Витебской области, из духовенства, русский, окончил духовную Академию. До революции был преподавателем Волынской духовной семинарии (г. Житомир). Проживал в Житомире по ул. 1812 года, или К. Маркса, 58. В 1922 г. был свидетелем и экспертом по церковным ценностям и свидетелем по делу епископа Аверкия и священника Аркадия Остальского. С 1924 года - священник. Умер в ссылке зимой 1937 г. в г. Каргополь. Жена, Малахова Мария Каллиниковна - один из учредителей Свято-Николаевского братства г. Житомира.

15. "...этот документ я должен буду представить в Онежское ГПУ" В г. Онега располагался окружной отдел ГПУ Северного края.

16. "Мой крестик сняли с меня в Житомирском ГПУ, он был золотой". В протокол обыска и акт изъятия крестик не был включен.

17. Епископ Вячеслав (Шурко Василий Феофилович) родился 25 апреля 1886 года в г. Полтаве. Образование получил в Полтавской гимназии и Киевской духовной семинарии. С 29 сентября 1910 г. находился в Киево-Печерской Лавре. В Киевской духовной академии учился «келейно», т.е. у профессоров академии на дому. Им была написана кандидатская работа на тему «Пастырское делание на ниве Христовой», которая получила одобрение со стороны профессоров: прот. О. П. Светлова и проф. О. В. Прилуцкого, но официально степени кандидата богословия он не получил. После занятия Лавры обновленцами был некоторое время (с 1926-1928 г.) приходским священником в г. Киеве (на Трухановском острове). В 1929 году переведен в Лавровскую Китаевскую пустынь на должность проповедника, где пробыл до 1931 года. После этого, снова был на приходе в предместье г. Киева - Пуща-Водица, где возведен в сан игумена. В октябре 1932 года перед наречением во епископа возведен в сан архимандрита. 13 ноября 1932 г. хиротонисан во епископа Новоград-Волынского, викария Киевской епархии с назначением управлять Житомирской епархией. Хиротония состоялась в Киеве в малом Софийском соборе. Хиротония состоялась в Киеве в малом Софийском соборе.

нию совершали: архиепископы Сергий Киевский, Василий Каневский, архиепископ-схимонах Антоний и епископ Уманский Александр. С 23 октября 1934 г. - епископ Сумской, вик. Харьковской епархии. В 1936 г. - епископ Яранский, вик. Кировской епархии. Был человеком кротким, глубоко религиозным, но со странностями. Его благочестивую настроенность многие принимали за утонченное юродство. Так, например, он мог во время службы неожиданно рассмеяться вслух, или не ответить на заданный вопрос, а только посмотреть на вопрошающего с непонимающей улыбкой или ответить невпопад. Служил он истово, но некрасиво, так как имел очень тихий и глухой голос и совершенно не имел слуха. Составил акафист Преподобномуч. Анастасии. Был высокого роста, имел представительную наружность. Дальнейших сведений о нем не имеем.

Архиепископ Филарет (Линчевский Андрей Константинович) родился 22 июля 1873 года в с. Подорожне Чигиринского уезда Киевской губернии. Сын псаломщика. В 1895 году окончил курс учения в Киевской духовной семинарии по I разряду со степенью студента семинарии. С 4 июля 1895 г. по 6 мая 1897 г. состоял в должности старшего учителя в двухклассной школе с. Боровицы Чигиринского уезда. 6 мая 1897 года митрополитом Киевским и Галицким Иоанникоем рукоположен во священника к Покровской церкви с. Больших Гадомец Бердичевского уезда. Год был заведующим-законоучителем церковно-приходской школы с. Великих Гадомец Бердичевского уезда. 2 мая 1898 года по прошению резолюциою архиепископа Херсонского и Одесского Иустина переведен к Покровской церкви с. Серезлиевки Елисаветградского уезда. В то же время по 19 июля 1904 года был заведующим и законоучителем церковной школы грамоты с. Серезлиевки. 1 января 1905 года перемещен к Николаевской церкви с. Вольшки Киевского уезда. В то же время был заведующим-законоучителем церковно-приходской школы с. Вольшки. 6 марта 1906 года переведен к Димитриевской церкви с. Моисеевки Сквирского уезда. В то же время по 23 сентября 1910 г. был заведующим-законоучителем церковно-приходских школ с. Моисеевки и д. Быстровки Сквирского уезда. 16 марта 1908 года награжден на бедренником. В 1910 году поступил в Киевскую духовную академию, каковую окончил 14 июня 1914 года со степенью кандидата богословия. С октября 1913 г. по сентябрь 1914 г. законоучительствовал в одноклассном училище при Киевской воспитательной колонии. 5 сентября 1914 года указом Св. Синода назначен на должность преподавателя гомилетики, литургики и практического руководства для пастырей в Холмскую духовную семинарию. 20 марта 1915 г. епископом Холмским и Люблинским Анастасием во внимание к отлично-усердному исполнению своих обязанностей награжден скуфьею. Во время занятия г. Холма неприятелем находился у своего зятя священника с. Рудого Сквирского уезда и возвращаться в Холм не пожелал. 1 июля 1915 года назначен законоучителем Сквирской мужской гимназии. Временно исполнял обязанности директора той же гимназии. С 25 июня 1916 года допущен к исполнению пастырских обязанностей в Сквирском земском лазарете. Был женат, имел четверо детей. После смерти жены пострижен в монашество. С 2 декабря 1923 г. по 1932 г. - епископ Черкасский и Чигиринский (проживал в Киеве); с 1932 по 1934 г. - архиепископ Винницкий (проживал в м. Хмельник); на протяже-

нии двух месяцев в 1934 году был архиепископом Уманским (проживал в Киеве); с октября 1934 года - архиепископ Волынский и Житомирский (проживал в Киеве). С переездом в 1934 г. экзарха Украины митрополита Константина (Дьякова) в Киев исполнял обязанности управления канцелярией экзархата. В 1926 г. был арестован ОГПУ и выслан на 3 месяца в Уральскую область. 2 января 1931 года был арестован и через 6 месяцев освобожден за прекращением дела. 12 июня 1937 г. был арестован Киевским НКВД по адресу ул. Старо-Забарская, 7А. Обвинялся по ст. 54-10. 20 ноября 1937 г. приговорен к расстрелу, а 27 ноября того же года расстрелян.

Протоиерей Николай Михайлович Бурчак-Абрамович родился 21 марта 1858 года в с. Городно Владимир-Волынского уезда Волынской губернии. Потомственный дворянин, сын священника. 15 июня 1879 года окончил курс Волынской духовной семинарии со званием студента. 1 августа 1879 г. определен псаломщиком Лукинской церкви с. Городно и учителем местной церковной школы. 9 сентября 1880 г. назначен надзирателем за учениками Клеванского духовного училища. С 1 ноября 1880 г. по 16 августа 1884 г. преподавал латинский язык в том же училище. С 1883 г. по 1 мая 1884 г. исполнял должность преподавателя русского языка, помощника смотрителя и члена правления училища. Резолюциою архиепископа Волынского и Житомирского Тихона от 23 мая 1884 г. назначен на священническое место в с. Драчи Заславского уезда и рукоположен 29 июля того же года епископом Острожским Александром. 6 мая 1885 г. избран членом окружного духовно-училищного съезда, а 7 октября назначен членом епархиального съезда по Заславскому уезду, от обоих должностей уволен по собственному желанию 22 июля 1887 года. С 6 июля 1886 г. по 15 сентября 1894 г. был наблюдателем церковных школ 2 округа Заславского уезда и членом уездного отделения. 17 июня 1887 года резолюциою архиепископа Волынского и Житомирского Палладия переведен для пользы службы и чешского дела в с. Гульчу Острожского уезда, а резолюцией епископа Острожского Александра от 27 августа 1887 года оставлен на прежнем месте. 17 октября 1889 года указом Волынской духовной консистории назначен помощником благочинного 2 округа Заславского уезда. 15 июня 1894 года резолюцией архиепископа Волынского и Житомирского Модеста назначен на вновь открывшееся место второго священника при Архангело-Михайловской церкви г. Житомира. Предложением того же владыки за усердие по службе 25 августа 1900 назначен настоятелем той же церкви. С 1879 по 25 августа 1900 г. был законоучителем церковно-приходских школ: Городненской, Драчевской, Пеньковской; Житомирских: Михайловской и Путятинской. С 24 марта 1900 г. заведывал Архангело-Михайловской школой. Законоучительствовал в двухклассном городском училище, женской частной гимназии, воскресной школы и вечерних классов. Был уездным наблюдателем церковных школ Житомирского уезда с 15 июня по 12 декабря 1869 года и с 8 января по 1 августа 1898 года. Был членом Волынской духовной консистории, председателем ревизионного комитета по проверке отчетов в израсходовании сумм, отпускаемых на постройку церквей и приходовых помещений Волынской епархии, председателем ревизионного комитета по общежитию семинарии, председателем губернского ревизионного комитета, членом житомирского уездного отделения училищного совета

и членом школьной комиссии и делопроизводителем отделения, членом-казначеем епархиального свечного завода, членом благотворительного общества, Холмского братства, членом распорядительного комитета, казначеем археологического общества, почетным членом общества вспомоществования воспитанницам духовного училища, общества садоводства, членом попечительного совета и духовником общины Красного Креста. Настоятелем Архангело-Михайловской церкви был до 1924 года. Отпадал в обновленческий раскол, но принес покаяние. Служил в Богоявленской церкви, а после закрытия оной в кладбищенских храмах сначала – Иаковлевском, потом – Николаевском. С сентября 1937 г. – настоятель Николаевской церкви на Смолянке. Арестован 27 июня 1938 года. Обвинялся по ст. ст. 54-10, 54-11. Решением тройки при УНКВД по Житомирской области от 3 ноября 1938 года приговорен к расстрелу, а 4 ноября того же года расстрелян. Реабилитирован ВТ Прик. ВО от 14.02.1998 г.

18. "... закрытие Богоявленского храма - 6.12.1935 г." В это время были закрыты все церкви г. Житомира, кроме кладбищенских на Вильской и Смолянке.

19. "На всенощное бдение пришли в Кладбищенский храм потерявшие свой храм Бурчак-Абрамович и Иваницкий..." Протоиерей Михаил Васильевич Иваницкий родился 22 мая 1877 года в с. Кагарлицкая слобода Киевского уезда в семье священника.. Последовательно окончил духовное училище (1892 г.), духовную семинарию (1898 г.) и духовную академию (1902 г.). По окончании полного курса наук в Киевской духовной академии был удостоен ученой степени кандидата богословия. 16 января 1903 года назначен учителем русского языка в параллельное отделение 1 класса Киево-Подольского духовного училища. 5 июля 1903 года назначен учителем чистописания в I женском училище духовного ведомства. 27 января 1904 г. перемещен на должность преподавателя греческого языка в Киевскую духовную семинарию. Согласно прошению определен на священническое место при Киево-Подольском Успенском соборе с оставлением в должности преподавателя семинарии. 7 марта 1904 года рукоположен во священника. С 26 мая по 10 октября 1904 года был секретарем правления КДС. С 14 декабря 1907 года перемещен на должность преподавателя священной истории, катехизиса и объяснения богослужения с церковным уставом в Киево-Подольское духовное училище. В Успенском соборе г. Киева прослужил до 1929 года, а с октября 1929 г. священник Куреневской Петропавловской церкви в Киеве. Арестован Киевским горотделом ГПУ 15 октября 1930 года в Киеве, по ул. Старо-Забарской 7А. Особым совещанием при коллегии ГПУ УССР осужден по ст. 54-10 УК УССР на 3 года высылки, отбывал наказание в Вышинском лагере. Освобожден 10 июня 1933 г. Архиепископ Волынский и Житомирский Филарет (Линчевский), при своем назначении на Волынскую кафедру забрал его в Житомир, где назначил секретарем епархии, а на его квартире останавливался по своему приезде в Житомир. Служил сначала в Богоявленском храме, а потом кладбищенских церквях – сначала Иаковлевской, а потом Николаевской. Арестован Житомирским окружным отделом НКВД 9 сентября 1937 года. Обвинялся

по ст. ст. 54-10, 54-11 УК УССР. Согласно обвинительного заключения от 25 мая 1938 года дело направлялось на рассмотрение тройкой при УНКВД Житомирской обл. с резолюцией: "участник подпольной фашистской организации церковников – тихоновцев и проводил контрреволюционную работу". Умер во время следствия 3 августа 1938 года. Заключение врача тюремной больницы: "миокардит". Постановлением прокурора Житомирской области от 12 сентября 1989 года дело прекращено "за отсутствием состава преступления".

20. "Получил письмо от Сони Каррик." 19.03.1938 Каррик София Зиновьевна, 1902 г. р. уроженка с. Гораево бывш. Ломжинской губернии. Монахина, проживала по ул. Бердичевской д 79 кв 4. Волынским окружным отделом ГПУ 17 марта 1931 г. по ст. 54-10, 54-11 УК УССР. Было предъявлено обвинение в активном участии в Свято-Николаевском братстве. Дело было прекращено 11 октября 1931 года за неоказанностью обвинения.

21. " 23.03, среда. Сегодня ходил на базар и сдал письмо Наталии Ивановне". Наталья Ивановна Оржевская, урожденная княгиня Шаховская. Председательница Совета Свято-Николаевского братства г. Житомира.

22. "... встретил одного батюшку о. Сергея Мильницкого... Мало что узнал я о Житомирской жизни". В архиве Житомирского УНКВД сохранилось дело о. Георгия Мельницкого, который, предположительно, мог приходить родственником о. Сергию. Протоиерей Мельницкий Георгий Антонович, 1876 г.р., уроженец села Ступино Улановского района Винницкой области. Арестован УНКВД Житомирской области 14 апреля 1938 года по ст. 54-10, 54-11 УК УССР. По приговору тройки при УНКВД Житомирской области от 10 мая 1938 года был расстрелян 3 июня 1938 года в Житомире. Реабилитирован посмертно Житомирским обл. судом 3 февраля 1958 г.

23. "В этот день я был арестован". По материалам архивно-следственного дела арест состоялся 17 марта 1931 года. Из протокола обыска, подписанныго сотрудниками ГПУ Пихтяровым и Проскуриным, милиционером 2-го райотдела милиции Лежиным и жителем дома Родковским следует, что арест состоялся 17 марта 1931 года и что во время обыска была изъята переписка, царские деньги, керенки. Вместе с И.А. Серовым в ночь с 16 на 17 марта 1931 г. в Житомире были арестованы: священник Красицкий Юлиан Павлович, протоиерей Гаврилюк Александр Васильевич, священник Николаев Илья Александрович, а также члены Свято-Николаевского братства Фролов Петр, Авхукова Неонила, Каррик София, монахиня Хиония (Ящинская).

24. "сняли с меня нательный крест - золотой - с вежливым замечанием: "Когда будете идти обратно, то возвратим". В акте об изъятии нет сведений об изъятии нательного креста...

25. В архивно-следственном деле сохранились 3 протокола допроса И.А. Серова: от 17 марта 1931 г., 7 мая 1931 г., 9 мая 1931 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ
ИОАННА АНДРЕЕВИЧА СЕРОВА

* * *

Когда тоска твое сознанье гложет,
И как змея, в груди твоей сосет,
И веры - будто нет, что кто-либо поможет
И радости хоть каплю принесет.
Тогда пади во прах пред промыслом Владыки,
Сознав свое ничтожество, смирись!
Трепещут ведь пред ним духов небесных лики!
К союзу их и ты душой стремись...
Пройдет тогда и бури рокотанье
В твоей груди, в твоей душе мятежной,
Наступит штиль, проснется и сознанье,
Что ты - ничто в юдоли этой грешной...
Зачем тебе мечтаньем упиваться,
Зачем желаньем сердце расширять?
Придется ведь со всем земным расстаться,
И тело бренное истлению отдать...
Покорность покажи ты воле провиденья,
Смири свой гордый ум пред Образом Творца,
Всю прелесть мира - зло отдан забвенью,
Тогда увидишь лик небесного Отца.

25.12.50 г., понедельник.

**Ко дню открытия Житомирского собора,
восстановленного в 1954 году**

Родной душе Житомирский Собор,
Люблю широкий твой простор,
Люблю строенья твоего я силу - простоту,
И вижу строгую в них линий красоту.
Люблю колонн твоих гранитных мощь,
Какую и векам, как-будто, трудно превозмочь.
Люблю в тебе высоких сводов глубину,
Что манит взор мой во глубоку вышину.
Любил, бывало, слушать я твои колокола,
Что волны звуков нам несли сюда,
И звуки те гремели, пели и гудели,
Сердца ленивые как-будто пробудить хотели,
И эхом окрыленные, куда-то вдаль летели.
“То наш Собор благовестит”, –
Народ, крестясь, бывало, говорит.
...Когда пришла ненастия пора,
Пора грозы военной подошла,
Разбила все вокруг и разнесла,
Мой храм безгласен стал и нем,
Раздет, унижен, оголен,
Стоит, как нищий в рубище своем.
И много лет, как нищий он стоял,
Но величавость строгую в себе он сохранял.
Когда ж Высокой милости Рука
Достойного коснулась сердца и ума, –
Души большой коснулась Человека,
Что слово крепкое в себе нашел: “Твори!”
То вот, прохожий, посмотри:
Собор мой возрожден, сияет,
И яркой белизной блестает,
И золотом на куполах своих сверкает.
И вновь, и вновь моленья сердца жаркие идут,
Печаль и радость душ мирских сюда несут,
И вновь и вновь мой храм в ответ
Им благодать свою высокую ниспосыпает и дает.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

**ОБЗОРНАЯ СПРАВКА
по архивному уголовному делу Серова Ивана Андреевича**

Серов Иван Андреевич, он же о. Иоанн, 1876 года рождения, уроженец с. Стрелецкая Слобода Севского уезда Орловской губернии, русский, происходит из семьи мещан, образование среднее духовное. Женат, жена Евпраксия Павловна 50 лет, сын Алексей. Проживал в Житомире по адресу: ул. Дубенская, д. 2.

Арестован Оперативным сектором ГПУ УССР в ночь с 16 на 17 марта 1931 года. Обвинялся в преступной деятельности, выразившейся в активном участии в контрреволюционной организации, ставящей себе целью свержение существующего строя в СССР и систематическое ведение антисоветской агитации с целью подрыва Советской власти. Является одним из руководителей группы так называемого “Свято-Николаевского братства”, которая ставила перед собой цель группировки интеллигентии, не признающей Советскую власть. В его действиях видны признаки преступлений, предусмотренных статьями 54-10, 54-11 УК УССР.

Заключительным постановлением Житомирского оперативного сектора ГПУ УССР от 6 октября 1931 года возбуждено ходатайство перед Особым совещанием при коллегии ГПУ УССР об административной высылке из пределов УССР на Север сроком на пять лет.

Осужден 13 ноября 1931 года Особым совещанием при коллегии ГПУ УССР по статьям 54-10, 54-11 УК УССР к высылке через ПП ОГПУ в Северный край сроком на три года, считая срок с 17 марта 1931 года.

Заключением прокурора Житомирской области от 28 марта 1994 года на Серова Ивана Андреевича распространяется действие статьи 1 Закона УССР “О реабилитации жертв политических репрессий в Украине” от 17 апреля 1991 года, и он подлежит реабилитации из-за отсутствия доказательств, подтверждающих обоснованность привлечения к ответственности.

Комментарии исследователя:

1. О других членах семьи И.А. Серов сведений не давал.

2. Ордер об аресте выписан 16 марта 1931 года, а постановление о начале следствия, избрании меры пресечения и предъявлении обвинения составлены 17 марта 1931 года.

3. Санкция прокурора на арест в деле отсутствует.

4. Серов И.А. в ходе следствия допрашивался трижды: 17 марта, 7 мая и 9 мая (согласно материалам дела).

5. Вместе с Серовым И.А. по уголовному делу проходили священники: Красицкий Юлиан Павлович, Гаврилюк Александр Васильевич, Николаев Илья Александрович, монахини Каррик София Зиновьевна и Ящинская Анастасия Николаевна, она же инокиня Хиония, которые также осуждены на различные сроки. Все они являлись членами Свято-Николаевского братства. Под следствием в течение восьми месяцев находились и миряне Авхукова Неонила Павловна и Фролов Петр Михайлович.

**Ответственный секретарь редколлегии книги
“Реабілітовані історію. Житомирська область”.
Евгений Романович ТИМИРЯЕВ.**

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Аверкий (Кедров Поликарп Петрович), архиепископ Волынский и Житомирский, с. 66.

Анатолий, архимандрит, бывший монах Соловецкой обители, священник с. Большой Бор бывш. Архангельской губ., с. 44.

Амвросий, архимандрит, наместник Почаевской Лавры, с. 30.

Бурлаковы Михаил Степанович и Матрена Федоровна, жители с. Коломенки бывш. Архангельской губ., сс. 43, 47, 57.

Бурчак-Абрамович Николай Михайлович, протоиерей, г. Житомир, сс. 65-67.

Вениамин, епископ, викарий Уфимской епархии, с. 48.

Вячеслав, епископ Новоград-Волынский, сс. 64-66.

Гаврилюк Александр Васильевич, протоиерей, г. Житомир, с. 39.

Геллассий, священник, сс. 27,29.

Дорофея, ссыльная монахиня Кавказского монастыря, г. Онега, с. 48.

Евмений, архиепископ Житомирский и Овручский, с. 5 (во введении).

Емилиан, иеромонах, г. Житомир, с. 66.

Зенова Ксения, жительница с. Поле бывш. Архангельской губ., с.

44.

Ивановы Александра Андреевна, Иван Андреевич, Мария Васильевна – жители Архангельской обл., с. 60.

Иваницкий Михаил Васильевич, протоиерей, г. Житомир, с. 67.

Каллист архимандрит, бывш. настоятель Жадовской пустыни Симбирского уезда, сс. 37, 38, 42.

Каррик София Зиновьевна, монахиня, г. Житомир, сс. 73, 87.

Корженевский Леонид, ссыльный священник из Волыни, с. 56.

Колесова Павлина Павловна, жит. с. Поле Архангельской губ., сс. 43, 55-58.

Лаврентий, регент Почаевской Лавры, с. 32.

Леонтий, епископ Коростенский, с. 66.

Лярго Михаил, священник, с. 51.

Малахов Василий Яковлевич, священник и его жена Малахова Мария Каллиниковна, сс. 68, 76.

Малик Александр Платонович, житель г. Лубны, с. 73.

Мартиниан, иеромонах, духовник И. А. Серова в Глинской пустыни, с. 27.

Мельницкий Сергий, священник, г. Лубны, с. 79.

Паисий, епископ, викарий Волынский, сс. 32, 35.

Рафаил, иеромонах, регент Почаевской Лавры, сс. 29, 30.

Созонов Феодор, житель г. Житомира, с. 86.

Серафим, архиепископ Казанский, с. 27.

Серафим, архимандрит, игумен Площанской пустыни, с. 28.

Сморагд (Смарагд), иеромонах Площанской пустыни, с. 29.

Спиридон, архимандрит, в схиме Дионисий, с. 5 (во введении)

Филарет (Линчевский), архиепископ Волынский и Житомирский, сс. 64-66, 78.

Шарапов, десятник-надсмотрщик на спецпоселении, с. 61.

Упомянутые в дневнике адресаты И.А. Серова:

Соня и Адам (с. 77), Слава (сс. 74, 77), тетя Надя (сс. 78, 79.), Раиа (сс. 74, 79), Анатолий (с. 74), Наталья Ивановна (с. 75), Василий Кондратович (с. 75), Андрей Фаддеевич (с. 75).

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

Архангельская губерния

Большие Озерки, село Онежского округа Северного края

Большой Бор, село

Вологодская губерния

Волынская губерния

Глинская пустынь

Горбаси, село Черняховского р-на Житомирского округа

Екатеринославская губерния

Жадовская пустынь

Житомир, центр округа Киевской области, с 22 сентября 1937 г. областной центр

Казань

Камениха, село Онежского округа Северного края

Карельское, село Онежского округа Северного края

Коломенки, село Онежского округа Северного края

Кременец, Волынской губернии

Коростень, ж/д станция Юго-Западной ж/д

Курск

Лычевка, село Староконстантиновского уезда Волынской губернии

Лубны, город Полтавской губернии

Малые Озерки, село Онежского округа Северного края

Минск

Москва

Обозерская, железнодорожная станция Кировской ж/д

Орловская губерния

Петроград

Площанская пустынь

Поле, Пороги - села Онежского округа Северного края

Полтавская губерния

Путивль, город

Онега, город Северного края

Ромны, город Полтавской губернии
 Симбирск
 Староконстантинов, город Волынской губернии
 Соловецкая обитель
 Сумы
 Ташкент
 Усолье, Усть-Кожа – села Онежского округа Северного края
 Чернигов
 Чекуево, Чуново – села Онежского округа Северного края
 В ходе административно-территориальной реформы СССР в 1925 г. губернии были ликвидированы, округа образованы в 1922-23 годах. Архангельская область образована 23 сентября 1937 г., до этого был Северный край. Житомирская область образована 22.09.1937 г. Волынская губерния ликвидирована в июле 1925 года.

СОДЕРЖАНИЕ	
О дневнике Иоанна Андреевича Серова	5
Дневник протоиерея Иоанна Андреевича Серова	15
ГЛАВА 1	
ДЕТСКИЕ И ЮНОШЕСКИЕ ГОДЫ. МОЛОДОСТЬ (1875 - 1902 гг.)	16
1.1. Вместо предисловия	16
1.2. Появилось на свет маленько существо	17
1.3. Глинская пустынь	19
1.4. Прибой житейского волнительного моря	24
1.5. Площанская пустынь	28
1.6. Почаевская Лавра. Кременец	30
ГЛАВА 2	
ПОСЛЕДНИЕ МЕСЯЦЫ ССЫЛКИ (1931 - 1933 гг.)	36
2.1. В бараке на реке Шогле	43
2.2. Поход в Онегу за освобождением	43
2.3. Прощанье с новыми друзьями	54
2.4. Возвращение домой	58
ГЛАВА 3	
В ЖИТОМИРЕ ПОСЛЕ ССЫЛКИ (1934 - 1938 гг.)	63
3.1. Первые месяцы после возвращения	63
3.2. Епископ Вячеслав и епископ Филарет	64
3.3. Да будет Твоя, Господи, воля	67
ГЛАВА 4	
В ДЕСЯТИДНЕВНЫЙ СРОК ВЫЕХАТЬ ИЗ ЖИТОМИРА	71
ГЛАВА 5	
ВОСПОМИНАНИЯ ОБ АРЕСТЕ (1931 г.)	82
Вместо послесловия	90
Отдельные страницы оригинала дневника И. А. Серова	91
Фотографии	102
ПРИМЕЧАНИЯ	120

ПРИЛОЖЕНИЯ:

1.Два стихотворения И.А. Серова	135
2.Обзорная справка по архивному уголовному делу И.А. Серова	137
3.Указатель имен	139
4.Географический указатель	141

**Дневник
протоиерея Иоанна Андреевича Серова**

Редактор и составитель А. Ратыня.

Корректор Т. Субботенко.

Компьютерная верстка Т. Закалюжной.

Качество печати снимков соответствует качеству оригиналов.

Изготовлено издательским отделом **Ні-Ка**
СМП «Житомир-РИКО-ПРЕСС-РЕКЛАМА»

Тел. (0412) 34-44-07, 34-34-73

E-mail: nika@com.zt.ua

Дневник
protoиерея
Иоанна Андреевича
Серова